

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

4

БАКУ • 1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1987

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE

SOVIET TURKOLOGY

SOWJETISCHE TÜRKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhdiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyeu (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potsluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoy SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Е. З. КАЖИБЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЮРКСКОГО ПРЯЗЫКА: ПРОПЕДЕВТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Развитие и прогресс тюркского сравнительно-исторического языкознания невозможны без правомерной реконструкции теоретически исходного пратюркского состояния, что, в свою очередь, зависит от соответствующего уровня самой компаративистской науки, ее способности верифицировать и объединить в единое целое «разрозненные» языковые ярусы и блоки, «инвентарные» единицы и «репертуары» определенных систем, сбалансированности и относительной равномерности представления языковых структур различных уровней. Характеризующим показателем здесь следует признать глубину понимания и раскрытия «связанности» и системности языковых частей при интерпретации синхронно «необъяснимых» фактов как явлений, мотивируемых на фоне их включенности в структуры предшествующих состояний. Такой подход дает реальную возможность отойти от принципа постфактумной констатации и применить на практике приемы ретроспективного прогнозирования, вершиной которого является восстановление праязыковых черт, полностью утраченных (т. е. незафиксированных) в языках-потомках [1].

В тюркском сравнительно-историческом языкознании реконструкция праязыка чаще всего ограничивалась собственно грамматикой. Иначе говоря, ученые гораздо чаще и больше обращали внимание на звучание и строение слова и типы взаимосвязи ~ соединения слов, чем на само слово и его атрибутику [2]. Беспочвенность исторической тюркологии без реконструкции ее древнейшего словаря подчеркивали Дж. Клосон и Э. В. Севортян (Клосон. 1965: 220; Севортян. 1976: 48). Много места данному вопросу уделяет в своих книгах — единственных обобщающих лексикологических исследованиях на сегодняшний день — К. М. Мусаев (Мусаев. 1975; 1984). В то же время именно исследование пратюркского лексического фонда призвано прояснить целый ряд вопросов по словообразовательно-морфологической и фонетической архаике. «Порочный» круг, как кажется с первого взгляда, ибо успехи первого направления, в свою очередь, зависят от результатов второго, легко объясняется методическим требованием относительно равномерного соблюдения пропорций при изучении разных сторон единого комплекса детерминированных частей языкового механизма.

Можно говорить и о разнотипности и разнохарактерности многих из имеющихся на сегодня реконструкций, базирующихся зачастую на совершенно отличных друг от друга исходных посылах, или, по крайней мере, применимых и примененных для частных языковых сфер

[3]. Нередко коррекция отдельных этимологий известных тюркологов не менее известными учеными не облегчает задачу реального восстановления праформы, тем более что зачастую «выбор архетипа предопределен авторским представлением» (*Левитская, Мусаев. 1985: 99—100*; в частности, речь идет об этимологических правках Г. Дёрфера и А. М. Щербака к отдельным реконструкциям Э. В. Севортяна).

В этой связи необходимо отметить, что сложность собственно лексической, семантической и лексико-семантической реконструкций слова как такового от других лингвистических реконструкций (морфологической, морфонологической, фонетической и др.) состоит прежде всего в том, что для осуществления первых из них гораздо труднее провести работу по учету всех возможных внешних и внутренних типов анализа рассматриваемого явления с допущением реальности их взаимовлияния и взаимообусловленности, так как во многих случаях на праязыковом уровне бывает порой практически невозможно категорично квалифицировать конкретные лексико-семантические факты, например, только как древнедиалектные или общие, следствие позиционных условий или морфонологического сдвига, лексикализацию или семантическую филиацию и даже более того — морфологические, словообразовательные или фоносемантические ~ просто фонетические моменты, усугубляющиеся еще и тем, что процессы движения или развития содержательного объема лексемы чрезвычайно трудно поддаются зримой «инвентаризации», распределению их на хронологические участки или структурные элементы системы.

Тюркской компаративистике, если говорить в общем, характерна недооценка лексических данных, вызванная влиянием популярного в недавнем прошлом в индоевропеистике и славистике и, к сожалению, до сих пор встречающегося в рассуждениях некоторых тюркологов тезиса о якобы большей подвижности или большей изменчивости лексики или лексических параметров по сравнению с другими уровнями языка, в то время как о модификационности единиц следует судить не по общему количеству инноваций, а по их соотношению с остальными единицами на конкретном уровне языка (*Одинцов. 1985: 181*).

Общим местом многих работ стали высказывания в пользу древнедиалектной сложности тюркских языков [4], к которой часто возводят необусловленные позиционно вариации звуков корневых морфем [5]. Так, например, нельзя не согласиться с аргументами отдельных исследователей о том, что представленность пратюркского **jaš* наряду с **jil* в значении 'год' (один) и т. п. примеры есть результат проявления протобулгарской потенции языка-основы на поздней стадии или упрощенно — следствие протобулгарского заимствования в пратюркском (ср.: *Баскаков. 1969: 151*; *Егоров. 1986 а: 18* и др.). Однако не следует сбрасывать со счетов при анализе схожих фактов также возможность допущения как **-a- ~ *-i-* (ср.: *Eren. 1942*), так и **-l ~ *-š* на более ранних этапах развития праязыка, фактически воплотившихся позже в виде его последующей диалектной неоднородности, с одной стороны, и в виде вторичной проекции исходной диалектной сложности (которую не следует смешивать с исконной диалектной структурностью праязыка!) в отдельных диалектах языка-основы — с другой; все это, естественно, при условном абстрагировании от более сложных моментов реальной противоречивой действительности реализации всех этих процессов — языковой интерференции, диффузии, линий взаимоналожения экстра- и микроусловий формирования тех или иных черт [6]. Э. А. Макаев, например, как нам представляется, вполне справедливо

предлагал выделять на уровне прасостояния наддиалектный (~«литературный») и противопоставленный ему диалектный (~полидиалектный~«разговорный») типы; причем сравнительная и внутренняя реконструкции могут восстановить лишь первый из них — «свободный» от наличия конститутивных диалектных признаков», а то, что многими исследователями по традиции трактуется как следствие прадиалектности (альтернации, чередования, фономорфологические вариации и пр.), «на самом деле представляет позднейшие образования эпохи стабилизации отдельных ареалов индоевропейской языковой общности и с точки зрения относительной хронологии является анахронизмом» (Макаев 1977: 19—20, 62; 1964).

Навряд ли следует усматривать реликт протобулгарского или вообще булгарские рефлексy в целом ряде примеров с *-i- при общетюркском *-a-. Порой, к сожалению, даже самые авторитетные издания при более тщательной проверке ~выверке представляемых ими сводок для аргументации в принципе вполне правомерных положений допускают некоторый «перекос» в общей трактовке или интерпретации того или иного явления в плане расстановки акцентов. Так, например, ср. тувинские факты, давшие основание Э. В. Севортьяну выделить тувинский язык вместе с якутским и чувашским в отдельное древнеареальное объединение (Севортьян. 1974. 1: 27—29), с некоторыми казахскими «i-формами»: тув. *былча*- ‘мазать’, ‘марать’, ‘пачкать’—каз. *былга*- в близком значении, *былшық* ‘глазной гной’; тув. *дирс* в составе *дирс деер* ‘издать треск’, ‘треснуть’ («ср. *тарс* в кыпчакских языках в аналогичном подражательном значении» там же, с. 27)—каз. *тырс ет*, *сырт ет*- и т. п. ‘щелкнуть’ (о негромком отчетливом и резком звуке, а также о негромком звуке, шуме, стуке и т. д.) (соответственно *тарс ет*, *сарт ет*- — о громком звуке, резком стуке, о шуме); тув. *дазылда*-/*дызылда*- ‘раздаваться’ (например, о выстреле)—каз. *дыз* в *дыз етпе* ‘кратковременный’, *дыз ет*- — о чем-либо резком, быстрым, мгновенном (о боли, звуке, ощущении, движении и т. п.), ср.: *о дыз/тыз*—(Кайдаров. 1986: 205, 291), *дызылда*- ‘звенеть’ (в ушах и т. п.), ‘жечь’ (о боли), также — о резком громком звуке; тув. *дазыр*/*дызыр* ‘голое место’ (без растительности), ‘пустырь’, ‘голый’ («ср. с *таз*?» Севортьян. 1974. 1: 27) помимо каз. диал. *таз* ‘плоская сторона альчика’ (гетерогенное?), *тақыр* ‘голая без растительности земля’ (*тақыр бас* ‘лысый’ семасиологически ср. с общетюркским омосемичным *таз*, приводимым Э. В. Севортьяном) (Кайдаров. 1986: 280), ср.: *тыр* в *тыр жалаңаш*, *тырдай жалаңаш* ‘голый’, ‘нагишом’ (метаф. [?] *тыраш*, *тыртық*, *тыраң* — о чем-либо не имеющем оснований, пустом, излишнем и т. п.); тув. *дымыра*- ‘течь очень слабой струей’, ‘падать мелкими каплями’ (сопоставленное в Севортьян. 1974. 1: 27 с *дамдыла*- ‘капать/падать каплями’; ср. с омосемичным *тамышыла*-/*тамчыла*-) — каз. *тұм* в *там-тұм* ‘чуть-чуть’, ‘постепенно’, ‘незаметно’ и т. д. и соответствующем глаголе *там-тұмда*- в структуре *там-тұмдап*; тув. *дыра* ‘чесать’, ‘расчесывать’ (сопоставленное с *тара*- в том же значении — там же) — каз. *тыр*-/*тыр* в *тырма* ‘борона’, ‘приспособление для сбора («соскребывания») сена, скошенной травы’, *тырмауыш*/*тырнауыш* ‘грабли’, ср. также (гетерогенные?) *тырмышта*- ‘перевязать’, ‘обвязать’, ‘затянуть’, ‘перетянуть что-либо чем-либо крест-накрест, вдоль и поперек’, *тырна*- ‘скрести’, ‘расцарапать’, ‘проводить/провести когтями/ногтями’, *тыртық* ‘шрам’, ‘след от раны, ожога’ и т. д. Ср. многочисленные казахские примеры типа *қалжың* ‘шутка’, ‘юмор’, ‘ирония’, *қылжақ*, *қылжаң* ‘неуместная шутка, юмор’ и т. п. или типа *жап*-/*жам*- ‘закрыть’, ‘затворить’, ‘прикрыть’/*жұм*- то

же+‘(за)жмурить’ (глаза), ‘сомкнуть’/жым ‘сжимание’, ‘сдавливание’ (см.: Кайдаров. 1986: 86, 216, 218; Кажобеков. 1986: 151—152) и др.

А. М. Щербак был более осторожен и не включал чувашский язык в тувино-якутское объединение, восходящее к соответствующему прадиалекту (Щербак. 1970: 145), что следует признать более правильным (ср. тщательный анализ соответствия $a \sim i$ в Левитская. 1984: 57—65; о специфике чувашского см.: Щербак. 1970: 156—158; Левитская. 1984: 35—37; Рона-Таиш. 1980 и мн. др.). Точно так же, например, использование данного положения о реальности пратюркского i -диалекта для интерпретации якутского *илин* и тюркских *ал*, *алд*, *алды*, *алын* в близких значениях ‘перед’, ‘передний’, ‘передняя часть’ (Попов. 1976: 88) можно сравнить с тюркскими (resp. пратюркскими) $*il \sim *il/*al$ в тех же значениях (Севортян. 1974. 1: 755, 757), ср. многочисленные примеры типа казахских *ilgeri* ‘вперед’, ‘передний’, *ilki* ‘ранний’ и т. д. Повидимому, в истории тюркских языков, и особенно глубинной, не было чистых «однополюсных» ареалов, абсолютно «симметричных» изоглоссных контуров (ср.: Пауль. 1960: 63—68), и определение консервативных ареалов должно решаться в сравнении с маргинальными зонами при допущении вероятности выделения соответственно латеральности и архаики на одной языковой территории [7].

Здесь можно заметить, что в общей лингвистике нет общепринятой теории лингвистического ~ языкового развития. По всей вероятности, в данном случае единства разных мнений и нельзя достичь. Известны из истории дискуссии по поводу доминантных ориентаций или преобладающих отношений при интерпретации языковых явлений соответственно различным классическим или традиционным подходам — генеалогическому, волновому типу, проецирующему сети изоглосс, теории взаимоналожений, иррадиации, языкового союза, теории субстрата, ареалов распространения «инфекции» и т. д. (Соссюр. 1977: 41 и след., 238, 243; Блумфилд. 1968; Пауль. 1960: 63—65 и след.; Макаев. 1977: 67—68 и т. д.). Современная компаративистика приходит к выводу о необходимости учета многих «старых» представлений, которые, однако, понимаются и принимаются уже не как взаимонейтрализующие и несовместимые явления, как считалось ранее, а как взаимодополняющие и корректирующие друг друга, как бы высвечивающие объект с разных сторон и позиций. По существу, если присмотреться, совмещение методов ареалогии с тезисом об исторической реальности праязыка ~ праязыков, довольно популярное теперь, есть не что иное, как своеобразное единение и соответственно доразвитие двух главных теорий Шмидта и Шлейхера, некогда диаметрально противопоставлявшихся друг другу как противоположные концепции.

Опыт работы по изучению праязыковых лексических систем заставил коренным образом изменить бывшие в недавнем прошлом в ходу положения о праязыке только лишь как об едином исходе последующего многообразия и тем самым позволил внести некоторые поправки к самому подходу к проблеме послепраязыковой экзосмической локализации дивергентного типа. Пока же, исходя из принципов диалектики развития, можно предположить историческую реальность таких древнедиалектных явлений или зон их проявления, которые явились бы следствием не дифференциации, а, наоборот, кооперации черт, приводившей к их «частной» деформации на новой языковой территории; причем возможны были более сложно выраженные смешанные типы с более или менее значительными субстратными или адстратными показателями праязыка или языка-основы — сложной системы с подсистемами, результата «сращения» и консолидации, следствия выделения

«пучка» черт из более сложного единства. Конечно, сказанное никоим образом не должно пониматься как критика или отрицание известных (и—правильных) суждений о праязыке как логическом допущении. Но нельзя не учитывать и того, что именно попытка логически охватить все этапы языковой эволюции (а идея праязыка именно в этом) может привести к алогичным последствиям (ср.: *Трубачев*. 1963: 20—25). В этом плане понятен отказ отдельных исследователей от терминов «праязык» и «язык-основа» в пользу представлений о разного уровня языковых единствах — «пучках „глобальных” изоглосс, касающихся кардинальных структурно-значимых явлений звукового и грамматического строя языка и его лексической системы» (*Горнунг*. 1963: 9—11, 13 и след.).

Как образно заметил О. Н. Трубачев, «синхрония — это застывшая диахрония» (*Трубачев*. 1976: 162). Словарь языка — не есть нечто готовое и завершенное (*Гумбольдт*. 1984: 112). «Расхождению языков и диалектов постоянно сопутствует их схождение, взаимодействие, и поэтому каждый современный язык или диалект наследует праязыковое состояние не как нечто целостное и единообразное, а в виде сложного конгломерата форм и признаков, прошедших сквозь призму многократных и разновременных смещений» (*Шербак*. 1970: 22). В языке постоянно реализуются тенденции устранения фонетического и семантического изнашивания лексемы или формы, которые регулярно модифицируют слово. Указанные линии движения диалектически соседствуют и параллельно реализуются с такими процессами, как контаминация или более широко — живая унифицирующая потенция языка. Результатом действия такого разнообразия факторов и следует признать многочисленные случаи фоносемантических смещений в структуре слова: антиомонимизация, лексикализация, сращения, перераспределения в морфонологическом составе слова и т. д. «Важнейшим фактором изменения языков во все времена» называют аналогию (*Лайонз*. 1978: 48—50, 53—55), иначе — «выравнивание по аналогии», «тенденцию к устранению вариативности» (*Серебренников*. 1974: 255). Широко известна и популярна и другая тенденция «отталкивания от омонимии» (*там же*, с. 302). Исторически эти разные линии имеют точки схождения. Действие аналогии в одних случаях как бы исправляет «неправильности» и «анормальности» в языке; в других, наоборот, в случае живучести и активной внедренности последних как бы побеждает сильная аномальность — происходит подчинение более прочному ~ употребительному «исключению из правил» правильных, стабильно устоявшихся форм, т. е. уже начинает действовать тенденция нарушения аналогии. Именно стремление к унификации действительности порождает алогизм системы. Стройность и соответствие линий и элементов в результате приводят к диспропорции и искажению истины, так как в большинстве случаев основываются прежде всего на внешних, формальных аналогиях без проникновения в глубь явления, учета истоков или потенций, всей исторической структуры того языкового механизма, который поставляет материал для инноваций и одновременно сам является этим материалом (ср., например: *Пауль*. 1960: 128—142, 278 — 288; *Вандриес*. 1937: 156—157, 200—202, 225—226 и т. д.).

В известных реконструкциях (особенно звуковой) системы праязыка наиболее четко проявили себя тенденции «аналогизма» и стремления к достижению «смоделированности», порожденные естественным желанием максимально логизировать, сбалансировать между собой различные (и, действительно, тесно взаимосвязанные) элементы системы. Однако, добываясь известной симметричности конструкций,

ученые зачастую допускали серьезную методическую ошибку, забывая общеязыковую истину о том, что именно унификации и образования по модели — некоему единому для круга форм или единиц аналогу, как правило, способствуют созданию в языке «грамматического» разноречия. Глоттологические законы, и прежде всего в диахроническом свете, редко укладываются в рамки единообразия, хотя и базируются на принципах действия по сходству. В этом «парадокс» языка, его сложность и простота. Именно стремление к достижению «симметрии», по нашему мнению, явилось причиной гипотетичности, а в некоторых случаях и просто ошибочности многих активно дискутируемых ныне проблем. Так, например, несовершенен принцип попарной группировки корреляций, имеющий в сравнительной тюркологии широкое распространение. Как правило, на праязыковом уровне или для пратюркской реконструкции конкретного материала более типичны трех-, четырех- и более структурные соотношения (ср. критику «парных реконструкций» Г. Дёрфера [Doerfer. 1976: 1—59], применимую лишь для «этапных» фонетических восстановлений, А. Рона-Ташем [Рона-Таш. 1980: 4—5] и т. п.) звуковых или семантических корреляций. Ср. также мнение об архаичности *ä — элементе симметричной матрицы соотношений (Щербак. 1970: 76; Серебренников, Гаджиева. 1986: 8; ср.: Баскаков. 1969: 128; Покровская. 1984: 104—106) и транскрипционную систему в *ДТС*: XIII—XVIII, систему фонем (с условно принятым знаком ä в *Шервашидзе*. 1986: 112—113 и др.), «симметричную» теорию об исходной корневой структуре СГС (согласный+гласный+согласный), мнение отдельных ученых о конверсивном происхождении корневого глагольно-именного синкретизма и т. д., о чем подробнее см. ниже.

Несколько перефразируя Э. В. Севортяна, можно с полным основанием сказать, что здесь, в общей массе, ученые чаще оперируют не действительными, а кажущимися фактами (Севортян. 1962: 432).

По результатам исследований одних ученых, например, система гласных в тюркском праязыке мало чем отличалась от современной (Щербак. 1970: 142; ср. из последних работ: Левитская. 1984: 65—66); другие лингвисты придерживались совершенно иных представлений (ср.: Radloff. 1883: 84; о теориях Я. ван Гинекена, И. Грунцеля, И. Крамского и др. см.: Щербак. 1970: 138—139 и след.). Еще больше противоречий у тюркологов в понимании эволюции тюркского консонантизма (из последних работ ср.: Щербак. 1970: 105—106, 158—185; Серебренников. 1974: 333, 335—338, 340—341; Тенишев. 1984; Мусаев. 1984 а; Гаджиева. 1984 и мн. др.).

Нет единства мнений и по вопросу о морфологической (и морфонологической) структуре тюркского корня (Vámbéry. 1877; 1878; Radloff. 1906; Deny. 1932; 1946; 1955: 93 и след.; Баскаков. 1940: 44—45; 1952: 10—106; 1955; 1957; 1962; 1963; 1969; 1984: 422—433; 1979: 141—186 и др.; Харитонов. 1954: 33 и др.; Рамстедт. 1957: 141; Юнусалиев. 1959; Зайончковский. 1961; Котвич. 1962: 14—16; Щербак. 1963; 1970: 107—110; Кормушин. 1971; 1984: 66—67, 74—75; Севортян. 1974—1980. 1—3; Imer. 1976; Tekin. 1978; Дёрфер. 1980; Кононов. 1980: 76—79; Мусаев. 1984: 82—105; Кайдаров. 1986; Шервашидзе. 1986: 37, прим. 1; Кажобеков. 1985; 1986: 95—111; см. также: Бертагаев. 1948; 1969; 1965: 135 и след. и т. д.). Помимо традиционных споров по поводу закрытосложности или открытосложности тюркских корневых архетипов, их исконной моносиллабичности или ди-~полисиллабичности, основывающихся, скорее всего, не на получении несхожих результатов в ходе исследований различных авторов, а на разности самих исходных теоретических

установок ученых, принципиальном отличии их «базовых» методических посылок, известны и другие подходы. Так, например, ряд пратюркских (Öp Türkçe) корней-основ Т. Текин сравнивал со структурно более сложными общеалтайскими архетипами (*Tekin*. 1978: 35—51), причем пратунгусо-маньчжурские и прамонгольские, формально также более сложные по отношению к пратюркским соответствиям праформы не являются, по мнению ученого, более древними.

По-разному понимается учеными вариативность тюркского корня. В аналогичных анлаутных, инлаутных или аусллаутных корреляциях принято усматривать в одних случаях грамматическую функцию, аффиксы (ср.: *Зайончковский*. 1961: 31—33 и мн. др.), «словотворческую способность... формантов» (*Кононов*. 1980: 76 и др.), «внутреннюю флексию», «словообразование путем изменения коренных фонем» (гласных или согласных) (ср.: *Батманов*. 1947: 63; *Севортян*. 1962: 432—436 и др.), в других принято говорить о «дифференциации значения корневой морфемы» (ср.: *Баскаков*. 1969: 163—164; 1979: 143 и мн. др.), хотя, по существу, под «внутренней флексацией» в первом случае зачастую понимается по сути то же, что и во втором — «использование изменения основы для семантического членения ее» (*Батманов*. 1947: 67), различие близких значений (*Севортян*. 1962: 433 и след.), а во втором случае — также порой в принципе то же самое, что и в первом (ср. о варьировании конечного коренного как древнем способе словообразования в *Баскаков*. 1979: 144, 176 и др.) (разрядки наши. — *Е. К.*). Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов при анализе сходных фактов возможности непреднамеренной «дифференциации значения первоначально равнозначных элементов» (*Пауль*. 1960: 303—304) [8].

Зачастую морфонологические процессы приводят к «изменению» корневой морфемы, некоторой диффузии ее со служебным элементом, их взаимодействие, «ср., например, форму дат.-напр. падежа лично-указательного местоимения $an\gamma a > a\eta a > a\gamma a$ (каз. *o\gamma an*)» (*Мусаев*. 1984 а: 333), где элемент γ - в $a\gamma a$ может быть интерпретирован и как корневой ($a\gamma a < a\gamma - \gamma a$) и «распределен» как аффиксальный ($a - \gamma a < a\gamma - \gamma a$) и квалифицирован как и то и другое вместе ($a - \gamma a < a - \gamma - \gamma a > a - \gamma a \sim a\gamma - a$).

Неучет комбинаторики, несомненно, приводит к определенному упрощению, а в отдельных случаях — даже к искажению ситуации. Однако нельзя и преувеличивать воздействие ~ действие позиционных факторов при интерпретации установленных модификаций (ср.: *Севортян*. 1974. I: 29). Возможно, «фонетическое непостоянство корня, его вариативность», «недостаточную устойчивость самой фонематической дифференциации» (там же, с. 29, 31) для ранних стадий истории тюркских языков следует признать следствием еще более древней нерасчлененности и неопределенности исходных архиформ (см. также: *Севортян*. 1971: 76). Иначе говоря, можно предположить, что отдельные вариации фонем некомбинаторного происхождения и без видимых следов экстралингвистического плана (субстратные рефлексy, диалектность и др.) восходят к неким пратюркским и даже, скорее всего, прототюркским звукам неопределенного типа. Ср. в связи с этим гипотезы и предположения разных ученых об отсутствии $*i$ в пратюркском или древнем $*i \sim *i$, переходной фонеме $*a \sim *i$ (*Левитская*. 1984: 53, 63, 64), *mediae lenes* — неполной звонкости, слабовзвонкости $*b \sim *p$, среднем между $*b$ и $*v$ звуке, общих прафонемах типа $*q \sim *k$, $*d \sim *t$ (*Гаджиева*. 1984: 182—184, 190, 205, 209), о фонологически нейтральных (в праязыке) гомор-

ганных сонантах (Мусаев. 1984 а: 304, 329—330, 332—333, 359) и т. д. См. также: Мамедов. 1985: 68—69, 81—112 и др.

Рассматриваемый «вопрос о границах слова тесно связан с вопросом о природе слова» (Жирмунский. 1963: 6). И особенно это важно учитывать, когда мы имеем дело с историей языка, слова, его формы, реконструкцией функций и содержания морфем, их древней означенности.

Главной спецификой тюркского корня по сравнению с корнем, например, в индоевропейских языках, является то, что «понятие корня в тюркских языках является не научным выводом или теоретическим построением, но реальной лексической единицей, функционирующей в тюркских языках во все периоды их истории» (Севортян. 1975: 48). Иначе говоря, пратюркский корень мог быть и был во многих случаях словом.

Особую актуальность для древнейшей истории тюркских языков приобретает вопрос о семантике пратюркского корня в связи с теорией «синкретизма» или «глагольно-именной омонимии» (Севортян. 1962: 359—447; 1974—1980. 1—3; Мусаев. 1984: 99—105, 142—147; Кажобеков. 1986), связанной, в свою очередь, с проблемой соотношения многозначности или диффузности семантики и омонимии вообще, а также с вопросами о структуре самого корня или о наличии или отсутствии грамматических функций у элементов моносиллаба в случаях неомонимической глагольно-именной корреляции.

Практика показывает, что не всегда (и необязательно) разные значения многозначного слова ощутимо связаны друг с другом. Более того, семантическая структура слова может включать в себя значения, восходящие к разным понятиям (Шмелев. 1973: 84). «Собственно говоря, устанавливая существование многозначности слов, мы только констатируем то, что есть в языке. Нет смысла обсуждать возможность или невозможность этого явления с точки зрения тех или иных логических построений. Это факт языка, он не нуждается в доказательстве своей правомерности. Он требует объяснения и изучения, но не логического оправдания» (там же, с. 96). Как правило, «значения многозначного слова находятся в отношении комплементарной дистрибуции (дополнительного распределения) друг к другу, т. е. проявление тех или иных значений зависит от употребления слова...» (там же, с. 80). Именно контекст «актуализирует» виртуальное значение лексемы, именно конкретное употребление придает слову определенную семантику, хотя и не следует забывать того, что контекст не определяет, а всего лишь предопределяет выбор конкретного значения полисемантического слова. «Принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику», — подчеркивал Д. Н. Шмелев (там же, с. 95, 171). По поводу этих слов О. Н. Трубачев писал следующее: «Какая свежая и смелая мысль! Эта или подобная характеристика диффузности семантики типологически приложима к древним лексическим и семантическим реконструкциям, которые, как известно, в современной науке все шире моделируются на основе наших знаний о живых языковых процессах, а не на умозрительных представлениях о древней первоначальной «простоте». К такому убеждению приводят занятия конкретной этимологией и историей слов и их значений» (Трубачев. 1976: 166).

Таким образом, тюркская праформа, корень-основа, синкретична сугубо виртуально и мономорфна актуально. Конкретная презентация архетипа в речи ~ языке ~ употреблении совсем не является свидетельством или доказательством невозможности реальности его потенциалъ-

ного, внеконтекстного, до- или предактного значения. Речь идет здесь не об исторической реальности некоего «особограмматического синкретичного», т. е. и глагольного и именного одновременно, значения или о существовании какого-либо общего для них содержания. И глагольное и именное значения, так же как и выражаемые ими понятия, четко разделены в сознании носителя языка. Но они не существуют в языке вне основы — одновременно и глагольной и именной. Противники теории тюркского синкретизма смешивают явления логического и собственно грамматического ярусом, что уже само по себе ущербно чисто методологически. Как известно, логические критерии при членении языкового материала приводят к искажению истинной грамматической (или лексико-грамматической) природы языка ~ языков. Глагольно-именной (исконный) омоформизм корней, например, в древнекитайском, глагольно-именная (конверсионная) омонимия морфем в английском и тюркский лексико-грамматический синкретизм при всем внешнем сходстве сущностно — совершенно различные явления. Причем для последнего случая нужно подчеркнуть, что в контексте любой синкретичный корень не менее грамматически выражен, чем аналогичная афигированная словоформа. Типичным морфологическим маркером здесь являются порядок слов, структура фразы, синтагматика.

Существенно уязвимо переложение синкретичности на производные образования. Поэтому не случайно, резко критикуя теорию синкретизма Э. В. Севортьяна, Б. А. Серебренников приводит примеры генетической гетерогенности аффиксов в глагольно-именных омонимических дериватах (Серебренников. 1983: 239; см. также: Гаджиева. 1980 а: 157 и др.). Однако этот и остальные доводы ученого (там же, с. 230—254) не оспаривались ранее и никем не оспариваются сейчас в силу своей очевидности и правомерности. Диффузность же ментальных структур, с одной стороны, и конкретность первобытного мышления — с другой, вовсе не антитезны и не исключают друг друга, а находятся в диалектическом единстве (Алексеев. 1984: 261—263). Идентификация же первых нечленораздельных сигналов у животных (речь у Б. А. Серебренникова идет вообще о простейших сигналах у животных — крике, вопле, свисте и т. д.) с первыми словами древнего человека (в приверженности к которой незаслуженно обвиняются сторонники синкретизма — см.: Серебренников. 1983: 237—238) может вызвать только недоумение. Между этими этапами от собственно звуковых сигналов предков первобытного человека (но не животных!) до вербальных знаков первобытного человека, если их вообще имеет смысл сопоставлять, — миллионы лет эволюции мышления и речи.

Глагольно-именной синкретизм был присущ так называемым «первым» словам человека (см.: Леонтьев. 1964: 6; 1963: 65—66, 106) (термин «первые слова» здесь используется нами чисто условно, так как правомерность попыток увязок некоторых языковых положений с отдельными фактами периода появления речи вообще сама по себе весьма сомнительна, о чем подробнее будет сказано ниже). По-видимому, он был характерен и для многих древнейших прото- и праязыков мира. Так, например, недифференцированная глагольная ~ именная основа восстанавливается для протоиндоевропейского (Макаев. 1977: 87; ср. о *Kasus indefinitus* там же, с. 51); ср. полярные тенденции «формантного синкретизма» и «формантного обособления» в общиндоевропейском (там же, с. 58—59).

Поэтому, резюмируя сказанное, нужно подчеркнуть, что тезис о том, что в «тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет и действие, т. е. был синкретичным» (Щербак. 1975: 22),

может быть, только с бóльшим удревлением данного феномена до прототюркского, полностью соответствует действительному положению вещей. По всей вероятности, на основе свода новых данных удастся поближе подойти к рассмотрению вопросов уровня «доаффиксальной стадии общетюркского словообразования», «доагглютинативного состояния тюркских языков», периода широкого действия так называемой модели «имя—глагол» (Севортян. 1974. 1: 30, 37, 40), т. е. фактически приблизиться к анализу данного явления на прототюркском этапе.

Неудовлетворительная фундированность семантических параметров, как правило, усугубляется сложной и противоречивой спецификой взаимосвязи данных лингвистической реконструкции (праформы, архетипа, этимона и др.) и реальных языковых единиц (конкретных «живых» слов, форм и т. д.) между собой, с одной стороны, и всех выше-названных с их наличными или предполагаемыми реальными прототипами — с другой, что, в свою очередь, связано как с проблемой соотношения гносеологического и онтологического уровней в языке, так и с принципами лингвистической экстраполяции.

Соответствие собственно вербального значения и означаемого им предмета, понятия или явления может рассматриваться и рассматривается по-разному в зависимости от целей и специфики исследования. В лингвистическом плане часто отмечается особая неповторимость и индивидуальность семантической природы языка ~ языков, специфичность содержательной стороны его ~ их лексической системы (Лайонз. 1978: 72, 456—458), наличие так называемых народных ~ национальных таксономий (folk taxonomies), «т. е. различных способов членения экстралингвистической реальности различными народами и нациями» (Ахманова и др. 1969: 47). Особенно информативны в этом плане тотальные лексические материалы, «группирующиеся» в те или иные «массовые» закономерности, исключающие случайность. Конечно, при этом не следует забывать, что «отсутствие того или иного слова или формы в языке вовсе не означает отсутствие соответствующего понятия в сознании людей» (Серебренников. 1974: 43).

Л. Блумфилд отмечал, что «история языка, часто в ее мельчайших деталях, прослеживается на гораздо более ранних этапах прошлого, чем история какого бы то ни было другого человеческого института» (Блумфилд. 1968: 351). Именно в этом особая ценность лингвистических реконструкций (Ивансв. 1973; Трубаев. 1982; Кнабе. 1962; Серебренников. 1953; 1980; Баскаков. 1969: 78 и т. д.). Проблема реконструкции этнокультурных древнейших конвергентных образований, исконных или субстратных и других реминисценций во всей своей масштабности и глубине должным образом еще не ставилась в тюркском диахроническом языкознании, значительно отставшем в этом направлении, например, от смежных тюркологических отраслей [9]. Тем не менее без объединения усилий представителей разных дисциплин или, по крайней мере, без исчерпывающего знания компаративистами культурно-исторического фона реального бытования праслов в прошлом практически невозможно удовлетворительное исследование древнего языкового словаря (ср.: Климов. 1985: 16—23). Так, например, пратюркское *üzengi 'стремя'/стремена' (металлические < *деревянные, *кожаные) > прабулгарское *irengi ~ *irāñä не может быть возведено к прототюркскому архетипу (как в Poppe. 1960: 23; 1926: 105, 106; Joki. 1952: 128; Ramstedt. 1957: 67, 149; 1935: 99; Räsänen. 1969: 524 b; Рясänen. 1955: 57, 58, 164; подробнее см.: Севортян. 1974. 1: 624—625) в силу того, что самые ранние отнесения времени появления стремени историками ограничиваются собственно пратюркским временем (Рона-Таш. 1980: 6—7).

Отсутствие письменных памятников древнейшего периода времени для тюркских языков компенсируется, как известно, возможностью выхода за рамки тюркских языков, «что позволяет значительно расширить временную глубину общетюркского языкового состояния» (Макаев. 1977: 199—200). В этом плане методически важной представляется еще одна задача — задача по возможности максимального преодоления характерного для ортодоксальной алтаистики априоризма, которая может быть решена не столько за счет нового учета новых данных, сколько средствами более углубленной и выверенной атрибуции старых. В любом случае проблему разграничения исконных и заимствованных слов (из алтайского) в тюркском ~ общетюркском ~ пратюркском нужно решать путем интенсификации исследований по алтаистической тематике. Отрицание алтайского родства в принципе — не есть игнорирование алтайской проблемы вообще. Несмотря на появление целого ряда новых работ по алтаистике, которые хорошо известны, сама проблема характера древнейших связей алтайских языков между собой все еще не находит оптимального представления в работах тюркологов [10]. Ср., например, решение аналогичной праславяно-балтской ситуации в славистике (Филин. 1982: 197—199 и след.). Еще менее разработан вопрос о древнейших заимствованиях на праязыковом уровне из других языков [11].

Все это значительно осложняет решение проблем квалификации и различения инноваций и архаизмов, отработки методики «ориентации» на древнейшие заимствования и учета этнолингвистических данных при определении возраста конкретного языкового факта ~ фактов, хронологической стратиграфии праязыка. Здесь важно учитывать данные «косвенных» подтверждений реликтовости. Укажем некоторые из них. Так, например, выраженная денотативность и устойчивое единообразие формы могут быть косвенным свидетельством относительно небольшого ее возраста (ср.: Климов. 1985: 19, 22), и, наоборот, коннотативность семантики и модификационность формального облика обще- или межтюркской формы, как правило, сигнализируют нам о древнем происхождении. Причем последнее вовсе не означает, что эволюция значения и формы шла однонаправленно по типу разъединения и дифференциации, чисто логически ретроспективно приводящим к некоему единому исходному состоянию. С ростом знаний о праязыке исследователям пришлось отказаться от упрощенных схем так называемого «единого языкового сознания», тривиального представления о праязыке, как о лексически монолитной и однородной додиалектной массе (Трубачев. 1985: 15). Вариативность внешнего оформления корня может быть как следствием естественного развития однозвучной праформы, так и достоянием разных хронологических срезов, рефлексивно закрепленных в тех или иных языковых проявлениях, или же, может быть, наконец, реликтом ранней пратюркской диалектной сложности, которые все вместе взятые могут быть, в свою очередь, следствием действия ~ воздействия самых разнообразных экстра- и микроглоттологических процессов [12].

Несомненно, следует квалифицировать слово как архаическое, если оно имеет гомогенные коррелятивные (или омоформные) варианты или совпадает в основных диалектах позднепратюркского или сохраняется в двух отдаленных друг от друга, не контактировавших длительный период времени тюркских языках (см.: Егоров. 1985 а: 55—56).

Во многих случаях, но не всегда, «массовая встречаемость» явления сигнализирует нам о праязыковом уровне (как это, например, представлено в Серебренников. 1983: 271), хотя процессы, благоприятствующие этому (ср.: Серебренников. 1974: 332), далеко не однотипны. Общетюрк-

ская словоформа может и не восходить к пратюркскому. Так же, как, например, «праславянский» и «общеславянский» являются «не взаимозаменяемыми, а перекрещивающимися» понятиями, нельзя полностью идентифицировать термины «общетюркский» и «пратюркский» [13].

Точно так же нельзя полностью отождествлять понятия «прототюркский» и «общеалтайский». Под термином «прототюркский» было бы целесообразнее понимать «язык предков пратюрок», хронологически (и только!) близкий к предполагаемому алтайскому (известны несколько иные распределения терминов), но не тождественный ему, а являющийся как бы переходным этапом от алтайского (resp. общеалтайского, праалтайского) состояния к раннепратюркскому.

Много писали о длительной, многовековой дописьменной (или, точнее, «нефиксированной») истории собственно древнетюркского периода (Малов. 1952: 135; Тенишев. 1976 б: 170; Щербак. 1970: 140; Мусаев. 1984: 32). Одним из подтверждений древности языка тюркских рун помимо известной «отработанности», нормативности ~ наддиалектности (см.: Тенишев. 1976 б и др.) является широкая вариативность форм слов лапидарного письма, формально отраженная в «орфографической малограмотности» (Васильев. 1983: 12), т. е. разнообразности; см. также гипотезы о тюркоязычности гуннов (ср. последнее по времени и лучшее по исполнению прочтение известного гуннского двустишия по-тюркски И. Н. Шервашидзе — Шервашидзе. 1986: 3—10), древних усуней (Аманжолов. 1985: 27) и др.

Известны разного рода мнения о глубокой древности истории тюркских языков вообще. Так, например, рассматривая «косвенные индикаторы» «использования структурных аномалий», Б. А. Серебrenников выделил критерий установления первичности ~ архаичности или, наоборот, вторичности ~ инновационности соответственно по симметричности или асимметричности падежных систем языков. По данному критерию тюркские языки сохранили более древний по сравнению с индоевропейскими структурный тип (Серебrenников. 1974: 320—321).

При объяснении или трактовке устойчивости или сверхстойкости тюркских языков (ср.: Серебrenников. 1961) обычно говорят также о влиянии «нивелирующего характера социологических факторов» (Рясянен. 1955: 32), консервативности на протяжении многих лет этнокультурного стереотипа (ср.: Викторова. 1978; 1983).

Время значительно изменило первоначальные представления, показав преждевременность классификации тюркских языков С. Е. Малова на древнейшие, древние, новые и новейшие языки (Малов. 1952: 137, 142—143). В древнейших, по теории С. Е. Малова, чувашском и якутском языках «инновации в количественном отношении значительно преобладают над архаизмами» (Серебrenников. 1974: 339). Еще раньше об этом писал А. М. Щербак (1970: 158 и др.).

Из гипотез о времени бытования праязыка [14] особого внимания заслуживает мнение В. М. Иллича-Свитыча о том, что алтайская общность значительно древнее уральской, дравидийской, индоевропейской, картвельской и семито-хамитской и наиболее близка к ностратическому (Иллич-Свитыч. 1971: 69), т. е., исходя отсюда, пратюркское состояние необходимо соответственно рассматривать как более древнее языковое единство по сравнению с соответствующими позднейшими «ветвлениями» пяти вышеуказанных общностей. Хотя по поводу анализа вопросов на уровне происхождения речи или природы так называемых «первых слов» — а, как известно, именно с ними хронологически сближается ностратический, — нужно заметить, что они, по всей вероятности, находятся вне поля интересов компаративистики как таковой, так

как последняя имеет дело с реальными (существующими или существовавшими) языками и их системами (Журавлев, Нерознак. 1981: 6—7).

Как бы то ни было, приходится констатировать, что на сегодняшний день уровень решения или представления многих современных проблем тюркского сравнительно-исторического языкознания носит выраженный пропедевтический характер, что убедительно явствует уже из вышеперечисленного далеко не полного, выборочного их изложения. Вследствие методического несовершенства приемов реконструкции и их «спонтанной» соотнесенности, выражающихся в разности их целей, иерархичности принципов выбора критериев отбора материала и несоответствии фактологических объемов, в тюркологии до сих пор остаются открытыми целые группы проблем первостепенной важности и значения, как-то тюркская лингвистическая палеонтология, фономорфологическая и семантическая структура пратюркского корня, соотнесение основных структурных уровней системы тюркского праязыка, его временная стратиграфия, локальная, ареальная и диалектная характеристики и т. д.

Более того, в ходе дальнейшей, более углубленной и специализированной проработки отдельных положений наблюдается тенденция увеличения количества противоречий, роста частных и общих контраргументов [15], которые в будущем, можно надеяться, в результате интенсификации исследований по их аргументации изменят настоящую ситуацию — разности и разнохарактерности суждений, базирующихся на субъективных посылках, — в сторону соответствующей другому уровню исследований известной неединственности ~ множественности решений, основывающихся на объективных данных — реальных возможностях разных подходов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Так, например, одним из аргументов для реконструкции в праславянском «мягкостной корреляции слогов», которая, как известно, не имеет места «ни в живых славянских, ни в других индоевропейских языках», для Р. О. Якобсона послужило «явление сближения тембра смежных звуков, палатальная гармония» в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языках (Журавлев, Нерознак. 1981: 11—12).

² Из последних работ см.: Серебренников, Гаджиева. 1986; в этой связи можно заметить, что новое издание «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (в 4 т.: «Фонетика», «Морфология», «Синтаксис» и «Лексика»), предпринимаемое под руководством Э. Р. Тенишева, является первым комплексным безлакунным исследованием проблемы.

³ Кроме известных этимологических и других словарей и словников Vámbéry. 1878; Егоров. 1964; Doerfer. 1963—1967. 1—3; Räsänen. 1969; Щербак. 1970: 193—198; Clauson. 1972; Севортян. 1974—1980. 1—3 и т. д., а также отдельных разделов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». М., 1984—1986. Т. 1, 2; Серебренников, Гаджиева. 1986 и др., см.: Севортян. 1973; 1975; Тенишев. 1973; Doerfer. 1976; Щербак. 1976; Tekin. 1978; Рона-Таш. 1980; Серебренников. 1983: 263—273; ср. об отдельных методах реконструкции: Гаджиева. 1975: 8, 15—18, 19, 206—208; 1980 а и др.; также ср. многочисленные пра- и прототюркские (а также пра- и протобулгарские) реконструкции Н. И. Егорова (1980; 1981; 1982; 1983; 1983 а; 1985; 1985 а; 1986; 1986 а; 1986 б); о пракылчакском словнике до 1 000 единиц корней и простейших производных, «уверенно возводимых к пратюркской эпохе», см.: Гаринов. 1976: 49; 1979; 261 и след.; ср. также словарь односложных «живых» и «мертвых» корней-основ в казахском языке (около 3 000 единиц) А. Т. Кайдарова (1986: 183—313); Г. В. Попов выявил 6 847 единиц корней и неразложимых основ в якутском языке, установив к 5 485 из них параллели в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (1974: 25—26); остальные единицы неизвестного происхождения были им подвергнуты специальному монографическому обследованию (1976 а; 1976 б; 1986); об академической картотеке якутского языка см.: Слепцов. 1974: 32—33; ср. также: Кадыраджиев. 1985; Татаринцев. 1985; Байчоров. 1977; 1978; 1980; Ахметьянов. 1978 и мн. др.; о «степени достоверности реконструкций» см.: Соссиор. 1977: 257—258 и т. д.

⁴ Севортян. 1974—1980. 1—3; «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». Т. 1, 2...; Щербак. 1970 и мн. др.; ср. также: Ряснен. 1955: 12; Баскаков. 1969: 62, 71, 78, 119—120, 152, 156—157; Гаджиева. 1980 а; Кормушин. 1977; Дульзон. 1976: 128 и т. д. В этой связи можно отметить выделение Н. З. Гаджиевой в огузских языках кроме собственно кыпчакизов в традиционном понимании, т. е. кыпчакизов, приобретенных извне, также исконных по своему происхождению кыпчакизов (Гаджиева. 1980; ср. также: Гукасян. 1980 и др.).

⁵ Ср., например, только в Севортян 1974, I древнедиалектные чередования или исторические параллелизмы: *a~*o (с. 408—*ap~*or; см. также: 406 и др.); *a~*u (с. 602 — в *urqan~arqan*), *a~*u (~*ʔ) (404); *a~*i (118—119; 651); *o~*u (401—402, 404, 413, 418, 419—420, 429, 479, 602); *ö~*o (402, 461); *ö~*ü/*u~*ö (с. 402 — *ög~*üg/*u~*oʔ), *ü~*i (369), *ö~*ü (496, 531, 633); *i~*i (395, 646—*iz/*iz), *ʔ/*u~*o~*ö (667), *e~*ö (255, 257, 520), *i~*e (633); *o~*u~*ü~*i (465), *ö~*o~*ü~*u (560) и т. п. См.: Севортян. 1971: 76 и след. Нельзя также сбрасывать со счетов внутренние потенции языкового развития в образовании вариативности.

⁶ В качестве дополнительного свидетельства в пользу архаичности форм ср. четкую лексикализованность *jaš и *jil в языке тюркских рунических памятников, семасиологически абсолютно тождественную общетюркской ситуации: у древних тюрков «единицей календарного исчисления был солнечный год *jyl*, подразделявшийся на 12 лунных месяцев *aʃ*. Система исчисления возраста человека фиксировалась иным термином — *jaš*, который не был непосредственно связан с календарным временем» (Кляшторный 1980: 323).

⁷ «Фактический... материал для будущих дифференциальных признаков хотя уже имелся в древнейшем состоянии тюркских языков, но его распределение не было строго локализовано в ареальных границах, и различительные признаки еще только постепенно вырабатывались по мере развития древнедиалектных расхождений, стабилизации древнедиалектных вариантов фонем в качестве инвариантов вновь формирующихся диалектов, консолидации и конвергенции близких между собой говоров вокруг формирующихся диалектов, территориального обособления диалектов и их сближения между собой, формирования ареальных групп» (Севортян. 1974. 1: 31).

⁸ Ср. у Л. С. Левитской: «Фонетические варианты корня могли семантически „специализоваться“ и со временем превратиться в самостоятельные лексемы...» (1984: 54).

⁹ Ср. некоторые из последних работ: Батчаев. 1986; Алексеев. 1977; 1983; Толстова. 1977; 1979; 1983; см. также: Липец. 1983; реконструкция реликтов этнического триумвирата древнейших насельников Центральной Азии у Ю. А. Зуева (1981); ср. в общем плане: Леви-Строс. 1985: 64—75, 397—421 и мн. др.

¹⁰ Щербак. 1960; 1966; 1968; 1970: 9—12; Клоусон. 1969; Дёрфер. 1981; Сыромятников. 1971; 1972; 1975; Насилов. 1977; 1978; Мусаев. 1984: 8—9 и т. д. Известны отдельные смещения уровней «алтайского» и «праторкского» (например, у Н. Н. Поппе), ср.: Лигети. 1985: 110 и след.; ср. также словарь «протоалтайского» в Street. 1974 с общетюркскими корнями в Севортян. 1974—1980. 1—3; Щербак. 1970. См. также: Сыромятников. 1967; Поливанов. 1968; Miller. 1968; 1971; 1975; Doerfer. 1974; Азербиев. 1982; об «аналогическом», «приобретенном родстве» в алтайских языках по Г. Дёрферу см.: Егоров. 1986: 56.

¹¹ Из последних работ в данной области см.: Севортян. 1974—1980. 1—3; Мусаев. 1984: 8—11, 147—153, 153—162; Добродомов. 1969; 1971; 1984 и др.; Габескирия. 1983: 195—201; Рона-Таш. 1980: 7—8; о возможных скифо-тюркских, индийско-тюркских или палеоазиатско-тюркских, шумеро-тюркских и других культурных и языковых параллелях или связях, к сожалению, не всегда (за редкими исключениями) корректно устанавливаемых, см.: Батманов. 1947: 27; Аманжолов. 1985; Крейнович. 1976; Антонов. 1976: 19; Нурмекунд. 1976: 9 (библиогр. отсылка); Начижев. 1976; Каримуллин. 1976; Апижанов. 1976; Закиев. 1980; Маннай-Оол. 1980; Зейналов, Гукасян. 1984; Мамедов. 1985; Мизиев. 1986 и др.

¹² Ср. замечание В. И. Абеева: «С вопросами хронологии тесно переплетаются вопросы диалектологии. Когда, например, один и тот же тюркский элемент выступает... то в форме *beg*, то в форме *bi(j)*,—что это?—разные периоды, разные диалекты? или и то и другое?» (1985: 29, см. также с. 24).

¹³ Петлева. 1968: 366; ср. там же «мысль о том, что иногда именно сложные производные слова имеют общеславянское распространение, тогда как более простые по структуре слова, на базе которых они образованы, не обладают общеславянским характером. Причем в ряде таких случаев выбор непроизводной формы в качестве основной был бы ошибочным и в генетическом отношении...».

¹⁴ Ramstedt. 1957; Ligeti. 1977; Рона-Таш. 1980 и т. д.

¹⁵ Ср., например, «фонетические» разногласия в Щербак. 1970; Севортян. 1974 — 1980. 1—3 и «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков», Т. 1 и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии//В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 23—29.
- Азербайев Э. Г. Вопросы японско-тюркских языковых связей: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Алексеев В. П. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал//В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977.
- Он же. О различии синхронного и диахронного сравнения этнографических явлений//В кн.: Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 239—259.
- Он же. Становление человечества. М., 1984.
- Аманжолов А. С. Тіл және этнос: Көне түркі этногенезіне байланысты біреп сөз//Білім және еңбек. 1985. № 7. С. 26—28 б.
- Антонов Н. К. Лекции по тюркологии. Якутск, 1976.
- Арибжанов М. Некоторые лексические параллели в языке древних индейцев майя и тюркских языках//В кн.: Вопросы тюркского языкознания. Казань, 1976. С. 129—134.
- Ахманова О. С. и др. Основы компонентного анализа. М., 1969.
- Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: Фонетика и лексика. М., 1978.
- Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Он же. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани//В кн.: Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков: Северокавказский ареал. Черкесск, 1978. С. 103—131.
- Он же. Протобулгарский субстрат в топонимии Балкарии и Дигории//В кн.: Языкознание: Тез. докл. Ташкент, 1980. С. 224—225.
- Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты: Грамматика, тексты и словарь. М.; Л., 1940.
- Он же. Каракалпакский язык. М., 1952. Т. 2.
- Он же. Структура слога в тюркских языках//В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. 1.
- Он же. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках//Сов. востоковедение. 1957. № 1. С. 72—85.
- Он же. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова//В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1962. Ч. 4. С. 69—100.
- Он же. Морфологическая структура слова в тюркских языках//В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 76—83.
- Он же. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969.
- Он же. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.
- Он же. Структура слова и слога//В кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984. С. 422—433.
- Батманов И. А. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947.
- Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.
- Бертагаев Т. А. Флексия основ в агглютинативных языках//Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ, 1948.
- Он же. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках//В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965. С. 131—140.
- Он же. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
- Блумфилд Л. Язык/Пер. с англ. М., 1968.
- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю/Пер. с фр. М., 1937.
- Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: Опыт систематизации. М., 1983.
- Викторова Л. Л. Роль стереотипа культуры в этногенезе монголов//В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 5—14.
- Она же. К проблеме формирования монгольского ареала в системе алтайских языков//В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л., 1983. С. 114—121.
- Габескирия Ш. В. Лексика произведений Юнуса Эмре. Тбилиси, 1983.
- Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
- Она же. К истории аялаута в тюркских языках//В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976. С. 77—93.
- Она же. Критерии выделения кыпчакских элементов в огузских языках//В кн.: Языкознание: Тез. докл. Ташкент, 1980.
- Она же. О морфологической реконструкции тюркских языков//В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980 а. С. 154—155.

- Она же. Смычные согласные и спиранты//В кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984. Т. 1. С. 171—212.
- Гарилов Т. М. Проблемы и перспективы изучения кыпчакских языков Урало-Поволжья//В кн.: *Turcologica*. Л., 1976. С. 47—55.
- Он же. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1979.
- Горнунг Б. В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.
- Гукасян В. Л. Древнекыпчакский пласт в азербайджанском языке//В кн.: Языкознание: Тез. докл. Ташкент, 1980. С. 218—219.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию/Пер. с нем. М., 1984.
- Дёрфер Г. К вопросу о древнетюркском *i~yī*//В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980. С. 384—385.
- Он же. Базисная лексика и алтайская проблема//Вопр. языкознания. 1981. № 4. С. 35—44.
- Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянских языках. I//В кн.: Этимология. 1967. М., 1969. С. 252—270.
- Он же. Из болгарского вклада в славянских языках. II//В кн.: Этимология. 1968. М., 1971. С. 189—196.
- Он же. Этимологические маргиналии тюрколога по русской лексикографии//В кн.: Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 55—65.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дульзон А. П. Пратюркские форманты глагольного лица//В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976. С. 126—132.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Егоров Н. И. О названиях времен года в тюркских языках//В кн.: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. С. 43—50.
- Он же. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец (Родитель)//В кн.: Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары, 1981. С. 3—46.
- Он же. То же (продолжение)//В кн.: Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1982. С. 3—15.
- Он же. Историческое развитие общетюркского А первого слога в болгаро-чувашском языке//В кн.: Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1983. С. 35—63.
- Он же. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец (Родитель)//В кн.: Исследования по исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1983 а. С. 3—26.
- Он же. Этимология и историческая грамматика отдельного тюркского (чувашского) языка//В кн.: Вопросы советской тюркологии: Тез. докл. Ашхабад, 1985. С. 74—75.
- Он же. Чувашская диалектология и этимология//В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985 а. С. 55—66.
- Он же. Булгаро-чувашско-монгольские языковые параллели и алтайская теория//В кн.: Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе. Чебоксары, 1986. С. 52—74.
- Он же. О целях «Историко-этимологического словаря чувашского языка» и задачах по его подготовке//В кн.: Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986 а. С. 8—22.
- Он же. Взаимовлияние диалектных терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала//В кн.: Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. Уфа, 1986 б. С. 145—149.
- Жирмунский В. М. О границах слова//В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 6—33.
- Журавлев В. К., Нерозник В. П. Проблемы реконструкции праязыкового состояния//Ann. Institutii philol. Slavicae universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Debrecen. Slavica. XVIII. P. 5—20.
- Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках//Вопр. языкознания. 1961. № 2. С. 28—35.
- Закиев М. З. Древнегреческие историки о тюрках и их языках//В кн.: Языкознание: Тез. докл. Ташкент, 1980.
- Зейналов Ф. Р., Гукасян В. Л. Об этногенезе азербайджанского народа//В кн.: Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 17—21.
- Зуев Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий: К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии//В кн.: Казахстан в эпоху феодализма: Проблемы этнополитической истории. Алма-Ата, 1981. С. 63—78.

- Иванов В. В. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей//Сов. славяноведение. 1973. № 4. С. 62—72.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971.
- Кадыраджиев К. С. Палеотюркский компонент кумыкского языка//В кн.: Вопросы советской тюркологии: Тез. докл. Ашхабад, 1985. С. 145—146.
- Кажобеков Е. З. О морфонологической природе тюркского корня//Acta Orientalia Acad. Scien. Hung. Budapest. T. 39. № 2—3. P. 353—360.
- Он же. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках. Алма-Ата, 1986.
- Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986.
- Каримуллин А. Г. О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими//В кн.: Вопросы тюркского языкознания. Казань, 1976.
- Климов Г. А. К семантической реконструкции//В кн.: Теория и практика семантических исследований. М., 1985. С. 16—23.
- Клосон Дж. О названии «Уйгур»//В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965. С. 209—220.
- Клаусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории//Вопр. языкознания. 1969. № 5.
- Кляшторный С. Г. Современные проблемы исследования памятников древнетюркской письменности//В кн.: Проблемы советской тюркологии. Алма-Ата, 1980.
- Кнабе Г. С. Словарные заимствования и этногенез//Вопр. языкознания. 1962. № 1. С. 64—76.
- Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). Л., 1980.
- Кормушин И. В. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках//В кн.: Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 9—29.
- Он же. К вопросу о древнедиалектном членении тюркской языковой области//Тез. докл. совещ. по общ. вопр. диалектологии и истории языков. М., 1977.
- Он же. Система времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
- Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
- Крейнович Е. А. Об одной тюрко-палеоазиатской языковой параллели//В кн.: Turcologica. Л., 1976. С. 94—100.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику/Пер. с англ. М., 1978.
- Леви-Строс К. Структурная антропология/Пер. с фр. М., 1985.
- Левитская Л. С. К реконструкции пратюркского вокализма//В кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984. Т. 1. С. 16—83.
- Левитская Л. С., Мусаев К. М. Эрванд Владимирович Севортян и тюркская историческая лексикология//В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 93—101.
- Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
- Он же. Некоторые вопросы глоттогенеза в свете современных психологических данных//VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Лигети Л. К вопросу об «алтайских» элементах венгерского языка//В кн.: Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Чебоксары, 1985. С. 107—132.
- Липец Р. Предисловие к сб.: Фольклор и историческая этнография. М., 1983.
- Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.; Л., 1964.
- Он же. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки//Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1952. Вып. 2.
- Мамедов А. М. Тюркские согласные. Анлаут и комбинаторика. Баку, 1985.
- Маннай-Оол М. Х. К вопросу о тюркизации населения Тувы//В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980. С. 333—334.
- Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
- Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: Западно-кавказская группа. М., 1975.
- Он же. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
- Он же. Сонанты//В кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984 а. Т. 1. С. 303—380.
- Насилов Д. М. Из истории алтаистики//Сов. тюркология. 1977. № 3.
- Он же. Об алтайской языковой общности//В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
- Он же. Морфосемантическая этимологизация — всдуший принцип построения «Этимологического словаря тюркских языков»//В кн.: «Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

- Нурмекунд П. П.: На пороге эстонской алтаистики//Сов. тюркология. 1976. № 3.
- Одинцов Г. Ф. Реп. на: Йордан Еленский. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново, 1980. 293 с.//В кн.: Этимология. 1982. М., 1985. С. 180—186.
- Пауль Г. Принципы истории языка/Пер. с нем. М., 1960.
- Петлева И. П. Работы по изучению праславянского словарного состава//В кн.: Этимология. 1966. М., 1968. С. 356—369.
- Покровская Л. А. Общетюркские начальные гласные//В кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984. Т. 1. С. 83—106.
- Поливанов Е. Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков//В кн.: Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Попов Г. В. О словарном составе якутского языка//В кн.: Бюлл. науч.-техн. информации: Вопр. истории, лит. и яз. Якутск, 1974. С. 25—27.
- Он же. О терминах, обозначающих страны света в якутском языке//В кн.: Якутский филологический сборник. Якутск, 1976. С. 83—94.
- Он же. Еще раз о словах неизвестного происхождения в якутском языке//В кн.: Лексикологические исследования. Якутск, 1976 а. С. 33—52.
- Он же. О некоторых особенностях тюркского пласта лексики якутского языка//Там же. 1976 б. С. 53—60.
- Он же. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. Якутск, 1986.
- Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рона-Таш А. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка//В кн.: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. С. 3—13.
- Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- Он же. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
- Он же. Об «Этимологическом словаре тюркских языков»//Вопр. языкознания. 1971. № 6.
- Он же. К источникам и методам пратюркских реконструкций//Вопр. языкознания. 1973. № 2. С. 35—45.
- Он же. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974—1980. Т. 1—3.
- Он же. Всегда ли при реконструкции необходим фонетический архетип всего слова?//Вопр. языкознания. 1975. № 4. С. 46—52.
- Он же. Вопросы сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков//В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976. С. 47—50.
- Серебренников Б. А. К проблеме связи явлений языка с историей общества//Вопр. языкознания. 1953. № 1. С. 34—51.
- Он же. Причины устойчивого сохранения агглютинативного строя на протяжении многих веков//В кн.: Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков. Л., 1961. С. 3—5.
- Он же. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Он же. Фонетический и грамматический строй языка и история народа// В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980. С. 61—65.
- Он же. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд. М., 1986.
- Слепцов П. А. Об академической картотеке якутского языка//Бюлл. науч.-техн. информации: Вопр. истории, лит. и яз. Якутск, 1974. С. 32—33.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию/Пер. с фр. М., 1977.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984—1986. Т. 1—2.
- Сыромятников Н. А. Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка//Народы Азии и Африки. 1967. № 2.
- Он же. Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках//В кн.: Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971.
- Он же. Определение родственности корней//Вопр. языкознания. 1972. № 2.
- Он же. Как отличить заимствования от исконной общности в алтайских языках?//Вопр. языкознания. 1975. № 3.
- Татаринцев Б. И. О происхождении общетюркских названий тополя и березы//В кн.: Тюркологические исследования. Фрунзе. 1985. С. 36—42.
- Тенишев Э. Р. Перебой s/š в тюркских рунических памятниках//В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 289—295.
- Он же. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков//Сов. тюркология. 1973. № 5.
- Он же. О построении истории народно-разговорного и литературного языков//В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976. С. 230—232.
- Он же. Строй саларского языка. М., 1976 а.
- Он же. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников//В кн.: Turcologica. Л., 1976 б. С. 164—172.

Он же. Щелевые согласные и аффрикаты: Соответствие $j \sim \check{z} \sim \check{z}$; Соответствие $j \sim j \sim n \approx n'$ //В кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984. Т. 1. С. 212—302.

Он же. Основные лингвистические направления в алтаистике//В кн.: Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: XXIX сессия PIAC. Ташкент, 1986. М., 1986. С. 114—115.

Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа//В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977.

Она же. Отголоски массагето-аланского субстрата в фольклоре тюркоязычных народов Хорезмского оазиса//В кн.: Новое в археологии и этнографии Средней Азии. М., 1979.

Она же. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов//В кн.: Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 6—22.

Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд: Проспект: Пробные статьи. М., 1963.

Он же. Этимологические исследования и лексическая семантика//В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 147—179.

Он же. Языкознание и этногенез славян//Вопр. языкознания. 1982. № 4. С. 10—26.

Он же. О семантической теории в этимологическом словаре//В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 6—15.

Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.

Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954.

Начыжев Т. Азербайжан эдаби дили тарихи. Баку, 1976.

Шервашидзе И. Н. Формы глагола в языке тюркских рунических памятников. Тбилиси, 1986.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Шербак А. М. О методике исследования языковых параллелей. М., 1960.

Он же. О морфологической структуре слова в тюркских языках//В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 267—270.

Он же. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков//Вопр. языкознания. 1966. № 3.

Он же. Содержание урало-алтайской теории, ее обоснование и оценка//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1968. № 1.

Он же. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Он же. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках//Вопр. языкознания. 1975. № 5.

Он же. О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского праязыка//В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976. С. 237—248.

Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология: Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959. Ч. 1.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Deny J. Le turc était-il à l'origine une langue monosyllabique?//Actes du XVIIe Congrès International des Orientalistes, 7—12 septembre 1931. Leiden, 1932. P. 111—112.

Idem. L'ancien monosyllabisme des racines turques. Bull. de la Société de Linguistique de Paris, XLII (1942—1945), no. 124 (1946), XIV—XV s.

Idem. Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie). P. 1955.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen... Bd. 1. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963; Bd. 2. Türkische Elemente im Neupersischen. Alif bis ta. Wiesbaden, 1965; Bd. 3. Türkische Elemente im Neupersischen. Gim bis käf. Wiesbaden, 1967.

Idem. Ist das Japanische mit den altaischen Sprachen verwandt?//ZDMG. Wiesbaden, 1974.

Idem. Proto-Turkic: Reconstruction Problems//Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. 1975—1976. Ankara, 1976. 1—59.

Eren H. A. török magánhangzöváltakozások. Budapest, 1942.

Joki A. J. Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. Helsinki, 1952.

Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai es ami körülöttük van, 1. Budapest, 1977 (лит. по: Рона-Таш. 1980).

Miller R. A. The Japanese Reflexes of Proto-Altaic *d, *ʒ and č//J. Amer. Orient. Soc. 1968. № 4.

Idem. Japanese and the other Altaic Languages. Chicago—London, 1971.

Idem. Japanese-Altaic Lexical Evidence and the Proto-Turkic «Zetacism—Sigmatism»//In: Researches in Altaic Languages. Budapest, 1975.

Poppe N. Altaisch und Urtürkisch//Ungarische Jahrbücher, 6, 1/2. Berlin—Leipzig, 1926.

- Idem.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
- Radloff W. W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1883.
- Idem.* Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen//Зан. ИАН, 1906. Т. 7.
- Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Idem.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
- Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- Street J.* On the lexicon of Proto-Altaic: a partial Index to reconstructions. Madison, Wisconsin, 1974.
- Tekin T.* Ön Türkçede ünsüz yitimi//Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. 1977. Ankara, 1978. 35—51.
- Vámbéry H.* Рукописное предисловие к предстоящему словарю, написанное до его выхода в свет в Будапеште 13 октября 1877 года на русском языке.
- Vámbéry H.* Etymologisches Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.
- İmer K.* Türkiye Türkçesinde Kökler. Ankara, 1976.

R E S U M E

The article deals with the problems of reconstruction of pro-turkic origin. The level of investigations are beyond perfection. The author of the article notes that existing methods of reconstruction, criteria of classification and correspondence of data and unsatisfactory state of the study of the Turkish linguistic paleontology as well as the state of all levels of the basic Turkic origin and its chronological stratification, local, areal and dialectic characteristics, phonomorphic and semantic nature of the turkic stem. The article gives a definite definition of the following notions: al-, pro- and proto-turkic and all-, pro- and proto-altaic, which were mixed in the comparative studies.

ЭДВАРД ТРЬЯРСКИЙ

О ДИАЛЕКТНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АРМЯНО-КЫПЧАКСКОГО ЯЗЫКА*

В 1957 г. издатели «Свода законов польских армян» М. Левицкий и Р. Кон выдвинули гипотезу о том, что армяно-кыпчакский язык дифференцировался диалектально. Согласно этой гипотезе в текстах, проанализированных ко времени издания, различаются два диалекта, из которых один имеет признаки, свидетельствующие о том, что он испытал на себе влияние османского языка [1]. Авторы, однако, не представили доказательств, подтверждающих их предположение.

Преждевременная кончина М. Левицкого прервала начатые им исследования, и упомянутая гипотеза не была ни принята, ни отвергнута. Не были выработаны и правила, в соответствии с которыми отличие одного диалекта от другого было бы теоретически оправдано. Кроме того, не были указаны дополнительные признаки, которые могли бы помочь в решении проблемы. Несмотря на то что прошло уже тридцать лет с той поры, проблема остается актуальной и заслуживает нашего пристального внимания, являясь великолепной отправной точкой для изучения генезиса данного языка и его отношения к другим тюркским языкам.

Идея о наличии двух армяно-кыпчакских диалектов лишь случайно совпадает с ранее отмечавшимся наличием двух или даже трех диалектов в «Codex Cumanicus». Эта гипотеза, подтверждаемая, к сожалению, только несколькими примерами, рассматривалась А. фон Габен [2], а позднее была принята и углублена Л. Лигети [3]. Современное состояние исследования, однако, не дает нам оснований для объединения диалектной дифференциации по двум названным языкам, тем более что в соответствии с новыми аргументами, недавно представленными Я. Р. Дашкевичем [4], отношения между этими языками не такие уж близкие, как это казалось прежде.

С другой стороны, пример с караимским языком, четко делящимся на три диалекта, заставляет нас углубить исследования в этой области.

Ученый, изучающий проблему диалектной дифференциации армяно-кыпчакского языка, сталкивается с серьезными трудностями. Некоторые из них носят, скорее, теоретический характер, другие — результат наших все еще неудовлетворительных знаний армяно-кыпчакских рукописей, из которых предполагается большинство не издано.

Говоря о «диалектах», мы автоматически сталкиваемся с очень спорной и довольно схоластической проблемой взаимоотношений между «диалектом» и «языком». Во всяком случае, что касается армяно-кыпчакского, то он, по мнению большинства исследователей, если иметь в виду его собственные фоновоморфологические особенности, словарь и

* Статьи со звездочкой—материалы XXIX сессии ПИАК.

использование алфавита, с помощью которого были написаны и даже напечатаны многочисленные и разнообразные тексты, заслуживает наименования «язык». С этой точки зрения, попытки определить его возможные диалекты формально оправданы. Но даже и здесь можно принять противоположное мнение при условии, что мы оставим в стороне оболочку алфавита, заимствований, калек и т. д. и будем анализировать древнейший пласт чисто лингвистического тюркского материала. В этом случае мнение Ф. фон Крелиц-Грайфенхорста, высказанное в 1912 г. о том, что армяно-кыпчакский является «диалектом» [5], может считаться справедливым.

Другая трудность связана с признаками, обычно присущими самим диалектам. Определяя диалект как вариант общенационального языка, который отличается от него своими специфическими фонологическими и лексическими, а также морфологическими и синтаксическими признаками, мы локализуем его, как правило, территориально и только в исключительных случаях — также и социально.

Определить территориальный элемент армяно-кыпчакского трудно и даже безнадежно.

В самом деле, мы все еще не в состоянии доказать, что носители армяно-кыпчакского, скажем, в Луцке или Замостье говорили на речевом варианте, отличном от того, на котором говорили в Каменце или Львове. В связи с этим более правомерно говорить о языковой дифференциации определенных носителей армяно-кыпчакского еще до того, как они поселились на Украине.

Здесь мы подходим к проблеме социальной и индивидуальной дифференциации армяно-кыпчакского. Было замечено, что между рукописями существуют определенные языковые различия, зависящие от их содержания: в текстах юридического, исторического, религиозного или лингвистического характера употребляются различные стили. Этот общий феномен, однако, относится к внутренней эволюции языка и не имеет никакого отношения к проблеме диалекта. В соответствии с этим мы полагаем, что в настоящее время говорить об армяно-кыпчакских диалектах в основном, т. е. территориальном значении, что практически сводится к существованию нескольких колоний в крупных и небольших городах, где использовали этот язык, нет оснований. Точно так же все возможные попытки проследить какие-либо изофоны, изоформы или изолексы, соответствующие диалектальной географии, или не оправдывают себя, или, в лучшем случае, преждевременны.

На это есть несколько причин. Во-первых, период, в течение которого армяно-кыпчакский развивался на Украине и который обычно определяется двумя столетиями, был, очевидно, слишком небольшим, чтобы предоставить — в соответствии с «волновой теорией» — последовательные и конкретные факты.

Во-вторых, должна была существовать значительная мобильность носителей армяно-кыпчакского: не только переселение все новых групп населения из отдаленных мест, но и миграция семей и отдельных лиц из одной колонии в другую должны были быть частыми.

Все сказанное выше, однако, не означает, что проблема диалектальной дифференциации армяно-кыпчакского не существует вообще. Таковая существует, но требует решения в другом аспекте, а именно в диахроническом или, более точно, на основе формулировки, которая синтезирует два подхода — территориальный и диахронический, — в рамках исторической диалектологии.

Когда речь идет о диахронии, следует различать два последовательных периода: 1) до расселения носителей армяно-кыпчакского

языка на украинско-польской территории (который нам практически неизвестен) и 2) после их расселения. Несмотря на все существующие исследования и изданные тексты, эволюция языка, начиная с самых ранних рукописей и кончая новейшими, изучена недостаточно.

Одна из причин этого состоит в том, что в момент появления и на протяжении всего периода существования армяно-кыпчакский имел характер устойчивой и весьма зрелой формации. Предположительно мы можем назвать некоторые признаки расцвета и упадка его синтаксиса и словарного состава, возникшие в условиях славянского окружения.

Здесь следует вспомнить о некоторых интересных фактах, приведенных недавно Я. Р. Дашкевичем. Так, выяснилось, что армяно-кыпчакский был известен и употреблялся (в той или иной степени) за пределами Украины (в Стамбуле, Эдирне, Люблине) во второй период (о чем свидетельствует ряд написанных здесь коммерческих и юридических документов и писем). Некоторые документы на этом языке были написаны архиепископом Н. Торосовичем или от его имени в Риме. В Иерусалиме в 1619 г. на этом языке был составлен колофон, а в 1620 г. — небольшой словарь [6].

В статье, опубликованной в 1969 г., было доказано, что один из документов, датированных 1618 г., был написан в Стамбуле и что язык этого документа испытал влияние османского [7]. В самом деле, мы находим здесь такие формы, как *tiurk* [= *türk*], *diugul* (ср.: осм. [*degil*]), *giurruk* [= осм. *gürük*] и т. д.; в области морфологии — *bēn* и *bēnim* вместо общекыпчакских форм *mep* и *mēnim*; в лексике *allax* 'аллах' вместо старотюркского и кыпчакского *t'ēngri* 'бог', а также *ve* вместо обычного *da* 'и'. Одной из договаривающихся сторон был некий еврей из Стамбула [8].

Однако приведенные примеры, а также аналогичные случаи появления некоторых османских слов в «Хронике турецких войн»: *halallaş-tak* 'взаимное прощение за все, что было сделано несправедливо (обычно совершалось перед битвой)' или *ħariçi* 'kapudshi (офицер султана, курьер по государственным делам)' [9], употреблявшегося наравне с общим армяно-кыпчакским *ħariħçi*, представляются как цитаты и слишком редки, чтобы доказать существование диалекта.

Таким образом, в поисках диалектной дифференциации нам, скорее, следует обратиться к первому периоду. Представляется вполне возможным, что армянские эмигранты, жившие долго ли, коротко ли в Крыму и в бассейнах Днестра или Дона [10], имели хорошую возможность изучить кыпчакский язык с помощью различных диалектально дифференцированных тюркских групп. Корни этой дифференциации уходят глубоко в прошлое западной группы тюркских языков. Показ подобных контактов, особенно конкретных этнических групп, был бы важен и для выяснения генезиса армяно-кыпчакского языка и для некоторых аспектов исторической диалектологии тюркских языков.

К сожалению, мы все еще далеки от достижения этой цели. Проблема важна и должна обсуждаться всякий раз, когда расширяется текстовой базис. Однако она не может быть решена отдельно от гипотез, рассматривающих место, время и посредников передачи кыпчакского языка армянам. Исторические исследования последних лет позволяют сделать вывод, что наиболее продолжительные контакты армянских эмигрантов с тюрками, говорившими на языках, которые мы действительно называем «кыпчакскими», были установлены в Крыму и что, по всей вероятности, именно оттуда и был заимствован язык, который рассматривается нами. Э. Шютц в статье, опубликован-

ной в 1976 г., детально разобрал обстоятельства, при которых в одном из крымских городов могло произойти это заимствование. Он назвал Солхат (прежнее название Старого Крыма), где говорили преимущественно на кумано-кыпчакском языке [11]. Именно жители Солхата, носители кыпчакского языка, должны были принести этот язык в польские и украинские центры. На особую роль, которую в этом процессе играли жители Крыма, ранее указывали и другие специалисты [12]. Ж. Дашьян предполагал, что некоторые рукописи из Венской коллекции могли быть написаны в Крыму. Это касалось главным образом двух из них — рукописи 311 из «Мехитаристской коллекции», содержащей «Армяно-кыпчакский словарь», и рукописи 143 из той же коллекции, включающей в себя «Требник и молитвы армянской церкви» [13]. Однако позже предположение Ж. Дашьяна было объявлено Я. Дашкевичем неверным [14]. Его осторожность в этом вопросе представляется справедливой, поскольку она дополнительно подкрепляется сотнями заимствованных польских и украинских слов, встречающихся в упомянутом «Словаре»: *beseda, biegunk'a, bīdlo, bistrīy, blaḥ (plaha), blisk-aniesi, blisk'iy, blisčicia bol-, blizna, blušnirca* и других (здесь мы ограничимся лишь словами, начинающимися на *b*) [15]. Хотя известно, что влияние украинско-русского и польского языков достигло Крыма, о чем свидетельствуют, например, славянские слова, имеющиеся в «Codex Sinaiticus», предположение, что такое большое количество преимущественно польских слов могло быть зафиксировано армянами в Крыму, заходит слишком далеко и представляется бессмыслицей [16].

Очевидно, подобное относится и к рукописи 143. Ее частичный анализ, касающийся последних 54 страниц, выявил следующие польские слова: *hetman, mur, podpora, potop, rīcer, rosa* и одно украинско-русское — *uḡuh* 'урок, учеба' [17].

Приведенные примеры создают впечатление, что проблема диалектальной дифференциации армяно-кыпчакского языка может быть решена путем внутрилингвистического анализа. Рассмотрим проблему подробнее.

Основная трудность здесь заключается в выделении именно таких черт, которые могли бы рассматриваться как релевантные с диалектальной точки зрения. Однако в этой связи следует заметить, что фонологическая интерпретация исследуемого текста наталкивается на пограничную линию между армянской графической системой и тюркской фонетикой. Дело в том, что во многих случаях нельзя быть уверенным в значении фонемы, обозначенной армянским графическим знаком, который к тому же произвольно используется отдельными авторами и переписчиками. Весьма озадачивают здесь и проблемы, касающиеся вокализма. Известно, что армянский алфавит может передавать общетюркские *ö* и *ü* с помощью двух знаков *ḥo* [o] и *ḥy* однако в армяно-кыпчакских текстах именно эта система письма используется только как исключение. Таким образом, и в этом важном моменте, равно как и в других проблемах, связанных с гармонией гласных, картина остается неясной [18].

Обратим внимание на довольно большой список чередования гласных:

- a-~ë- (*har~hér; yanicéri;~yënicéri; ḥazirgan~bëzirgan*);
- a-~-o- (*ḥatun~ḥotun; maydan~moydan; aldawuči~aldowuči*);
- ë-~-i- (*ber-~bir-*);
- e-~-i- (*ët-~it-*);

- i ~ -u- (džift ~ džuft);
- i ~ -u (učunči ~ učunču; buni ~ bunu; χuti ~ χutu);
- o ~ -u- (yol ~ yul; χol ~ χul; toz ~ tuz);
- u ~ -a- (yuχov ~ yaχov; džuvap ~ džavap);
- u ~ -i- (altun ~ altin; χatun ~ χatın; sučsuz ~ sučsiz);
- u ~ -ö- (buγuχ ~ böγuχ) [19].

Употребление двух знаков для о (п и о) вызвано, по всей вероятности, фонеологическими причинами.

Ясно, что армянский алфавит, с одной стороны, может передавать почти все основные фонемы западно-тюркских языков, а с другой — он располагает несколькими дополнительными знаками для этой цели. Последнее обстоятельство позволило авторам и переписчикам использовать некоторые знаки произвольно, в индивидуальной манере. В основном это относится к согласным. Хорошим примером служит способ, когда знаки, обозначающие армянские придыхательные, употреблялись для передачи тюркских фонем, в которых придыхания, по всей вероятности, никогда не было: ата ~ at'a 'отец'. Мы предполагаем, что трудность в восприятии тонких звуковых различий тюркской речи, а также избыток знаков армянского алфавита для аффрикат и вызвали наличие таких дублетов, как džuhut || džuvut и даже čhut, oruč и orudž, tamχaci и tamχadži.

Мы хотели бы вспомнить здесь чрезвычайно сложную ситуацию, созданную армяно-кыпчакскими взрывными согласными. В этом случае общетюркские чередования $b \sim p$, $d \sim t$, $k \sim g$ столкнулись с армянской фонологической оппозицией $b \sim p$, $d \sim t$, $k \sim g$, которая возникла в X в. и разделила среднеармянский на две языковые ветви, существующие и по сей день: восточную и западную [20]. Есть опасение, что использование знаков армянской графики, обозначающих поочередно в двух различных ареалах две серии взрывных согласных, находящихся в фонологической оппозиции, просто для передачи кыпчакских эксплозивных и имплозивных согласных делает фонологическую реконструкцию последних практически невозможной.

Мы приводим список постоянных чередований согласных:

- t ~ d- (tiŋtar ~ diŋtar; tayfa ~ dayfa; tugul — dugul);
- t ~ -d- (kêltir- ~ kêldir-);
- t ~ -d (naχt ~ naχd);
- b ~ -p (džuvab ~ džuvap);
- b ~ m- (bunung ~ munung; bunu ~ muni и т. д.);
- g ~ k- (gêl- ~ kêl-);
- k ~ -g (yuk ~ yug);
- q ~ χ- (χan; χašux);
- q ~ -χ (χašux);
- χ ~ -γ- (aχča ~ aγča; saχlan- ~ saylan-);
- h ~ -v- (džuhut ~ džuvut);
- l ~ -n- (bular ~ bunar);
- m ~ -n- (χagamγu ~ χaganγu);
- ng ~ -n- (songra ~ sonra);
- f ~ -v- (ufak ~ uvak);
- v ~ -f (aruv ~ aruf) и т. д.

Фонетические изменения, наряду с избытком знаков армянского алфавита, привели к полиморфизму армяно-кыпчакских слов, например: χagam-χu ~ χaganγu ~ χagank'γu ~ χarangχu или iiltrim ~ ieltrim ~ iertrim и др. Армяно-кыпчакский язык демонстрирует также и такие хорошо известные фонетические явления, как ассимиляция и диссимиляция (sossuz < sozsuz; bittir- < bitdir-), метатеза (baryam < baygam; χanča <

xačan), элизия гласных (χz < χiz; yoxsa < yoxësa) и согласных (idži < indži; išan < nišan; bi < biy; karvasara < karvansarag), вставка (интеркаляция) добавочных, или паразитических, фонем (biznim < bizim; čivit < čift) и т. д. Некоторые из этих явлений имеют общий характер и зафиксированы в тюркских языках, другие индивидуальны и употреблялись более или менее последовательно определенным автором или переписчиком. Не исключено, что некоторые из них могли служить как различители (дискриминанты) в диалектальном анализе.

В будущем чрезвычайно желательное издание всех существующих армяно-кыпчакских текстов и возможный статистический компьютерный анализ наверняка прояснят ситуацию с этим языком. Тем не менее полагаем, что даже тогда проблема, с которой мы сегодня столкнулись, а именно выбор релевантных признаков для диалектального анализа, останется вечным камнем преткновения для исследователей.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «В памятниках, которые здесь рассматриваются, выделяются два диалекта, один из которых, по-видимому, находился под влиянием османского языка»: *Lewicki M., Kohnowa R.* La version turque-kiptchak du «Code des lois des Arméniens polonais» d'après le ms. N° 1916 de la Bibliothèque Ossolineum, RO XXI. 1957. P. 157; ср.: *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории//Вопр. языкознания. 1983. № 1. С. 101.

² *Gabain A., von.* Die Sprache des Codex Cumanicus//In: PhTF. 1959. Vol. 1. P. 46—47.

³ «Двойная дистрибуция куманского языка в «Codex Cumanicus» отчетливо доказывает, что диалекты употреблялись в двух различных регионах: первый — на территориях, находившихся в прямом контакте с итальянскими колониями, на втором говорили куманы (татары), среди которых работали францисканские миссионеры»; «Грубо говоря, материал «Кодекса» может быть разделен на два основных диалекта»: *Ligeti L.* Prolegomena to the Codex Cumanicus//In: Codex Cumanicus/Edited by G. Kuun...: Budapest Oriental Reprints. Series B 1, 1981. P. 20, 24.

⁴ *Дашкевич Я. Р.* Op. cit.; он же. Codex Cumanicus — вопросы возникновения//Вопр. языкознания. 1985. № 4. С. 72—83.

⁵ «...до сих пор еще не рассматривавшимся татарским диалектом армян в Польше...», «...татарская идиома...»: *Kraelitz-Greifenhorst F. v.* Sprachprobe eines armenisch-tatarischen Dialektes in Polen. WZKM. 1912. 26. S. 308—309.

⁶ *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории. С. 101.

⁷ *Дашкевич Я. Р., Трыарский Э.* Армяно-кыпчакский документ из Константинополя 1618 г.//Folia Orientalia. 1969. Vol. 11. P. 123—137.

⁸ «По имени Jakub Biçaqçi=Iakub Nozownik»: *Дашкевич, Трыарский.* Указ. соч. С. 124, 125, 127.

⁹ *Schütz E.* An Armeno-Kipchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars in 1620—1621. Budapest, 1968.

¹⁰ «...мы считаем, что процесс языковой кыпчакизации охватил дисперсно все армянское население Крыма, Поволжья и Поднестровья, а поиски конкретного центра проживания армян-кыпчакофонов в Крыму не могут увенчаться успехом»: *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории. С. 93.

¹¹ *Schütz E.* Armeno-Kiptschakisch und die Krim//In: Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh. Budapest, 1976. P. 201.

¹² Ф. Маклер, Ж. Дени, Т. Ковальский, М. Левицкий и др.

¹³ *Dashian J.* Catalog der armenischen Handschriften in der Mechitharisten-Bibliothek zu Wien. Wien, 1895. P. 78, 162.

¹⁴ «Но сообщения Ташяна и Маклера построены в значительной мере на недопонимании...»: *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории. С. 94; «Однако часть предположений, высказанных Ташяном и Маклером, так же как и другие замечания в различных каталогах и обзорах рукописей, до сих пор еще не проверены». — Он же. Who are Armeno-Kipchaks? (On the Ethnic! Substrate of the Armenian Colonies in the Ukraine)//Revue des Études Arméniennes. N. S. 1982. Vol. 16. P. 392.

¹⁵ *Tryjarski E.* Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections varsovienses. I, Varsovie, 1968—1972. Fasc. 1.

¹⁶ О кумано-славянских языковых контактах см. хорошо известные работы К. Менгеса (Menges K. H.), Н. А. Баскакова и А. Зайончковского.

¹⁷ Tryjarski E. The Story of Holy Mariane in the Kipchak Language of the Polish Armenians (в печати).

¹⁸ Этот вопрос часто обсуждался Крелиц-Грайфенхорстом, Дени, Ковальским, Прицаком и в особенности Э. Шютцем (On the Transcription of Armeno-Kipchak//АОН, 1961. Vol. 12, № 1—3. P. 139—161).

¹⁹ Эти и последующие примеры взяты главным образом из текстов, изданных Левицким и Кон (Кодекс...), Крелиц-Грайфенхорстом (Sprachprobe-Psalm 50 [51]), Трыярским (Dictionnaire).

²⁰ Ср., например: Karst J. Historische Grammatik des Kilikisch-Armenischen... Strassburg, 1901. P. 1, 75 и след. В действительности этот процесс был очень сложным (ср.: Pisowicz A. Le développement du consonantisme arménien. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1976).

Перевод с английского Н. М. Карпович

М. Б. БЕРГЕЛЬСОН, А. А. КИБРИК

СИСТЕМА ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

2. 2. Семантика связи в конструкциях с показателями переключения референции

Каково грамматическое значение, общее для деепричастной формы на *-ГАш* (маркер КРФ) и масдарно-падежной формы на *-Vр ... ГА* (НКРФ)? Семантические отношения между зависимой и независимой частями бипредикативных конструкций в приводившихся в § 2. 1 примерах были весьма разнообразными. Общая для всех них идея наличия связи между двумя ситуациями воплощалась в разных случаях как связь временная (событие зависимой предикации предшествует событию главной), логическая (событие зависимой предикации является условием для события главной или из события-причины, выраженного зависимой предикацией, вытекает событие-следствие, выраженное главной), логически-временная (вслед за одним событием естественно наступает другое). Событие зависимой предикации в некотором смысле, временном или логическом, предшествует событию главной. Эта семантика иконически передается линейным расположением предикаций, а сами показатели *-ГАш* и *-Vр ... ГА*, несущие только идею наличия связи между предикациями, никакого временного значения не содержат. В бипредикативных конструкциях рассматриваемого типа, как можно видеть из примеров, грамматическое значение времени передается только благодаря финитным формам главной предикации. Также не имеют показатели КРФ и НКРФ собственного видового значения; видовая семантика в зависимой предикации с этими формами передается только вспомогательными глаголами.

Особенно интересен факт временной нейтральности формы НКРФ, построенной на основе масдара на *-Vр*, или так называемого причастия «будущего времени». Масдар на *-Vр* в финитных формах передает видовременные значения несовершенности и непрошедшего времени. Значения перфекта и прошедшего выражаются чаще всего масдарными формами на *-ГАН*. Видовременное противопоставление аффиксов *-Vр* и *-ГАН* сохраняется и в масдарно-падежных формах зависимой предикации *-Vр ... ДА* и *-ГАН ... ДА*, структурно сходных с маркером НКРФ (о них см. подробнее в § 3. 1). В этих двух формах к показателю масдара и лично-согласовательным аффиксам прибавляется аффикс местного падежа *-ДА*. Формы зависимой предикации на *-Vр ... ДА* и *-ГАН ... ДА* выражают значение одновременности или совмещения двух событий. Данный компонент значения явно передается в этих формах мест-

* Окончание. Начало см.: СТ. 1987. № 2.

ным падежом, содержащим идею совмещения одного объекта с другим. Аналогично в показателе НКРФ *-Vp ... ГА* идея одновременности и связи выражается дательным падежом, содержащим идею перемещения из одной точки в другую, а масдарный компонент показателя НКРФ, в отличие от масдарных аффиксов в формах на *-ДА*, десемантизировался и всякое видовременное значение потерял. Более того, формы зависимой предикации, сочетающей масдар на *-ГАН* с дательным падежом, не существует [16]. Этот факт является системным подтверждением того, что показатель НКРФ *-Vp ... ГА*, несмотря на свою ясную внутреннюю форму, вырвался из парадигмы масдарно-падежных форм зависимой предикации, слился в единое целое и вступил в функциональную пару с показателем *-ГАН*, выражая с ним одно и то же относительное время и различаясь только выражением НКРФ/КРФ. Если воспользоваться выражением М. И. Черемисиной, форма на *-Vp ... ГА* подверглась «деепричастизации», так как стала «изолированной» от прочих формально изоморфных форм (Черемисина и др., 1984: 39). Регулярное взаимодействие двух форм зависимой предикации—КРФ и НКРФ—формирует систему ПР в тувинском языке [17]. Заметим, что, хотя формы КРФ и НКРФ имеют, с точностью до выбора маркера ПР-функции, одно и то же грамматическое значение, зависимая предикация с КРФ в силу ПР-функции этого маркера подчеркивает большую связность двух событий, нежели предикация с НКРФ. В связных синтаксических единствах форма, выражающая большую связность, пользуется коммуникативным приоритетом. Этим и объясняется тот факт, что в случаях отступления от прототипического референциального отношения между предикациями (т. е. от кореферентности) всюду происходит экспансия форм КРФ в область НКРФ, а не наоборот.

2. 3. Квazисочинение как тип синтаксической зависимости в конструкциях с ПР

Интерпретация полипредикативных конструкций с зависимой предикацией, оформленной дееспричастной или масдарно-падежной формой глагола, является в советской тюркологии традиционно спорной. Проблематика этого спора широко известна (обзоры см., например, в работах: Гаджиева, 1957; Нартыев, 1975; Убрятова, 1976: 14—24; Hanser, 1982; применительно к тувинскому языку—Сат, 1960) и вкратце сводится к следующей дилемме: считать ли предложения типа (41) сложноподчиненными или простыми (осложненными); иначе говоря, считать ли в них зависимые предикации придаточными предложениями или «оборотами»; иначе говоря, относить ли такие зависимые предикации к одному синтаксическому типу с союзными придаточными (которые в большинстве тюркских языков представляют маргинальный тип зависимой предикации; см.: Черемисина, 1981) или к разным? [18].

(41=2) а. *ава-м* *инек-ти* *саап-т-арга,* *Кари-кыс*
 мать-1ЕД корова-ВИН донть-СУФ-НКРФ
чан-ып *кел-ип*
 идти домой-ДПЧ ВСП-БУД
 'Мать подoit корову и Кара-кыс придет домой'
 б. *авам₁* *инекти* *саап-каш,* $\emptyset_1$ *чанып келир*
 КРФ
 'Мать подoit корову и придет домой'

Наша точка зрения по этому вопросу состоит в следующем. Вся проблема создается перенесением на тюркский материал терминов и категорий, выработанных в русской грамматике и без специального уточнения имеющих смысл только в ней. При перенесении этих катего-

рий на тюркский материал тюркологи берут в качестве их конституирующих признаков либо структуру, либо семантику. В первом случае оказывается, что придаточные предложения для тюркских языков вообще не характерны, так как в придаточных обязательно должен присутствовать подчинительный союз (как в русском языке) и все деепричастные и масдарно-падежные предикации попадают в разряд оборотов. Во втором случае за основу берется фактически переводное соответствие русской конструкции. Тогда деепричастные и масдарно-падежные предикации оказываются в большинстве случаев придаточными. Чтобы решение проблемы было типологически оправданным, нужно полностью отказаться от «русскоцентрического» подхода и русско-ориентированных терминов «оборот», «придаточное» и т. п. Предикация может иметь самые различные степени зависимости или свернутости: от минимальной—в составе сочиненной конструкции—до максимальной, как «копредикат» в предложении *Он быстрым шагом подошел к дому*. «Оборот» и «придаточное»—ярлыки, обозначающие две точки на шкале свернутости в русском языке и не имеющие универсальной значимости. Универсальными являются лишь функциональные типы полипредикативных конструкций, выделяемые на основе семантических отношений между предикациями, в частности, сентенциальный актанта, сентенциальный сирконстант, сочинение. Степень же свернутости выражается в каждом языке по-своему—синтаксическими (внутренняя структура зависимости предикации) и морфологическими (оформление предиката) средствами данного языка (здесь также возможна определенная типология).

К какому же типу полипредикативных конструкций относятся интересующие нас предложения типа (41)? М. И. Черемисина относит все такие предложения к «обстоятельственой подсистеме» полипредикативных конструкций (Черемисина, 1981: 27 и сл.), т. е. к конструкциям с сентенциальными сирконстантами. Однако обратимся вновь к примерам, приведенным в § 2. 1. 2. Как уже отмечалось, конкретная семантика связи между предикациями может быть разной, постоянна только идея наличия связи между ситуациями и некоторого предшествования одной ситуации другой. Это наводит на мысль о том, что рассматриваемые конструкции семантически наиболее близки к сочинительным. Такая интерпретация находит косвенное подтверждение в их русских эквивалентах: большинство примеров являются переводами русских сочиненных предложений с союзом *и*. Да и спектр тех значений, которые выражаются в этих бипредикативных конструкциях, очень близок к спектру русского союза *и*. Как известно, и союзное сочинение в русском языке почти никогда не бывает полностью свободно от сирконстантной семантики (см.: Русская грамматика, 1980: 617). Но в русском языке союзное сочинение дает возможность использовать финитные формы глагола в обеих сочиненных предикациях. Если отказаться от априорного убеждения, что такое свойство предикативного сочинения универсально, то тувинские конструкции с показателями ПР следует признать сочиненными. Типологическим отличием тюркских языков от индоевропейских является то, что в них нет союзного сочинения. Поэтому они и выражают сочинение, представляя одну из предикаций как зависимую с помощью нефинитного глагола. (Такой тип сочинения типологически весьма распространен; см.: Бергельсон, 1986.) Поскольку в тувинском языке все же есть маргинальные (бессоюзные) конструкции с двумя или более финитными глаголами, конструкции с ПР мы будем называть квазисочиненными.

Что же касается сентенциальных сирконстантов, то они выражаются в тувинском языке посредством масдарно-последложных конструкций. В них, в отличие от деепричастных и масдарно-падежных конструкций, подчеркивается семантический тип связи—временная последовательность причинно-следственное отношение и т. п., а не само наличие связи, как в квазисочиненных конструкциях (о масдарно-последложных конструкциях см.: Шамина, 1981, 1985а).

Сочинительный характер связи в квазисочиненных конструкциях подтверждается свободой построения цепочек зависимых предикаций, в которых только последняя предикация имеет финитный глагол. В тувинских повествовательных текстах такие цепочечные конструкции с зависимыми предикациями, снабженными показателями ПР, чрезвычайно распространены (см., напр.: Бабушкин, 1959: 100; Исхаков и Пальмбах, 1961: 331). В этих действительно полипредикативных конструкциях чаще всего действует принцип, который можно назвать принципом линейного контроля над ПР: употребление маркера ПР в каждой предикации контролируется (не)корелативностью с подлежащим линейно следующей предикации, например:

(42)	<i>оол</i> мальчик	<i>үжөн</i> тридцать	<i>чылагы-зы-н</i> табун-З-ВИН	<i>берип-кеш,</i> дать-КРФ	<i>чылагы-зы-нын</i> табун-З-РОД
	<i>эң</i> самый	<i>эки</i> хороший	<i>аъд-ы-н</i> конь-З-ВИН	<i>туд-уп</i> поймать-ДПЧ	<i>мун-уп</i> оседлать-ДПЧ
	<i>ал-гаш,</i> ВСП-КРФ	<i>аал</i> стойбище	<i>кез-ип</i> обойти-ДПЧ	<i>чор-уп</i> ВСП-ДПЧ	<i>тур-арга,...</i> ВСП-НКРФ
	<i>Караты-Хаан</i> <i>деп</i> ВСП	<i>кижи</i> человек	<i>шыдыраа</i> шахматы	<i>мөөрей-и</i> состязание-ВИН	

чарлаан

объявить: ПРОШ

‘Мальчик отдал тридцать своих лошадей, выбрал из них и оседлал самого лучшего коня и обошел стойбища, и (в это время) человек по имени Караты-Хан объявил состязание по шахматам’ [19]

(43)	<i>кожа</i> соседний	<i>аал-га</i> стойбище-ДАТ	<i>баар-ым-га,</i> идти: НКРФ-1ЕД	<i>кижи</i> человек	<i>чок</i> нет
	<i>боорга,</i> быть: НКРФ	<i>удавайн-даа</i> вскоре же	<i>чаньп-кан</i> идти домой-ПРОШ	<i>мен</i> 1ЕД	

‘Я пошла в соседнее стойбище, там никого не оказалось, и я вскоре ушла домой’ [20]

В отношении склонности к цепочечным конструкциям тувинский язык не уникален. Во-первых, не раз отмечалось существование таких цепочек в различных тюркских языках (см., напр.: Баскаков, 1975: 237; Гаджиева и Бирюкович, 1983: 7). Во-вторых, хорошо известно, что многие языки с переключением референции имеют тенденцию к цепочечному построению текста (см.: Longacre, 1983).

3. ПРОЧИЕ ТИПЫ КОНСТРУКЦИЙ, МАРКИРУЮЩИХ ПР

С точки зрения семантики, грань между квазисочиненными конструкциями и конструкциями с сентенциальными сирконстантами может быть весьма тонкой. Основной, прототипической коммуникативной функцией квазисочиненных конструкций является указание на поддержание, сохранение или, напротив, смену главного действующего лица описываемых событий, то есть маркирование ПР. Информация же о логических отношениях между событиями, в которых участвует данное действующее лицо, является второстепенной. В конструкциях с сентенциальными сирконстантами ситуация обратная. Их прототипическая

коммуникативная функция состоит в указании на конкретный тип отношений, существующий между событиями, одно из которых описывается как временная, причинная или целевая характеристика другого. При этом в качестве второстепенной информации может сообщаться и то, объединены ли эти два события общими действующими лицами. Естественно ожидать, что в языках типа тувинского, где существует система ПР, этот механизм может быть использован для выражения указанного противопоставления и в конструкциях с иной прототипической функцией. (Обзоры тувинских конструкций с сентенциальными сирконстантами см. в работах: Бабушкин, 1960; Делгер-оол, 1960; Сат, 1982).

В данном разделе некоторые типы конструкций с сентенциальными сирконстантами будут рассмотрены нами, в первую очередь, с точки зрения того, насколько регулярно и с помощью каких средств в них дается информация о кореферентности/некореферентности подлежащих и можно ли это назвать системой ПР, подобной описанной выше.

3. 1. Конструкции с временным сентенциальным сирконстантом

В тувинском языке выделяется множество разновидностей сентенциальных сирконстантов со значением времени. Так, в работе, посвященной этому типу предложений (Шамина, 1985б), выделяется 85 формальных моделей. (Две из них—наши квазисочиненные конструкции с показателями *-ГАш* и *-Vр ... ГА.*) В качестве основных темпоральных конструкций тувинского языка в указанной работе рассматриваются причастно-падежные конструкции на *-ГА* и *-ДА*, т. е.—в нашей терминологии—конструкции, в которых зависимый предикат представляет собой масдар в дательном и местном падежах соответственно. С нашей точки зрения, эти, на первый взгляд, аналогичные формы функционально весьма отличны друг от друга, что проявляется в различных морфологических и синтаксических ограничениях на их употребление. Условия употребления форм на *-ГА* и их функции в системе ПР были подробно проанализированы в первой части статьи. Что касается форм на *-ДА*, то они являются наиболее частотными в тюркских языках масдарно-падежными формами (см., напр.: Гаджиева, 1973: 242 и сл., 305 и сл.; Черемисина, 1981). В работах по тувинскому языку они до сих пор описывались в одном ряду с формой на *-Vр ... ГА* (Шамина, 1982; Сат, 1960; Черемисина и др., 1984).

Рассмотрим примеры употреблений форм на *-ДА*.

- (44)
<i>уруу</i>	<i>аар-ыр-да,</i>	<i>ава-зы</i>	<i>ыгла-п</i>	<i>тур</i>
а. девочка: 3	болеть-БУД-ВРМ	мать-3	плакать-ДПЧ	ВСП
'Когда дочь болеет, мать плачет'				
б. <i>хун</i>	<i>ун-ген-де,</i>	<i>чер</i>	<i>чыраач</i>	
солнце	всходить-ПРОШ-ВРМ	земля	осветиться: ПРОШ	
'Когда взошло солнце, земля осветилась' [21]				
в. (мен)	<i>уду-п</i>	<i>чыд-ыр-ым-да,</i>	<i>ава-м</i>	(мени)
я	спать-ДПЧ	ВСП-БУД-1ЕД-ВРМ	мать-1	я: ВИН
<i>оттуруп-кан</i>				
будить-ПРОШ				
'Когда я уснул/спал, мать меня разбудила'				
г. <i>ава-зы</i>	<i>ача-зы-биле</i>	<i>чугаалаж-ып</i>	<i>олур-да,</i>	
мать-3	отец-3-с	разговаривать-ДПЧ	ВСП-ВРМ	
<i>огл-у</i>	<i>уруу-биле</i>	<i>тен-ип</i>	<i>тур-ган</i>	
мальчик-3	девочка: 3-с	баловаться-ДПЧ	ВСП-ПРОШ	
'Когда мать с отцом разговаривали, сын с дочкой баловались'				
д. <i>сиген</i>	<i>шык-та,</i>	<i>кез-ер</i>	<i>херек</i>	
травя	влажная-ВРМ	резать-БУД	нужно	
'Пока трава влажная, нужно косить'				

К морфологическим особенностям темпоральных конструкций с *-ДА* относятся: возможность присоединяться к имперфективному масдару на *-Vp*—см. (44а) и перфективному на *-ГАН*—см. (б); к простой (44а, б) и аналитической (в) глагольной форме; непосредственно к основе вспомогательного глагола (это самый частый случай)—(г); к прилагательному—(д). С точки зрения синтаксиса, употребления предикаций с показателем *-ДА* характерны для случаев некорреферентности подлежащих, но это правило не является столь абсолютным, как в случае показателя *-Vp ... ГА* (см. ниже). С точки зрения семантики, *ДА*-конструкции означают одновременность (см.: Катанов, 1903: 924; Делгер-оол, 1960; Шамина, 1985б: 60 и сл.), понимаемую в широком смысле, т. е. частичное или полное совпадение временных границ двух событий. Такая семантика и ответственна за тенденцию к употреблению *ДА*-сирконстанта в конструкциях с некорреферентными подлежащими. Дело в том, что совпадение событий во времени нормально предполагает в них разный деятелей. (Не имея возможности подробно остановиться на обосновании последнего утверждения, отметим его типологическую значимость). Сами отклонения от этой тенденции характерны для не совсем стандартных ситуаций, когда либо трудно точно определить, корреферентны или некорреферентны подлежащие (ср. § 2. 1. 3), например, в случае неопределенно-личных предикаций—см. (45), либо при большей степени свернутости темпорального сирконстанта; в последнем случае сирконстант линейно разрывает главную предикацию—см. (46).

- (45) *доң-а* *бер-ген-де,* *ажылда-ар-ы* *дам* *баар*
замерзнуть-ДПЧ ВСП-ПРОШ-ВРМ работать-БУД-3 еще идти-БУД
'Когда замерзнешь, еще лучше работаешь' (букв.: 'работание идет') [22]
- (46) *дуу* *мээн* *гаалың-ым-ны* *[ун-ер-иң-де]* *ап*
тот я: РОД сумка-1ЕД-ВИН выходить-БУД-2ЕД-ВРМ взять: ДПЧ
ал-ыр *сен*
ВСП-БУД 2ЕД
букв.: 'Ту мою сумку, когда будешь выходить, возьмишь' [22]

К предложениям типа (46) примыкают и следующие примеры, в которых «разрыв» главной предикации временным сирконстантом может показаться менее очевидным (в примерах для обозначения границ предикации используются квадратные скобки). Большая степень свернутости сирконстантов в (47) определяется в каждом случае индивидуально.

- (47) а. *ача-м* [*Тоора-хем-де* *бол-ган-да*] *менээ*
отец-1ЕД МЕСТ быть-ПРОШ-ВРМ я: ДАТ
хөйлең *сад-ып* *бер-ген*
рубашка купить-ДПЧ ВСП-ПРОШ
'Отец, будучи в Тоора-хеме, купил мне рубашку'
- б. *уруу* [*аараан-да*] *үргүлчү* *ыглаар*
девочка: 3 болеть: ПРОШ-ВРМ всегда плакать-БУД
'Во время болезни девочка всегда плачет'

В (47а) у темпорального сирконстанта на *-ДА* явно просматривается его исходный локативный смысл, а в качестве носителя для показателя *-ДА* выступает связка *бол-* 'быть, находиться'. В (47б) темпоральный сирконстант не только является в высшей степени свернутым, но и имеет семантику абитуалиса, размывающую нормальное некорреферентное употребление *ДА*-сирконстантов.

Итак, конструкции с зависимой предикацией, оформленной показателем *-ДА*, следует признать конструкциями с сентенциальным сирконстантом, в отличие от конструкций с *-Vp ... ГА*, обозначенных как ква-

зисочиненные. Такая трактовка подтверждается еще и тем, что показатель -ДА не имеет склонности к формированию цепочек взаимно зависимых предикаций—ср. примеры цепочек с -Vp ... ГА в § 2. 3. Это объясняется более тесной и более однонаправленной связью сентенциального сирконстанта с главной предикацией по сравнению со связью в квазисочиненной конструкции.

С точки зрения переклечения референции, «квазиминимальной парой» для ДА-конструкций в тувинском языке [23] являются конструкции с деепричастиями на -БЫшаан, требующие строгой кореферентности подлежащих двух предикаций. (О свойствах этого деепричастия см.: Бабушкин, 1959: 101; Исхаков и Пальмбах, 1961: 338 и сл.; Шамина, 1985б: 125—126). Коммуникативная функция БЫшаан-конструкций заключается в утверждении того, что данные ситуации протекают одновременно (здесь речь идет об одновременности в узком смысле—полном совпадении временного объема событий). Интересно отметить, что именно для БЫшаан-конструкций очень непросто решить вопрос о границе между сентенциальными сирконстантами и сочиненными конструкциями: события, объединенные общностью главного действующего лица—особенно единственного участника в случае одноместных предикатов—и одновременностью протекания, в максимальной степени выражают идею связности и слитности двух ситуаций.

- (48) а. ава-зы уруу-н чемгер-бышаан, чугаалаж-ыл
мать-3 девочка:3-ВИН кормить-ВРМ: КРФ разговаривать-ДПЧ
олур
ВСП
'Мать кормит дочку и разговаривает с ней'
- б. чем хайындыр-бышаан, авазы уруун чемгер-ил тур-ган
еда варить-ВРМ: КРФ кормить-ДПЧ ВСП-ПРОШ
'Готовя еду, мать (одновременно) кормила дочку'

При описании конструкций с КРФ неизбежно встает вопрос о поведении кореферентных ИГ: опускаются ли они, и если да, то каковы правила этого опущения? Для соответствующих конструкций тувинского языка характерен тот факт, что, по крайней мере, внешне опущение может происходить как в зависимой, так и в главной предикации—ср. место ИГ авазы в (48а, б). Однако это явление можно интерпретировать и следующим образом: опущение происходит всегда в зависимой предикации, являющейся линейной первой, но сохранившаяся ИГ может факультативно выноситься из своей позиции в начало предложения, подвергаясь своего рода топиализации. Каждая из этих интерпретаций имеет свои «за» и «против», но в любом случае конструкция с подлежащей ИГ слева, как в (48а), имеет большие основания считаться квазисочиненной, так как именно для сочинения характерна анафорическая, а не катафорическая модель опущения (т. е. опущение более правой, а не более левой—кореферентной ИГ).

При коммуникативной необходимости выразить идею слитности и одновременности протекания двух событий с разными деятелями может быть использован пассивный вариант БЫшаан-конструкции. Посредством этого достигается кореферентность подлежащих.

- (49) а. огл-у ача-зы-н-га этте-дир-бышаан, ыгла-н
мальчик-3 отец-3-СУФ-ДАТ бить-ПАСС-ВРМ: КРФ плакать-ДПЧ
тур-ган
ВСП-ПРОШ

букв.: 'Мальчик избивается отцом и плачет'

Ср. пример, в котором некорреферентны и поверхностные подлежащие:

- (49) б. оглу ачазынга этте-дир-ип тур-да, ава-зы ыгла-п
 битъ-ПАСС-ДПЧ ВСП-ВРМ мать-З
 турган

'Мать плакала, когда отец бил сына'

Особенностью *БЫшаан*-деепричастий является возможность их независимого, автономного употребления как финитной формы с показателями лица и эмфатическим смыслом 'X все еще P, все еще Q'. Ср. (50):

- (50) а. кеттин-бишаан, уруу ырла-п тур
 одеваться-ВРМ: КРФ девочка: З петь-ДПЧ ВСП
 'Одеваясь, дочь поет'

- б. уруу кеттин-бишаан, дыран-бишаан
 причесываться-ВРМ: КРФ

'Дочь все еще (до сих пор) одевается и причесывается'

- в. мен кеттинбишаан мен, дыранбишаан мен
 я 1ЕД 1ЕД

'Я одеваюсь, причесываюсь' (с характерной протяжной интонацией)

Формы на *-ДА* и *-БЫшаан* близки к тому, чтобы входить в систему ПР. Однако, в отличие от показателей, рассмотренных в § 2: а) они не являются полными синонимами, поскольку *-БЫшаан* имеет эмфатический смысл параллельности двух событий; б) *-Вр ... ДА* и *-ГАН ... ДА* с меньшей строгостью следует некорреферентному употреблению, чем *-Вр ... ГА*.

Другие формальные модели темпоральных конструкций—масдарно-последовательные, союзные (см.: Шамина, 1985б)—безразличны к ПР и поэтому здесь не рассматриваются. Необходимо добавить, что хотя в ряде случаев темпоральность может переосмысляться как причина или условие—в зависимости от контекста и аспектуальной характеристики действия—прототипической функцией конструкций с *-ДА* и *-БЫшаан* является выражение темпоральных значений. Прототипическим способом для выражения условных значений являются конструкции, в которых зависимая предикация оформляется показателем специального условного наклонения. В них ПР не маркируется (см.: Кибрик, 1987), поэтому в настоящей статье они не рассматриваются.

3. 2. Конструкции с причинным сентенциальным сирконстантом

Среди большого количества моделей полипредикативных конструкций, выражающих значение причины (см.: Шамина, 1980, 1985а), можно выделить ядерную часть, внутри которой осуществляется противопоставление маркеров ПР. (Вообще, среди временных и причинных конструкций ПР есть именно в тех, где сирконстантная семантика наименее специфицирована.) Рассмотрим примеры.

- (51) а. мен корг-а бер-ген бол-гаш, беру-ну өлүр-үп
 я бояться-ДПЧ ВСП-ПРОШ быть-КРФ волк-ВИН убивать-ДПЧ
 шыда-ваан мен
 мочь-ОТР: ПРОШ 1ЕД

'Я не смог убить волка, потому что испугался'

- б. беру аныяк боорга, өлүр-бе-ди-м
 волк молодой быть: НКРФ убить-ОТР-ПРОШ-1ЕД

'Так как волк был молодой, я его не убил'

- в. бо чыл соок боорга, хөй ап өл-ген
 этот год холодный быть: НКРФ много зверь умирать-ПРОШ

'Так как год был холодный, погибло много зверей'

В (51а) представлена конструкция с КРФ, а в (51б, в) — с НКРФ. Предложение (51б) демонстрирует кореферентность с прямым допол-

нением, в (51в) кореферентных ИГ нет. Видно, что маркеры ПР—те же, что и для квазисочиненных конструкций: *-ГАш* и *-Vр ... ГА*. Однако в сирконстантах с причинным значением носителем этих маркеров оказывается бытийная связка *бол-*, которая оформляет не только именные, но и собственно глагольные сказуемые без ограничений на форму предиката зависимой части—см. (51), а также ср. предложения в (52).

- (52) а. *ача-м* *дыка* *туруп-кан* *бол-гаш,* *уду-й*
 отец-1ЕД очень устать-ПРОШ быть-КРФ спать-ДПЧ
 бер-ген
 ВСП-ПРОШ
 'Отец уснул, так как очень устал'
- б. *ачам* *дыка* *туруп-каш,* *удуй* *берген*
 устать-КРФ
 'Отец очень устал и уснул'

Интересную особенность системы ПР в причинных сирконстантах представляют предложения типа (53а).

- (53) а. *сен* *эки* *боор-ун-да* *кел-ди-м*
 ты хороший быть: БУД-2ЕД-ВРМ приходить-ПРОШ-1ЕД
 'Я пришел, потому что ты хороший'

В качестве маркера НКРФ здесь выступает *-ДА* — показатель темпорального сирконстанта. Но носителем этого показателя является все же связка *бол-*. Для сравнения возьмем аналогичное предложение, в котором представлен типичный темпоральный сирконстант с именным сказуемым в зависимой предикации.

- (53) б. *сен* *бичии* *тур-ун-да,* *сенээ* *ыр-лар* *ырла-п*
 ты маленький ВСП-2ЕД-ВРМ ты-ДАТ песня-МН петь-ДПЧ
 бер-ип *чораан* *мен*
 ВСП-ДПЧ ВСП:ПРОШ 1ЕД
 'Когда ты был маленький, я пела тебе песни' [22]

Возникает вопрос, каков грамматический статус связки *бол-*, которая в причинных сирконстантах оформляет любое сказуемое, выступая в форме *болгаш*, *боор ... ГА* или *боор ... ДА*. С нашей точки зрения, было бы неправомерным считать эти слова союзами или тем более послелогами, как это предлагается в работах: Исхаков и Пальмбаха, 1961: 450; Шамина, 1980; Шамина, 1985а, б. Но и включать их в состав аналитической глагольной формы наравне со вспомогательными глаголами нельзя, поскольку они оформляют уже «готовый» аналитический глагольный комплекс. Представляется, что единственно адекватным было бы описание данных показателей не в терминах парадигматических классов слов как союзов или вспомогательных глаголов, а на основе их функции—как маркеров ПР в конструкциях с сентенциальными сирконстантами причины, тем более что в этих конструкциях система ПР имеет свою специфику: здесь противопоставлены не маркеры *-ГАш* и *-Vр ... ГА*, а *болгаш*, с одной стороны, и *боор ... ГА*, *боор ... ДА*—с другой. Различия между двумя последними соответствуют различиям в аспектуальной характеристике описываемых событий.

Можно считать, что причинные конструкции входят в систему ПР, морфологически базируются, в первую очередь, на основном противопоставлении тувинских маркеров ПР: *-ГАш/-Vр ... ГА*.

3. 3. Конструкции с целевым сентенциальным сирконстантом

Большая группа полипредикативных конструкций тувинского языка характеризуется тем, что зависимая предикация вводится служебным

словом, представляющим собой ту или иную форму глагола *де-* 'говорить'. Кроме сентенциальных актантов при предикатах интеллектуальной деятельности, особый и четко очерченный класс составляют конструкции с сентенциальными сирконстантами цели. Целевой сирконстант вводится словом *дээш*, представляющим собой *ГАш*-деепричастие от глагола *де-*. (Некоторые факты относительно целевых конструкций в тувинском языке были изложены в работах: Шамина, 1980; Сат, 1981). Таким образом, выражение со смыслом 'X совершает P, чтобы Q' по-тувински имеет внутреннюю форму—'X совершает P, говоря, что Q'. Рассмотрим примеры.

- (54) а. *ава-м-га* *ужураж-ыр* *дээш, мен* *хоорай*
 мать-1ЕД-ДАТ встретиться-БУД ЦЕЛЬ я город
чоруп-ту-м
 идти-ПРОШ-1ЕД
 'Я поехал в город, чтобы встретиться с матерью'
- б. *ава-зы* *дыштан-зын* *дээш,* *уруу* *мун-ну*
 мать-3 отдохнуть-ИМП: ЗЕД дочь суп-ВИН
хайындыр-ып *каан*
 варить-ДПЧ ВСП: ПРОШ
 'Чтобы мать отдохнула, дочь сварила суп'
- в. *ача-м* *кончу-тун-ма-зын* *дээш,* *мен*
 отец-1ЕД ругать-СУФ-ОТР-ИМП: ЗЕД я
ыяш-ты *чар-ып* *кал-ды-м*
 дрова-ВИН колоть-ДПЧ ВСП-ПРОШ-1ЕД
 'Я дрова наколот, чтобы отец меня не ругал'

Как видно из примеров, противопоставление КРФ и НКРФ имеет место и здесь, но способы его выражения иные, нежели в конструкциях, рассматривавшихся ранее. Маркером НКРФ выступает «желательно-повелительное наклонение» (см.: Сат, 1955: 695), оформляющее сказуемое зависимой предикации (в 3-м лице его показатель *-ЗЫн*), а маркером КРФ является прямое (изъявительное) наклонение: в этих случаях предикат принимает обычную финитную форму. То, что это финитная форма, а не масдар или причастие, видно в предложениях с ненулевым личным показателем:

- (55) *ачам* *дыштан-ыр* *мен* *дээш,* *чан-ып* *кел-ген*
 отдыхать-БУД 1ЕД приходит домой-ДПЧ ВСП-ПРОШ
 'Отец пришел домой отдохнуть'

В этом предложении факультативно присутствует личный показатель 1-го лица ед. ч. *мен*. Его употребление означает, что вербальный способ описания цели некоторого действия (прихода домой) максимально эксплицирован прямой речью—*отец пришел, сказав: «Отдохну»*. Отсутствие личного показателя соответствует экспликации цели через ее вербализацию в косвенной речи.

Возможность интерпретации в прямой и косвенной речи создает окказиональную неоднозначность, разрешаемую контекстом:

- (56) *ава-м* *мени* *чемгер-ип* *каг-зын* *дээш, сен*
 мать-1ЕД я: ВИН кормить-ДПЧ ВСП-ИМП: ЗЕД ты
ажыл-дан *кел-диц*
 работа-ИСХ прийти-ПРОШ-2ЕД

а) прямая речь: 'Ты пришел с работы, чтобы мать тебя покормила',

б) косвенная речь: 'Ты пришел с работы, чтобы мать меня покормила'.

Внешне, морфологически, более «гладким» выглядит вариант б), но с точки зрения прагматики вариант а), безусловно, более естествен.

В предложениях с целевыми сирконстантами система ПР действует в соответствии с тем же главным принципом, что и в других рассмотренных конструкциях: маркер КРФ выступает только тогда, когда имеет место кореферентность двух ИГ в именительном падеже. Семантические характеристики рсли не играют. Рассмотрим пример (57).

(57) Ø₁ чылыг бол-зун дээш, оол печка-ны
теплс быть-ИМП: ЗЕД мальчик печка-ВИН

одап-кан
топить-ПРОШ

'Мальчик разжиг пещку, чтобы ему было тепло'

Так как предикат чылыг бол- 'быть тепло' управляет дательным, а не именительным падежом и соответствующая ИГ с поверхностной точки зрения подлежащим в тувинском языке быть не может, то для механизма ПР это означает выбор маркера НКРФ, т. е. желательного-повелительного наклонения.

Таким образом, целевые конструкции в тувинском языке можно с полным основанием отнести к системе ПР. Хотя маркеры КРФ и НКРФ в конструкциях с целевым сирконстантом иные, чем в конструкциях, рассмотренных выше, в них эксплуатируется и показатель КРФ -Гаш: глагольная форма дээш имеет то же подлежащее, что и главная предикация (вводящая прямую/косвенную речь), и используется как промежуточное звено при установлении кореферентности/некорреферентности этого подлежащего с подлежащим зависимой предикации.

3. 4. Конструкции с деепричастиями соединительной семантики

Рассмотрением целевых сирконстантов в общем завершается анализ полипредикативных конструкций, в которых наряду с передачей сирконстантных значений выражаются также противопоставления по КРФ/НКРФ. Однако за пределами данного описания остались конструкции с деепричастиями на -(Ы)п и -V/-й, для которых возможны только употребления типа КРФ. Формы, родственные этим деепричастиям, имеются почти во всех тюркских языках, и в тюркологических работах по синтаксису им всегда посвящается большое количество страниц—см., напр.: Дмитриев, 1948: 187 и сл.; Кононов, 1956: 475—476; Гаджиева, 1961; Lewis, 1967: 175—178; Гаджиева, 1973: 318—321; Поцелуевский, 1975: 237—238; Юлдашев, 1977: 158—179, 185 и сл. Тувинские конструкции с деепричастиями на -V/-й и -(Ы)п довольно полно описаны в работах: Катанов, 1903: 846, 850; Бабушкин, 1959; Исхаков и Пальмбах, 1961: 316—330. В работе Шамина, 1985б они рассматриваются в ряду других деепричастных конструкций, выражающих темпоральные противопоставления. С нашей точки зрения, такое отнесение не совсем правомерно и диктуется, скорее, семантикой перевода этих конструкций на русский язык с помощью русских деепричастных оборотов.

У деепричастий на -V/-й и -(Ы)п традиционно выделялись, по крайней мере, два различных типа употребления (Исхаков и Пальмбах, 1961: 316 и сл.). В наших терминах это—оформление зависимой предикации в полипредикативной конструкции и оформление всех неконечных глаголов в аналитической глагольной конструкции (иногда называемой сложным или составным глаголом—см.: Шамина, 1985б). Эти два типа употреблений представлены в следующих примерах:

(58) а. оол омур-а, дунма-зы-биле ойна-п
мальчик сидеть-ДПЧ сестра-3-с играть-ДПЧ

омур-ган
ВСП-ПРОШ

'Мальчик сидит и играет с сестрой'

б. дуцмазы-биле	ойна-п	олур-а,	оол	ыгла-й
	играть-ДПЧ	ВСП-ДПЧ		плакать-ДПЧ
бер-ген				
ВСП-ПРОШ				
'Мальчик заплакал, играя с сестрой (играл с сестрой и заплакал).'				
в. уруу	кеттин-ип,	дыран-ып	тур	
девочка: 3	одеваться-ДПЧ	причесываться-ДПЧ	ВСП	
'Дочка одевается и причесывается'				

В каждом из этих примеров конечный глагол левой, зависимой, предикации оформлен деепричастием на *-V/-й* или *-(Ы)п*. Вместе с тем здесь присутствуют употребления и второго типа—деепричастное оформление неконечных глаголов аналитической конструкции (во всех трех примерах—в правой предикации, а в примере (586) также и в левой—*ойнап олур*). На синхронном уровне эти два типа употреблений деепричастий явно дифференцированы, однако, с нашей точки зрения, они имеют не только онтологическую, но и функциональную связь между собой. Причем исходным (в обоих смыслах) является первый тип употреблений—оформляющих зависимую предикацию в полипредикативных конструкциях, которые наряду с рассмотренными в разделе 2 могут быть названы квазисочиненными. Эти конструкции характеризуют две конкретные ситуации как связанные, совместные по некоторому параметру (время, место, способ действия, общность участников, логическое следование и т. п.; ср.: Катанов, 1903: 846). Их связанность иконически отображается в синтаксисе, так как одна из ситуаций маркируется зависимым (деепричастным) способом оформления предикации. Как и квазисочиненные конструкции с *-ГАш*, рассмотренные в § 2, они требуют обязательной кореферентности подлежащих (для них верны все те же оговорки к этому главному правилу, что и для конструкций с *-ГАш*), но отличаются от указанных конструкций отсутствием темпоральной семантики предшествования. Следует отметить, что употребление деепричастий на *-(Ы)п* в качестве конечного глагола зависимой предикации свойственно литературному диалекту тувинского языка (см., напр.: Бабушкин, 1959: 99), а в тоджинском диалекте такое употребление встречается довольно редко.

Что касается второго типа употребления деепричастий—в аналитических глагольных конструкциях, то в них связанность проявляется по-другому: не как соотнесенность двух конкретных ситуаций в речевом акте, но как словарная информация, приписываемая глагольной лексеме и предопределяющая ее совместное употребление в аналитических конструкциях с одним из вспомогательных, частично десемантизированных глаголов. Десемантизация, лежащая в основе этой связи, может быть полной или частичной; соответственно жесткой или гибкой может быть и эта связь. Так, конструкция *дыранып тур*—букв.: 'причесываясь, стоит' является самым нейтральным, т. е. самым грамматикализированным способом выразить смысл 'причесывается'. Однако при соответствующем семантическом задании возможно и употребление *дыранып олур*—'причесывается сидя', в котором вспомогательный глагол не полностью утратил свое лексическое значение. Такие конструкции представляют собой промежуточный для двух типов употребления деепричастий случай, напоминающий сериальные конструкции африканских и папуасских языков. Вообще, вследствие различной степени десемантизации связи между смысловым и вспомогательным глаголами, а также из-за открытости класса вспомогательных глаголов промежуточные случаи отнюдь не единичны и покрывают всю шкалу перехода

от полипредикативных конструкций с деепричастиями к аналитическим глагольным формам.

Возможным аппаратом для описания данных двух типов употреблений деепричастий является разрабатываемая в работах Foley & Van Valin, 1984 и Foley & Olson, 1985 идея о том, что сериальные конструкции и сочиненные предложения суть два этапа процесса объединения (juncture) предикаций (clauses), который может осуществляться с разной степенью полноты: с присвоением обоим предикатам всех актантов и сирконстантов, как в аналитических формах или в русском *Сегодня он весь день сидит пишет*; с присвоением лишь части актантов и среди них обязательно главного действующего лица—см. полипредикативные конструкции в (58а, б); с присвоением лишь сирконстантных (необязательно выраженных) характеристик ситуаций.

Деепричастия на *-V/-й* и на *-(BI)n* не имеют показателя-аналога, выражающего НКРФ. Поэтому они подобно русским деепричастиям подсистемы ПР не образуют.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируем вкратце выводы, касающиеся механизма переключения референции в тувинском языке. В основе системы ПР лежит базовая пара морфологических показателей *-ГАш* и *-Vp... ГА* (КРФ и НКРФ соответственно), используемых в квазисочиненных полипредикативных конструкциях (§ 2). На этой морфологической оппозиции базируется подсистема ПР в конструкциях с причинным сирконстантом (§ 3. 2). Имеется также пара показателей, оформляющих темпоральный сентенциальный сирконстант со значением одновременности (§ 3. 1) и частично изоморфных паре базовых показателей, но как подсистема ПР грамматикализованных в меньшей степени. На других морфологических основаниях строится еще одна подсистема ПР—конструкции с целевым сирконстантом (§ 3. 3): в качестве маркеров КРФ и НКРФ используются соответственно изъявительное и желательное-повелительное наклонение глагола в зависимой предикации. Последний тип известных нам тувинских конструкций, маркирующих ПР—конструкции с деепричастиями на *-(BI)n* и *-V/-й*, охватывающие широкий диапазон полипредикативности: от аналитической глагольной формы до полипредикативной цепочки. Показатели рассматриваемых деепричастий являются маркерами КРФ и своих аналогов, выражающих некорреферентность, не имеют.

В § 1 были перечислены типологические фреквенталии систем ПР (см.). Теперь мы попытаемся сопоставить тувинский вариант такой системы с типологическим эталоном и по возможности дать фреквенталиям функциональное объяснение.

1. В тувинских конструкциях с ПР показатели ПР одновременно маркируют предикацию как зависимую. Сам факт маркирования (не)корреферентности в предикации делает ее несамостоятельной, требующей сопоставления с некоторой другой предикацией. Кроме того, маркеры ПР не только сигнализируют (не)корреферентность подлежащего зависимой предикации подлежащему главной, но и выражают ту или иную сирконстантную семантику с разной степенью отчетливости: от минимальной в квазисочиненных конструкциях до максимальной в целевых.

2. Тувинский язык имеет базисный порядок слов SOV, т. е. в простой предикации все аргументы располагаются слева от глагола. В полипредикативной конструкции финитный глагол также склонен занимать крайнюю правую позицию, а зависимая нефинитная предикация, маркирующая ПР,—более левую позицию одного из аргументов.

3. В тувинском языке механизм ПР маркирует (не)корреферентность синтаксических подлежащих. В тех случаях, когда референциальные свойства подлежащего размываются, возможно варьирование маркеров ПР.

4. Основной маркер КРФ в тувинском языке (*-ГАш*) морфологически неделим, а маркер НКРФ (*-Vp ... ГА*) имеет внутреннюю форму и согласуется с подлежащим своей предикации. Это естественно, поскольку сама по себе некорреферентность подлежащему другой предикации, в отличие от случая КРФ, никакой информации о подлежащем данной предикации не несет.

5. Базисный с точки зрения ПР тип полипредикативных конструкций в тувинском языке—«квазисочиненные» конструкции с маркерами КРФ и НКРФ в зависимой предикации, т. е. конструкции с семантически наименее специфицированным видом связи. Вероятно, это объясняется тем, что ПР, в первую очередь, возникает в конструкциях, где тип корреферентности между актантами наименее предсказуем из самого характера связи между предикациями.

* * *

Все сказанное позволяет наметить некоторые перспективы дальнейшего исследования явления ПР. Что касается тувинского языка, то нужно отметить, по крайней мере, следующие аспекты: 1) выявление других типов конструкций, маркирующих ПР, если они есть; 2) углубленное изучение конструкций с деепричастиями (см. § 3. 4) и континуальной шкалы между аналитическими глагольными формами и полипредикативными конструкциями с зависимой предикацией, оформленной деепричастием; соотношение понятия «серийная конструкция» с данными тувинского языка; 3) взаимодействие таких средств поддержания локальной связности текста, как механизм ПР и анафора (в этом направлении выполнена работа Кибрик, 1987). Что касается тюркологии в целом, то необходим детальный анализ всех тюркских языков с точки зрения наличия ПР. Есть основания подозревать (исходя как из общих соображений, так и из предварительного просмотра материала), что ПР характерно для тюркского языкового типа. Современное состояние синтаксической типологии требует немедленного восполнения этого пробела в наших знаниях об одной из самых изученных языковых семей мира [24].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁶ Такое сочетание встречается, но совсем в другой функции: при оформлении сентенциального актанта глагола, требующего дативного дополнения.

¹⁷ Для полноты нужно упомянуть архаические падежные формы от деепричастия на *-ГАш*. По-видимому, они также требуют корреферентного употребления. О них см.: Катанов, 1903: 929; Исхаков и Пальмбах, 1961: 335—336; Шамина, 1985б: 130.

¹⁸ О структуре поморфемного перевода тувинских примеров см. примеч. 2 к первой части статьи.

¹⁹ Этот пример взят из письменного текста тувинской сказки, проверен с информантом.

²⁰ Пример из работы: Бабушкин, 1960: 137.

²¹ Пример из работы: Бабушкин, 1960: 129.

²² Пример из работы: Шамина, 1982: 67—68.

²³ Утверждение Л. А. Шаминой, что в масдарно-падежных формах на *-ДА* в 1-, 2-м лице наличие/отсутствие согласовательных аффиксов является маркером соответственно разно-/моносубъектности (Шамина 1985 б: 119—120), при проверке с нашими информантами не подтвердилось.

²⁴ Когда работа над статьей уже была завершена, мы получили возможность ознакомиться с новой монографией группы М. И. Черемисиной—Черемисина и др., 1986,— в которой излагаются результаты, в некоторых отношениях близкие к нашим. Так, в

этой работе более широко, чем раньше, учитывается параметр моно-/разносубъектности при анализе тувинского и другого тюркского материала (см. § 2 гл. 1 и § 2 гл. 2 раздела II). Уделено внимание случаям разносубъектного употребления деепричастий на *-(Ы)п* (с. 28, 146) и на *-Гаш* (с. 152), высказаны некоторые предположения о причинах этого явления. В монографии отмечен сочинительный характер конструкций с деепричастием на *-(Ы)п* (с. 28, 30, 145 и сл.).

ЛИТЕРАТУРА*

- Бабушкин Г. Ф. О значениях и синтаксических функциях деепричастий в тувинском языке//УЗ ТНИИЯЛИ. 1959. Вып. 7. С. 93—104.
- Бабушкин Г. Ф. О структуре придаточных предложений в тувинском языке//УЗ ТНИИЯЛИ. 1960. Вып. 8. С. 127—138.
- Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975.
- Бергельсон М. Б. Использование стратегий при производстве и понимании сочинительных конструкций: Тез. конф. молодых востоковедов ИВ АН СССР. М., 1986. С. 18—21.
- Гаджиева Н. З. Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках//Вопр. языкознания. 1957. № 3. С. 112—118.
- Гаджиева Н. З. Типология придаточных предложений в современном азербайджанском языке//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1961. Т. 3: Синтаксис. С. 164—221.
- Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- Гаджиева Н. З., Бирюкович Р. М. Реликты древнетюркского синтаксиса в современных тюркских языках//Сов. тюркология. 1983. № 2. С. 3—15.
- Делгер-оол А. К. Основные типы глагольных оборотов в тувинском предложении//УЗ ТНИИЯЛИ. 1960. Вып. 8. С. 118—126.
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
- Кибрик А. А. Система переключения референции и анафора в тувинском языке//Грамматические средства оформления анафорических связей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
- Нартыев Н. Сложноподчиненное предложение в тюркских языках//Сов. тюркология. 1975. № 5. С. 12—20.
- Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка//Избр. тр. Ашхабад, 1975.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.
- Сат Ш. Ч. Тувинско-русский словарь. М., 1955.
- Сат Ш. Ч. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл, 1960.
- Сат Ш. Ч. Роль служебных слов *деп*, *дээш* в сложноподчиненном предложении тувинского языка//Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 112—115.
- Сат Ш. Ч. Придаточные предикативные единицы в тувинском языке//Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков Сибири). Новосибирск, 1982. С. 48—60.
- Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск, 1976. Ч. 2: Сложное предложение.
- Черемисина М. И. Предикативное склонение как база зависимой предикации в алтайских языках//Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 12—38.
- Черемисина М. И. и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.
- Черемисина М. И. и др. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986.
- Шамина Л. А. Способы выражения причинных отношений в тувинском языке//Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980. С. 12—30.

* Сокращение: УЗ ТНИИЯЛИ—Учен. зап. Тув. НИИ языка, литературы и истории. Кызыл.

Шамина Л. А. Причастно-последовательные конструкции зависимой части тувинских сложноподчиненных предложений времени//Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 98—111.

Шамина Л. А. Конструкции общей временной соотнесенности в тувинском языке//Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков Сибири). Новосибирск, 1982. С. 61—79.

Шамина Л. А. Причинные конструкции в тувинском языке//Тюркское языкознание: Материалы III Всесоюз. тюркол. конф. Ташкент, 1985 а. С. 200—203.

Шамина Л. А. Структурные и функциональные типы полипредикативных конструкций со значением времени в тувинском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1985 б.

Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977.

Foley W. A. a. Olson M. Clausehood and verb serialization//Grammar inside and outside the clause/Ed. by Woodbury A., Nichols J. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. S. 17—60.

Foley W. A. a. Van Valin R. D. Functional syntax and universal grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Hanser O. Der Streit um den Türkischen Nebensatz unter besonderer Berücksichtigung der Sowjettürkologie//Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1982. Bd 132, H. 2. S. 308—335.

Lewis G. Turkish grammar. Oxford: Oxford University Press, 1967.

Longacre R. E. Switch-reference systems in two distinct linguistic areas: Wajokeso (Papua New Guinea) and Guanano (Northern South America)//Haiman & Munro. 1983. S. 185—208.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Ф. Г. ХИСАМЕТДИНОВА,
З. Я. ШАРИПОВА

ТЕРМИНЫ БАШКИРСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

Термины башкирской демонологии долгое время не являлись предметом специального исследования. Лишь в работах С. И. Руденко и И. И. Лепехина, Б. Г. Юлуева, А. Г. Бессонова, В. М. Филоненко, А. Игнатовича, М. Байшева и Д. П. Никольского встречаются названия ее отдельных персонажей [1. С. 314—327; 2. С. 32, 73—75, 95, 173; 3. С. 246; 4. С. 192; 5. С. 191—192; 6. С. 23; 7. С. 29; 8. С. 117].

В настоящей статье предпринята попытка определить состав терминов башкирской демонологии, установить типологические и генетические параллели их с демонологическими персонажами фольклора других народов, проследить генезис отдельных региональных названий.

Материалом для нас послужили в основном термины, зафиксированные в фольклорных и письменных источниках башкир, и полевые этнографические материалы, собранные авторами в юго-восточных районах Башкирии. Всего проанализировано 20 названий, которые условно можно разбить на три группы: 1) названия демонов, враждебных человеку; 2) названия духов, ему покровительствующих; 3) названия духов, с которыми человек мог вступать в интимные отношения [9. С. 12, 13].

К терминам первой группы относятся *aždaha*, *albatdy*, *baraq*, *qaraq*, *dejeñ*, *jen*, *ibles*, *mäskäj*, *ubyr*, *sarpyu*, *šajtan*, *juxa* и др.

Aždaha — вариант *aždaha jyları*. Этот образ широко распространен в башкирских сказках и былинах [10; 11]. По представлениям башкир, *aždaha* — это исполинский змей, живущий в озерах, горных расщелинах и заглатывающий людей и животных. *Aždaha* может принимать облик змеи, быка, собаки, часто требует жертву и, получив ее, на время успокаивается. За свои злодеяния *aždaha* наказывается всевышним (*täŋre*). Заковав змея в цепи, добрые духи (иногда их называют *mosolman bärejäre* 'мусульманские перы') уносят его на мифическую гору Каф-тау [11]. Наказание *aždaha* всевышним называлось *aždaha kütäreleñ* 'поднятие аждаха'. До сих пор бытует представление о том, что *aždaha* живет в таких озерах Башкирии, как Мануббу 'ненасытное', 'бездонное'. *Talqaŋ*, в расщелинах гор *Jrámäl*, *Jrändek*, *Ráz*, *Mašaq*, *Maşaš*, *Olo aždaha tauy*.

Образ аждаха имеется в демонологии большинства народов Средней Азии, Казахстана, Урало-Поволжья [12. С. 273; 13. С. 14]. Происхождение термина *aždaha*, возможно, связано с именем авестийского демона Ажи-Дахака [12. С. 273; 13. С. 14]. Слово это в башкирском языке входит в состав следующих словосочетаний: *aždaha jotqañ* 'про-

глотил аждаха', *aždaha kütäreleü* 'поднятие аждаха', *sylybyrly aždaha* 'аждаха в цепях', *aždaha keüek ažuugu* 'прийти в ярость', 'свирепеть'.

Juxa, juxa jylan. По представлениям башкир, *aždaha*, достигший тысячелетнего возраста, если его никто и никогда не видел, превращается в *juxa*. *Juxa* — это огромный змей. В эпосе «Урал-батыр» о нем говорится так:

Если прикинуть, в толщину он
[Такой], что заслонит собой льва,
Если измерить его длину,
Мало и ста шагов [14. С. 296; 13. С. 56].

В отличие от *aždaha*, *juxa* предстает в образе красивого юноши или девушки и, по поверьям башкир, всегда вредит людям.

В башкирском языке слово *juxa* употребляется и в переносном значении. Ср.: *juxa keüek*, *juxalanu*, *juxa*, *juxalai* 'льстить', 'хитрить', 'подхалимничать'. Демонический образ *juxa*, как и термин, встречается в основном у народов Урало-Поволжья, у сибирских татар и туркмен [13. С. 56].

Albađty. По представлениям башкир, это огромная длинногрудая женщина с желтыми, как золото, распущенными волосами. Этот демон особенно опасен для женщин-родильниц, так как имеет обыкновение утаскивать у них послед, а также младенцев до 40 дней.

Термин *albađty* в различных фонетических вариантах, а также образ, обозначаемый им, широко распространены в фольклоре народов Средней Азии, Закавказья, Поволжья, Южной Сибири [15. С. 58]. Термин, как отмечают исследователи, состоит из 2 частей: *al*+*basty*. Первая—*al* возводится то к имени азиатской Венеры — Анахиты, то к иранскому *ala* 'дух огня', то к тюркским *alp* 'великан', *ala* 'пестрый', вторая — или к тюркскому глаголу *basty* 'придавил, задавил' или же к слову *bars* 'барс'. Г. А. Климов и Д. И. Эдельман возводят *albasty* к древне-месопотамскому *almasty* 'злая богиня' [16. С. 57—63]. Если принять во внимание, что *albasty* тюрки представляют в виде огромной женщины, то элемент *al*, видимо, следует сопоставить с общетюркским *alp* 'великан', 'исполин', 'большой', 'крупный', 'тяжелый' [17]. С этим же корнем, по-видимому, связано башкирское слово *olo* 'большой'. Если учесть, что демон *albađty* представлен в верованиях почти всех тюркских народов, то этимологизация его имени на материале тюркских языков будет наиболее правомерной.

Varaq/qaraq, qur-qur, boqaj/buqaj, sejgüd, xož, mätügä. Такими различными терминами обозначается в башкирских говорах некое безликое, аморфное существо, которое якобы заглядывает в окна, стучится в дверь и в отсутствие взрослых хватает и проглатывает детей. До сих пор в деревнях этим существом пугают детей. *Varaq* является наиболее распространенным термином и входит в состав следующих словосочетаний: *baraq kilä* 'бапак идет', *baraq ašaj* 'бапак съест'.

В словарях тюркских языков слово *baraq* как мифическое существо не фиксируется. Лишь в словаре К. К. Юдахина отмечается слово *бапак-сапак* в значении 'грязный' [18. С. 107]. Название башкирского *baraq* созвучно с именем авестийского демона Ака-Мапак [12. С. 273]. В башкирской демонологии есть образы, имеющие параллели в иранской мифологии (ср.: *aždaha*, *pärej/bäre/bire*), поэтому сопоставление *baraq* с авестийским Ака-Мапак, по нашему мнению, не лишено оснований.

У башкир, живущих по р. Сакмара, зафиксированы термины *хоž, mätügä, sejgüd* — названия мифического существа с красными глазами — домового.

В отдельных башкирских говорах синонимом термина *барақ* является слово *қарақ*, входящее в выражения *қарақ аҫај* 'капак съест', *қарақтар јөгөй* 'заранее пугать', 'предвещать нехорошее'. *Қарақ* употребляется также в значениях 'обжора', 'человек с большим ртом', что наталкивает на мысль о связи его с корнем *қар* (*qayu*) 'схватить', 'сцапать', 'хватать ртом, зубами'. Очевидно, к этому же корню восходит название некоего злого кусающегося существа *кабаған*, упоминаемого в свадебном фольклоре башкир. По-видимому, корень *қар* лежит и в основе терминов *қур-қур* [19], *қуруш*, *қируј*, зафиксированных в различных говорах башкирского языка.

Dejeü, dejeü päreje, дәүҫәре. В башкирских сказках *dejeü* обычно изображается в виде многоголового существа, живущего на мифической горе *Каф-тау*. У юго-восточных и аргаяшских башкир в том же значении употребляется еще и слово *jälmaуd*. В эпосе «Урал-батыр» *dejeü* имеет имя *Азрака* [14. С. 304]. Как сам образ, так и термин *dejeü* восходит к восточно-иранскому миру [12. С. 276]. Что же касается его синонима *jälmaуd*, то он явно тюркского происхождения и в значении мифического существа встречается в большинстве тюркских языков [15. С. 439]. Основу данного слова составляют корни *jalma/žalma* 'хватать ртом', 'жадно есть' и *ауd* 'рот' [13. С. 57].

Jen, žen, jen-pärej, jen-bäre — термин арабского происхождения. У башкир это наиболее распространенный термин для обозначения демонических образов. Чаще всего *jen/žen* употребляется в собирательном значении, поэтому ему приписывают функции *albaуty, bisura, bäre, ejä, šajtan* и т. д. *Jen* изображается в образе человека в белом одеянии, причем хорошо нам знакомого. Он может принимать вид домашних животных, и особенно часто — кошки и гадюки. По поверьям башкир, *jen/žen* вредит человеку обычно при заходе солнца.

В башкирском языке слово *jen/žen* употребляется в составе следующих выражений: *jen һууу* 'джин ударяет', *jen һуулуу*, *jen қаулуу* 'джин прикоснулся', *žendäneü* 'взбеситься', 'рассвирепеть', *jen saгуга* 'звать джина', *jen keüek ešläü* 'работать, как джин (быстро)' и т. д.

Sarpyu — это злой дух болезни. В некоторых башкирских говорах употребляются слова *jelpeü, zölpekäj*. По представлениям информаторов, *sarpyu* — нечто аморфное, обычно действующее на человека на закате солнца в виде теплого дождя или ветерка. Вариант *jelpeü* распространен в южном диалекте. В основе *jelpeü, zölpekäj*, видимо, лежит слово *jel/zel* 'ветер'; ср. древнетюркское слово *jelpik* 'дух болезни' [20. С. 255]. В башкирских говорах термины *jelpeü/sarpyu* входят в состав следующих словосочетаний: *jelpeü/sarpyu қаулуу*, *jelpeü һуулуу*. Термин *sarpyu*, как и *jelpeü, zölpekäj*, имеет, по-видимому, тюркское происхождение. Для тюркских языков характерны соответствия *j~s~z* и *l~r*. Следует также подчеркнуть, что термин *sarpyu* распространен в тех говорах, где вместо общепашкирского *j* употребляется звук *s*; ср.: *jomart~sumart, jätäs/jädäs~sätäš/šätäs, jensek~sensek*.

В отдельных башкирских говорах значение духа болезни имеют слова *pämtä, pädtä* 'нечто' и *pädtä künele tarygan* — досл. 'вселилась душа некоего духа'.

Ubyr. По представлениям башкир, *убуг* — это душа умершего *sixursy* 'колдуна', *убуг* — это 'злой дух, вампир'. Его изображают в виде огромного, как копна, летящего или неподвижного огненного существа с огромной головой и длинным хвостом.

В башкирском языке *убуг* употребляется в выражениях *töp ubугу* 'ночной упырь', *убуг һуга* 'упырь сосет', *убуг иту* 'огонь упыря', *ubугly qarsyq* 'баба-яга', переносное значение имеет в слове «обжора». В ряде

говоров синонимом *ubug* выступает слово *mäskäj*. Этот термин в различных фонетических вариантах представлен в большинстве тюркских и финно-угорских языков Урало-Поволжья, в русском и ряде западно-европейских языков [21. С. 506].

Происхождение слова «упырь» В. Даль связывает с глаголом «упираться». По-видимому, это слово является заимствованием из тюркских языков. Слова *obug/ubug*, вероятно, образованы от общетюркского ор «пожирать», «втягивать», «всасывать» [17. С. 464—465].

Šajtan, по рассказам информаторов, — это дух-искуситель. Он невидим, не разговаривает, не показывается человеку, но постоянно толкает его на темные дела. Иногда его называют *ibles*. Оба термина имеют арабское происхождение.

Интересно отметить, что отдельные башкирские родоплеменные группы связывают свое происхождение с *šajtan*. Например, род шайтан-кудей, родовое подразделение шайтанлар араһы своим женским предком считают шайтана [22. С. 79—80].

В башкирском языке термин *šajtan* отмечается в составе следующих выражений: *šajtan saquyu* «звать шайтана», *šajtan alıyru* «чтоб тебя шайтан взял», *jelkägä šajtan ultırgan* «сел на шею шайтан», *šajtan qotorta* «шайтан искушает».

К терминам второй группы относятся *šüräle*, *jarymtıq*, *ejä*.

Šüräle. По рассказам башкир, это лесной дух. Он волосат, с длинными когтями, при встрече обычно предлагает поиграть. Если человек по неопытности соглашается на это, *šüräle* его защекочет до смерти. Если же принимается игра человека, то в проигрыше остается *šüräle*.

Термин *šüräle*, *šürelle*, *šüräli* распространен у башкир, татар, чувашей, марийцев [13. С. 49]. К нему близок чувашский термин *арсури*. Возможно, в их основе лежит один и тот же корень — *šura/sura*. В чувашском языке корень *сури* в слове *арсури* переводят как «половина» (*арсури* «половинчатый») [23. С. 52]. В гайнинском говоре есть термин *jarymtıq* в том же значении. *Jarym* «половинчатый» сходен с образом циклопа, известного из мировой мифологии.

Ejä-öj ejähe «домовой», *hyu ejähe* (синоним *hyu inähe*) «водяной», *taı ejähe* «горный дух», *hazına ejähe* «дух драгоценных камней», *mal ejähe* «дух домашнего скота», *aıas ejähe* «дух дерева», *ajyu ejähe* «дух медведя», *jer ejähe* (синоним *jer anahy*) «дух земли». В башкирском языке употребляются выражения *ejä kürenä* «дух показывается», *ejälägän* «дух вселился», *ejä bar* «есть дух». Термин *ejä* имеет тюркское происхождение [17. С. 237—241].

По представлениям башкир, *ejä* — духи аморфные, невидимые, не вступают в прямой контакт с человеком, иногда подают голос, предупреждают об опасности, будят спящего. Гнев духов человек может вызвать сам, если нарушит какие-то запреты.

Из фольклорных источников известно, что *ejä* может принять облик утки, девушки или страшилища [22. С. 50—52, 57]. Весьма странный образ духов земли и воды представлен в древнем фольклоре камлания башкир:

Ер анаһы-ерән һаҡал,
Һыу анаһы-һулпән һаҡал,
Мине тотма, шуны тот,
Ай за ҡайтты,
Көн дә ҡайтты
Һин дә ҡайт [11].

Несмотря на то что образы духов земли и воды здесь женские — *jer anahy*, *hyj anahy* (от *ана* «мать»), в их характеристике присутствует

отцовский элемент. По-видимому, эти образы возникли в глубокой древности, в период перехода от культа женских предков к отцовскому началу.

В третью группу входят термины *bisura*, *pärej/bäre/bire*.

Bisura. По представлениям башкир, *bisura* — антропоморфное существо. В фольклоре *bisura* описываются как маленькие светловолосые человечки обоего пола в красных рубашках [1. С. 319]. *Bisura* общительны, им присущи человеческие эмоции — плач, смех. Они боятся выстрела, удара плети. От бисуры у женщин якобы рождаются дети, которых никто, кроме них, не видит [13. С. 22].

Основу слова *bisura* составляет корень *sura* [24]. Если термин *bisura* сопоставить с чувашским *арсүри*, где выделяются элементы *ар/ер* 'муж' и *сүри* 'ходящий', 'ходить' или же *сүри//сүрри* 'половина', то в башкирском *bisura* также можно выделить два элемента: *bi+sura*. На наш взгляд, слова *арсүри* и *бисура* отличаются друг от друга своими первыми элементами. Если *ар* 'муж', 'мужчина', то, по-видимому, *би* 'женщина' (ср. башк. *bisä* 'баба', 'женщина'). По представлениям башкир, *bisura* обычно — это дух-женщина.

Что касается второго элемента *сүра/сүри*, то, как отмечалось при анализе термина *šügäle*, его можно сопоставить с башкирскими словами *šördök* 'страшилище', *šör jebäreü*, *šörläu* 'сильно испугаться'. В этом случае второй элемент слова *bisura* переводится как что-то 'пугающее, отталкивающее'. Если учесть тюркские фонетические соответствия *j ~ s ~ š* и *g ~ z* (*δ*), то элемент *sura/šura*, возможно, является вариантом общетюркского *jüz* 'лицо', 'вид', ср. башк. *sugaј* в том же значении.

Можно допустить и другую этимологию термина *bisura*. Как известно, персидский элемент *bi-* употребляется в значении отрицания. При этом, если допустить, что первый элемент имеет значение 'не', а *sura* 'лицо', 'вид', то слово *bisura* будет означать что-то 'невиданное', 'отталкивающее'.

В башкирском языке слово *bisura* употребляется в составе выражений *bisura ejälägän* 'бисура вселился', *bisurahup quyuu* 'изгонять его бисуру', встречается в загадке:

*Ишек төбөндә бисура
билән быуып ултыра*

'У двери сидит подпоясанная бисура'.

В переносном смысле словом *bisura* называют неряшливую женщину.

Pärej/bäre/bire/mosolman bareje восходят к иранской мифологии. Это образы пери 'фея', 'добрый дух', 'милое существо', 'красавица'. Башкиры считают, что эти духи имеют человеческий облик, живут коллективно и семьями. У них есть цари, царицы, слуги и даже школы. Человек, обучающийся в такой школе, должен молчать; при нарушении обета молчания он может лишиться дара речи.

По поверьям башкир, *pärej* живут отдельно от людей, не вмешиваясь в их дела. При неожиданных встречах они предстают будто бы в традиционной башкирской одежде, на конях, со стадом скота. В фольклорных и письменных памятниках пери — родоначальники отдельных башкирских родоплеменных групп.

Термин *pärej/bäre/bire* употребляется в составе словосочетаний *bäre zaty*, *bire arahy*, *bäre hotayy* 'из рода пери', *bäre küseü* 'переселение пери', *bäre/bire osoga* 'пери уносит' и т. д.

Итак, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Терминология башкирской демонологии имеет многовековую

историю. В ней представлены названия как тюркского (jagyntyq, bisura, šüräle и т. д.), так и нетюркского происхождения (jen, aždaha, šajtan).

2. Наряду с терминами, общими для фольклора большинства народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, в башкирской демонологии отмечаются названия, встречающиеся только у башкир (sejgüð, boqaj, jagyntyq), а также названия, общие с татарскими и чувашскими, т. е. имеющие региональный характер (šüräle, bisura, ıbyğ).

3. Характерной чертой башкирского мифологического пантеона является смешение персонажей и образов, т. е. одно и то же существо в разных районах имеет свое название (ср. jagyntyq и šüräle), или, наоборот, разным по названию духам приписываются одинаковые черты (ср.: bisura и albaŋty).

4. В этнографическом плане анализ названий башкирской демонологии позволяет считать, что в них отразились все этапы развития мировоззрения народа — начиная от древних представлений и кончая исламом, и потому их изучение — это путь к исследованию древней культуры башкирского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.: Л., 1955.
- ² Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802.
- ³ Юлуев Б. Г. Аждаха — змей в рассказах башкир//Этнографическое обозрение. 1892. № 2.
- ⁴ Бессонов А. Г. Башкирские народные сказки. Уфа, 1941.
- ⁵ Филоненко В. М. Башкиры//Вестн. Оренбург. учебного округа. Уфа, 1914.
- ⁶ Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость//Оренбург. губерн. ведомости. 1862. № 6.
- ⁷ Башиев М. Деревня Зиансурина Орского уезда Оренбургской губернии//Изв. Оренбург. отд-ния Рус. геогр. о-ва. 1895. Вып. 7.
- ⁸ Никольский Д. Н. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис./Воен. мед. академия. СПб., 1899. № 68.
- ⁹ Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков//В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
- ¹⁰ Башкорт халык ижады: Әкияттар. Өфө. 1976, 1978. 1, 2, 3 китап.
- ¹¹ Полевые записи 1986 г.
- ¹² Снесарев Г. П. К истории некоторых категорий теонимов у народов Средней Азии и Казахстана//В кн.: Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980.
- ¹³ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
- ¹⁴ Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977.
- ¹⁵ Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1.
- ¹⁶ Климов Г. А., Эдельман Д. И. К этимологии albasty/almasty//Сов. тюркология 1979. № 3.
- ¹⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974.
- ¹⁸ Киргизско-русский словарь/Сост. К. К. Юдахин. М., 1965.
- ¹⁹ Не исключено, что термин қур-қур образован повторением звукоподражательного слова қур.
- ²⁰ Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ²¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М., 1882. Т. 4.
- ²² Башкорт халык ижады: Риуәйәттар, легендалар. Өфө, 1980.
- ²³ Ендеров В. А. Образ лешего арсури в чувашском фольклоре//В кн.: Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984.
- ²⁴ Термин surt фиксируется в говорах башкирского языка в значении 'добрый дух': в его основе, по-видимому, тот же корень sur/sura/šura,

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

К. М. МУСАЕВ

АЛТАЙСКАЯ ГИПОТЕЗА В СВЕТЕ КОНТАКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ С ЯЗЫКАМИ МИРА*

Будучи распространенными в середине Евразийского континента, тюркские языки контактировали в прошлом и контактируют в настоящее время со многими окружающими их языками. Их географическое положение существенно не изменилось в течение тысячелетия.

Смещение народов и их языков на нынешней территории расселения носителей тюркских языков началось в глубокой древности. По данным антропологов, европеоидные расы стали смешиваться с монголоидными еще в эпоху мезолита (6—10 тыс. лет тому назад), в результате чего на северо-западе Сибири и на крайнем востоке Европы сложилась уральская раса. Дальнейшему усилению процесса смешения народов способствовали изобретение лука и стрел первобытными охотниками и усилившаяся в связи с этим их подвижность, а также возникновение экзогамии. По свидетельствам историков, на территории нашей страны к концу неолита (III—II тысячелетия до н. э.) в результате объединения отдельных родов возникли более крупные группировки—племена [1. С. 182]. Возможно, формирование языка ряда крупных этносов, к числу которых относятся и тюркоязычные народы, произошло в эпоху энеолита и в бронзовом веке (IV—II тысячелетия до н. э.). Надо полагать, что в языковом отношении возникшие племена не всегда были однородными, так же как и образовавшиеся на этой территории позже племенные союзы и государства, поскольку «расовая смешанность является весьма характерной особенностью человечества. Метисация была в течение десятков тысячелетий одним из факторов как формирования новых типов, так и сглаживания старых, причем интенсивность метисации все возрастала по мере увеличения этнических единиц» [2. С. 505].

Последние находки и исследования археологов показывают существование в древности глубоких связей между народами, проживавшими на огромных расстояниях друг от друга, причем «контакты были постоянными; передавались не только навыки и производственные умения, но и идеи, взгляды» [3. С. 237]. Вопреки традиционным представлениям, разделяющим страны и народы на Восток и Запад, древние народы востока и запада, севера и юга Евразии имели широкие связи между собой, обменивались культурными ценностями, что видно также на примере письменностей разных народов. Чаще всего культуры Востока и Запада встречались в Средней Азии, Поволжье, на Кавказе, о чем красноречиво свидетельствуют археологические открытия. Последние находки древних тюркских памятников рунической письменности на Северном Кавказе подтверждают присутствие тюрков в этом регионе в более раннем периоде [4], нежели предполагалось ранее.

Как считают антропологи, «большинство тюркских народов СССР и сопредельных стран (Турции, Ирана, Афганистана, Китая, МНР и др.) характеризуются значительной расовой неоднородностью, так как само их формирование и дальнейшая этническая история протекали в зонах соприкосновения и смешения различных европеоидных и монголоидных рас, которые начались еще в глубокой древности, в период мезолита, а может быть, и конца позднего палеолита» [5. С. 317].

Сказанное выше свидетельствует о сложности изучения проблем исторических контактов тюркских языков с языками мира. При этом следует подчеркнуть, что в изучении процессов древних контактов лингвисты-тюркологи отстают от археологов.

Исследование контактных явлений тюркских языков с языками мира на всех уровнях имеет много выходов и приобретает важное значение для истории тюркских и контактируемых языков и их носителей, для дальнейшей разработки теории смешения, развития языков, диалектов и говоров. Контакты тюркских языков с языками мира требуют рассмотрения их во всей совокупности. Системный подход к исследованию контактов тюркских языков — рассмотрение всех исторически возможных контактов в совокупности вне зависимости от гипотез родства может открыть новое широкое поле для разработки истории как тюркских языков вообще, так и истории каждого конкретного тюркского языка в частности, а также разработки истории соседних языков, истории формирования, развития и движения контактируемых этнических групп. Контакты тюркских языков с другими языками сыграли определенную роль также в формировании диалектов и говоров тюркских и соседних с ними языков.

Накоплен большой материал о связях тюркских языков со многими языками мира, что отражается двусторонне на всех уровнях тюркских, с одной стороны, и других неродственных языков — с другой: в фонетике, грамматике, особенно в лексике — в заимствовании тюркскими языками слов из других языков и проникновении тюркизмов в другие языки.

Благодаря наблюдениям в области контактов с тюркскими языками удалось выявить исторические пути движения и процессы формирования венгерского народа [6]. Одним из важных аргументов в пользу подлинности «Слова о полку Игореве» стало установление в нем тюркизмов [7; 8 и др.].

Следует отметить, что исторические связи народов прослеживаются не только в их языке, но и в их материальной и духовной культуре. Общность материальной культуры тюркоязычных и других народов в прошлом подтверждается археологическими данными исчезнувших городов, поселений, однако археология не может установить связи кочевников, если они жили и кочевали на огромной территории и не оставили поселений, или археологи пока их не обнаружили. Связи в духовной культуре народов доходят до наших дней в виде общих элементов в языке, фольклоре, музыке, мифологии. Общность материальной и духовной культуры тюркских и других народов свидетельствует о том, что общение и связи между ними могли осуществляться и при различии их языков.

На исторические и доисторические связи носителей различных языков указывает также смешение антропологических типов. Большинство современных тюркоязычных этнических групп представляет собой европеоидный расовый тип и смешение его с монголоидным (уральская и южно-сибирская раса) и незначительная часть — монголоидный тип.

Хронологически можно выделить несколько периодов контактиро-

вания тюркских языков с другими языками: 1—древний, вплоть до проникновения к тюркам ислама (контакты древних тюркских языков и диалектов); 2 — распространения ислама и монгольских завоеваний (контакты средневековых тюркских языков и диалектов); 3 — формирования тюркоязычных наций и народностей (контакты формирующихся национальных языков); 4 — новейший — XIX—XX вв. (контакты национальных тюркских языков)—тюркско-русские контакты в дореволюционной России и Советском Союзе, тюркско-китайские контакты в Китае, турецко-индоевропейские контакты в Малой Азии и на Балканах и т. д. Установление хронологических пластов тюркизмов в окружающих языках мира и иноязычных элементов в тюркских языках может способствовать установлению исторических этапов взаимодействия контактируемых языков. Тюркские языки разных периодов имеют свои особенности контактирования с другими языками мира.

Характер контактов тюркских языков с нетюркскими позволяет дать их ареальную классификацию. Условно выделяются следующие регионы: 1—алтайско-сибирский, где тюркские языки в разные эпохи контактировали с монгольскими, тунгусскими, маньчжурскими, палеоазиатскими, енисейскими, китайским, тибетским; в далеком прошлом в этом же регионе, возможно, древние тюркские языки находились в контакте с корейским и японским или непосредственно или через другие языки (монгольские, монгольско-тунгусо-маньчжурские); 2—среднеазиатский регион, где тюркские языки вступали во взаимосвязь с древними индоевропейскими, иранскими, индоарийскими и арабскими. Здесь же, по-видимому, до прихода индоевропейцев осуществлялись древнейшие тюркско-дравидийские контакты; 3—кавказский (Северный Кавказ и Закавказье) и крымский, где тюркские языки контактировали с иберийско-кавказскими, армянским, иранскими, славянскими и другими индоевропейскими языками; 4—поволжско-камско-уральский—контакты с финно-угорскими языками, позже—с русским; 5—Малая Азия и Балканы, Восточная Европа, где тюркские языки вступали в контакт с греческим, арабским, иранскими, славянскими и другими индоевропейскими языками и с венгерским; 6—центральный, где в прошлом тюркские языки находились в контакте в основном с родственными тюркскими языками, а позднее—с русским; 7—островные, где в последние века тюркские языки контактировали с индоевропейскими. Из всех перечисленных ареалов наибольший интерес у исследователей вызывают первые четыре. В этих регионах тюркские языки оказывали наибольшее влияние на соседние языки. Наиболее древние, более продолжительные и интенсивные контакты тюркских языков с другими языками мира в этих зонах порождают самые различные гипотезы. Однако связи эти изучены неравномерно, а древние контакты в других регионах — даже слабо.

Сейчас, когда опубликовано много общих и конкретных исследований по тюркским языкам, у специалистов по индоевропейским, кавказским, китайскому, финно-угорскому, дравидийским и другим языкам, с которыми контактировали тюркские языки, появилась хорошая возможность заняться активным изучением этих контактов.

Выделить определенные типы групп языков, с которыми контактировали тюркские языки, можно, руководствуясь следующими критериями общности или сходства: а) общих лексем, б) общих морфем (преимущественно словообразовательных, реже — словоизменительных), в) общих специфических фонетических явлений (закон гармонии гласных, невозможность стечения гласных и согласных и др.), г) общего типа грамматического строя (как правило, агглютинативный). Суммирование

подобных общих признаков приводит к выводу о том, что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки характеризуются общностью большинства перечисленных явлений и образуют первую группу, отражающую наибольшую степень контактов. Общность тюркских и финно-угорских языков выражена значительно слабее, чем в первом типе, и носит большей частью локальный характер. Третий тип составляют контакты тюркских языков с языками, у которых общая с ними лексика проявляется несколько слабее, чем в двух предыдущих типах, хотя в некоторых случаях количественно и превосходит их (например, тюркско-иранские); наличие общих морфем не выходит за пределы отдельных языков, диалектов и говоров. Возможно широкое варьирование общностей; так, тюркские и дравидийские языки имеют общий грамматический строй — агглютинацию, однако в них мало общих морфем и лексем.

В предыдущие два с половиной века все соседние с тюркскими языки включались в число их генетических родственников. В новейшее время родственными с ними считаются большинство соседних языковых групп, а ближайшими по степени генетического родства — монгольские и тунгусо-маньчжурские, образующие так называемую алтайскую семью, иногда с привлечением корейского и японского; на втором этапе к ним прибавляются финно-угорские и самодийские — образуется так называемая урало-алтайская семья; на третьем этапе к названным группам языков присоединяются индоевропейские, семито-хамитские, иберийско-кавказские (картвельские) и дравидийские языки, вместе с которыми тюркские языки образуют так называемую ностратическую семью языков; промежуточным звеном между последними двумя семьями называется бореальная семья, куда включаются раннеиндоевропейский, раннеуральский и раннеалтайский [9. С. 4]. Таким образом, в настоящее время из соседних языков в круг генетических родственников тюркских языков не включаются лишь китайско-тибетские и палеоазиатские языки. В ряде работ изучаются возможные контакты тюркских языков или их родство с языками индейцев Америки до переселения последних из Азии 10—40 тыс. лет тому назад [10. С. 129—134; 11. С. 135—143].

При всех комбинациях родственных языковых групп тюркские языки оказываются вовлеченными в «семьи» как языки довольно крупных этнических групп (сейчас — свыше 100 млн.), проживающих в окружении других народов. Это необходимо учитывать как один из важных факторов при изучении языковых контактов.

До сих пор слабо изученными регионами контактирования тюркских языков с другими неродственными языками являются центрально-азиатский, волго-камский и кавказский. Отсутствие специальной гипотезы о генетическом родстве тюркских и иберийско-кавказских языков (помимо ностратической) объясняется прежде всего слабой изученностью контактов этих двух языковых групп.

Самой проницаемой сферой языка признана лексика. Все слова, отражающие контакты тюркских языков, составляют три основные группы: 1) тюркизмы в других языках мира, 2) иноязычные заимствования в тюркских языках, 3) тюркско-иноязычные параллели — либо проникшие из третьих языков, либо с неизвестным происхождением.

Наиболее древние контакты тюркских языков с другими языками отражены в большинстве современных языков тюрков, относительно поздние, носившие более или менее выраженный локальный характер, — в определенных ареалах или в отдельных тюркских языках в виде дву-

сторонних или односторонних языковых заимствований. Общие элементы новейшего времени в современных тюркских языках, будучи результатом интернационализации определенных сфер жизни, представляют собой заимствования из общего источника или через третий язык. Итак, сказанное выдвигает перед нами необходимость и правомерность сопоставительного изучения различных уровней соседних контактирующих языков с целью установления специфики контактирования тюркских языков и особенностей исторического их развития.

Наибольшее распространение получила гипотеза о генетическом родстве алтайских [12] языков [13], рассматривающая тюркские языки как равноправный член этой семьи, хотя они и являются доминирующими среди первых трех групп: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. Относительно менее распространена урало-алтайская гипотеза, меньше всего — ностратическая и бореальная. Следует отметить, что степень распространения гипотезы родства тюркских языков прямо пропорциональна длительности и интенсивности контактов с окружающими их семьями языков. Алтайская гипотеза была выдвинута в те далекие времена, когда языки, относимые к этой семье, были изучены очень слабо, их научное исследование находилось на начальном этапе своего пути. Впоследствии сказалась сила традиции, и высказывания предшественников принимались уже без критического анализа. Кстати, в те времена индоевропейцами выдвигались гипотезы о родстве индоевропейских языков, в частности греческого и латинского, с китайским, от которых в дальнейшем пришлось отказаться.

В настоящее время, несмотря на имеющиеся многочисленные труды, посвященные алтайской общности языков, генетическое родство этих языков по-прежнему остается проблематичным. Поэтому трудно поверить тюркологу в гипотезу ностратического родства языков, исходящую из априорности генетического родства алтайских языков. Ностратическая гипотеза в той ее части, которая касается тюркских языков, неприемлема по той причине, что, во-первых, еще не доказано генетическое родство тюркских языков с другими алтайскими языками; во-вторых, невозможно реконструировать языковое состояние 7—10-тысячелетней давности из-за отсутствия письменных памятников и смешения народов и их языков; в-третьих, постоянные контакты соседних языков в течение этих тысячелетий вызвали существенные изменения в языке тех народов, которые составляли меньшинство. Поэтому, пожалуй, правы А. М. Щербак [14] и Б. А. Серебренников [15] в своем скептицизме. Проблематичным остается и генетическое родство алтайских языков с японским, несмотря на то что оно было «доказано» еще в XIX в. Как сторонники, так и противники генетического родства алтайских языков способствовали широкому сопоставительному и сравнительно-историческому изучению языков, включаемых в эту группу. Накопленный материал отражает тесные связи в прошлом между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Таким образом, наиболее изученная зона контактов — сибирско-алтайская, хотя для доказательства генетического родства названных языков аргументов потребуются немало. Сравнительно-исторический метод, не являясь всесильным на современном уровне развития науки, вряд ли способен доказать или опровергнуть гипотезу родства алтайских языков. Как справедливо заметил Ю. Немец, «причина, по которой не удастся обнаружить исконные лексические соответствия, заключается, видимо, в том, что вследствие доисторических процессов, до сих пор остающихся совершенно неизвестными, монгольские, в особенности маньчжурские, языки хронологически

и географически обособлены от других языков» [6. С. 127]. Примерно такая же картина наблюдается при доказательстве урало-алтайской гипотезы. Как показал П. Хайду, «эти теории недоказуемы, поскольку соотнесения между уральскими языками и языками других семей нельзя систематизировать таким образом, чтобы на их основании можно было бы сравнительным методом реконструировать гипотетический индоуральский (урало-алтайский, урало-юкагирский и т. п.) праязык... Реконструкция языковых явлений более чем восьми—десяти тысячелетней давности методом современной компаративистики заведомо безнадежна и заранее обречена на неудачу» [16. С. 168—169]. Сопоставительное изучение синхронных письменных памятников тюркских и японского языков VIII—X вв. н. э. (до усиления арабского, иранского и китайского влияния на эти языки), по существу, не сдвинуло с места гипотезу о родстве тюркских (шире—алтайских) языков с японским [17].

На контактный характер возникновения тюркских и монгольских лексических совпадений, на преобладание тюркских заимствований в монгольских языках указывает А. М. Щербак [18]. Некоторые из приводимых им материалов заслуживают дальнейшего углубленного изучения. Вполне допустимо, что в районе Алтае-Саянского нагорья и в Восточном Туркестане в какой-то период довольно длительное время существовал языковой союз с доминирующей ролью тюркских языков как языков численно преобладающего населения по сравнению с монголоязычными и тунгусо-маньчжуроязычными. Задача специалистов — установить хронологические и территориальные границы этого союза. В том же Восточном Туркестане, в отдельных его регионах, возможно, имелись языковые союзы с преобладанием китайского, тибетского и тохарского языков, в которых принимали участие тюркские и монгольские языки как компоненты носителей языков меньшинства в определенный период, что отражается на ряде языков тюркской и монгольской семей. Сказанное свидетельствует о сложном характере языковых контактов в восточном ареале тюркских языков в древний период. Существование подобных сложных языковых общностей (союзов) в древний период допустимо и в других регионах распространения тюркских языков—поволжском, среднеазиатском и др.

Контакты между алтайскими языками неравномерны как по интенсивности, так и по продолжительности. Ареалом непрерывных и наиболее интенсивных контактов является тюркско-монгольский. Среди общих тюркских и монгольских слов немало таких, которые неоднократно переходили из одной группы языков в другую. Поэтому больше всего общих языковых элементов в лексике и морфологии именно этих групп языков. Несколько меньше их в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Еще меньше сходжений между тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Значительное количество общих элементов между отдельными представителями тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, например якутско-эвенкийских, не может служить достоверным материалом, подтверждающим древние связи или родство последних, поскольку достаточно очевидно их позднее происхождение. Все сказанное свидетельствует о степени интенсивности и длительности контактов между тремя названными группами языков, среди которых монгольские чаще всего выполняли роль посредников.

Заслуживает внимания специальное исследование тюркско-монгольских контактов по определенным периодам (древнетюркскому, среднетюркскому, новотюркскому) и в строго ограниченных регионах, а не вне времени и пространства, что широко распространено в настоящее

время. Например, наличие монгольских элементов в средневековых тюркских языках и памятниках, в языке фольклора ряда народов объяснимо влиянием языка монгольской верхушки, впоследствии ассимилировавшейся тюрками. В те далекие времена грамотность была доступна главным образом элите, которая состояла в основном из монгольской аристократии; певцы, импровизаторы, распространявшие среди тюркских народов устное народное творчество, в большинстве были грамотными и также способствовали внедрению монголизмов.

Прародиной алтайских народов гипотетически принято считать территорию современных Алтая и Монголии, откуда они в течение длительного времени перемещались почти по всем направлениям: на северо-восток, восток, юг, запад, север, на Чукотку и через нее в Северную Америку, а также в Корею, Японию, Китай, Иран, Индию, в Среднюю и Малую Азию, на Урал, Поволжье, Кавказ, Якутию и т. д. В литературе, когда говорится о передвижении народов, будь то древнейшие алтайские племена, индоарийцы, гунны, монголы или другие, обычно имеется в виду движение единого монолитного народа (исходя из современных представлений), тогда как племена и народы, переселявшиеся на большие расстояния в предыдущие 6—10 тысячелетий, не всегда были едиными в этническом отношении. Следовательно, народы и языки постоянно смешивались, особенно при массовых передвижениях по территориям, заселенным тюркоязычными народами. Последние, будучи в основном кочевыми скотоводами, в поисках лучших угодий для скота в течение многих столетий передвигались на огромные расстояния в Евразии, например, казахские скотоводы вплоть до 20-х годов XX в. за сезон перемещались на тысячи километров.

Изучение контактов тюркских языков с другими алтайскими языками базируется в основном на лексике. Доказать или опровергнуть алтайскую гипотезу, как и любую другую гипотезу о генетическом родстве языков, на уровне лексики довольно трудно, однако лексические общности, несомненно, свидетельствуют о взаимосвязях, о степени контактов языков—чем больше лексических сходжений, тем интенсивнее были в прошлом контакты между ними. Общие алтайские слова по различным лексико-семантическим группам не всегда безупречны с точки зрения их фонетических соответствий, семантики, истории и этимологии. Например, обнаруженные алтаистами 15 общих названий старших родственников в большинстве своем—лепетного происхождения и могут иметь параллели в неродственных языках; в числе общеалтайских основ—наименований домашних животных—перечисляются названия ряда животных, которые вошли в тунгусо-маньчжурские языки из тюркских и монгольских [19. С. 124], и др. Общеалтайская лексика не распространяется на многие важные с точки зрения хозяйственной общности тематические группы. Незначительное количество общих слов в скотоводческой лексике тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков отражает разные ступени развития лексики этих языков и указывает на то, что их носители начали заниматься скотоводством в хронологически отдаленные друг от друга периоды. Очень мало общеалтайских слов и среди считающихся весьма устойчивыми наименований частей тела [20]. Как справедливо заметил Л. Г. Герценберг, «камнем преткновения для алтаистов является так называемая устойчивая лексика, которая якобы должна непременно давать соответствия, но на самом деле показывает различие объединяемых языковых семей» [21. С. 38]. При тщательном исследовании определенных лексических групп так называемые общие элементы в большинстве случаев оказываются более поздними заимство-

ваниями или узколокальными. Так, «тюркские элементы в тунгусо-маньчжурских названиях животных представлены преимущественно якутскими словами; это, как правило, более поздние заимствования» [22. С. 249]. Является заимствованием и некоторая общность между группами алтайских языков в названиях деревьев и их частей [23]. Общие слова и корни, присущие алтайским языкам и рассыпанные по различным лексико-семантическим группам, ждут своей систематизации.

Не приходится доказывать необходимость дальнейшего более глубокого изучения вопросов взаимного влияния языков, относимых к алтайской семье, на различных уровнях, с выделением общих элементов, свойственных определенной группе конкретных языков (а не вообще тюркских, монгольских и т. д.), а также установления источника этих элементов вне зависимости от теории генетического родства, доказательство которого не должно стать самоцелью. По-видимому, при реконструкции уровней праязыка в рамках алтайских языков или прародителя какой-либо группы языков следует учитывать их контакты, поскольку первобытные люди, контактировавшие на уровне родов и племен, не были рафинированными этническими группами.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ См.: История СССР: В 12 т. М., 1966. Т. 1, сер. 1.
- ² Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1978.
- ³ Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М., 1972.
- ⁴ Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- ⁵ Чебоксаров Н. Н. Значение данных антропологии для разработки проблем происхождения этнической истории тюркских народов//В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.
- ⁶ Немец Ю. Ф. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии//Вопр. языкознания. 1963. № 6.
- ⁷ Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве»//Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1902. Т. 7, кн. 2; 1905. Т. 10, кн. 2.
- ⁸ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
- ⁹ Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.
- ¹⁰ Арибжанов А. Некоторые лексические параллели в языках древнего майя и тюркских языках//Вопросы тюркского языкознания. Казань, 1976.
- ¹¹ Каримуллин А. Г. О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими//Там же.
- ¹² В данной статье термин «алтайские языки» употребляется как общее название языков определенного региона: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских.
- ¹³ Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
- ¹⁴ Щербак А. М. О ностратических исследованиях с позиций тюрколога//Вопр. языкознания. 1984. № 6.
- ¹⁵ Серебренников Б. А. Почему трудно верить сторонникам ностратической гипотезы?//Вопр. языкознания. 1986, № 3.
- ¹⁶ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
- ¹⁷ См.: Азербайев Э. Г. Вопросы японско-тюркских языковых связей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- ¹⁸ Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые связи//Вопр. языкознания. 1986. № 4.
- ¹⁹ Об этом см.: Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
- ²⁰ См.: Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема//Вопр. языкознания. 1981. № 4.
- ²¹ Герценберг Л. Г. Алтаистика с точки зрения индоевропеиста//Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- ²² Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурских наименованиях животных//Там же.
- ²³ MUSAEV K. M. On some plant names in the altaic languages//In: Researches in altaic languages. Budapest, 1973.

О Н О М А С Т И К А

Ш. ЖАПАРОВ

КИРГИЗСКИЕ ЭТНОАНТРОПОНИМЫ *КЫРГЫЗ*, *КАЗАК*, *НОГОЙ*, *ӨЗБЕК* И *АРАП*

В системе киргизской антропонимии особое место занимают личные имена, связанные с племенами, народностями, народами и нациями, которые имели или имеют определенное отношение к истории Киргизии. К таковым можно отнести антропонимы типа *Арап*, *Дунган*, *Казак*, *Калмак*, *Карачай*, *Кыргыз*, *Кытайбек*, *Ногойбай*, *Монгол*, *Орусбек*, *Өзбек*, *Тажик*, *Татар*, *Туркмен*, *Чечен* и т. д.

В данной статье рассматриваются некоторые этнографические и лингвистические аспекты личных имен *Кыргыз* (Кыргызай, Кыргызалы, Кыргызбай, Кыргызтай), *Казак* (Казакбай, Байказак, Эшказак), *Ногой* (Ногойбай, Ногоялы, Ногойбек, Накай, Накайбек), *Өзбек* (Өзбөк, Өзүбек, Өзүбөк), *Арап* (Арапбай, Арапат, Арапаткан), по которым нами собран значительный полевой материал и которые, как нам кажется, лучше других помогут осветить мотивационную сторону образования киргизской этноантропонимии.

Этноантропоним *Кыргыз*. Этимологии, содержанию и вариантам данного этнонима посвящены работы А. Н. Кононова [1. С. 16—20], Н. А. Баскакова [2. С. 92—93], С. М. Абрамзона [3. С. 10—70], К. И. Петрова [4. С. 81—91], О. Караева [5. С. 121—138], С. Е. Яхонтова [6. С. 110—120], Ю. А. Зуева [7. С. 74—86], А. Абдыкалыкова [8. С. 123—127] и др. Мы же рассмотрим его антропонимический аспект.

Этноантропоним *Кыргыз* (с вариантами) встречается как в именнике самих киргизов, так и в системе личных имен узбеков, казахов [9], таджиков, уйгуров, дунган, азербайджанцев, русских и других народов, которые в силу географического соседства и других обстоятельств имели и имеют тесные контакты с киргизским народом. Имя *Кыргыз* дети других народов получают, как правило, по месту рождения, т. е. в том случае, когда они родились в населенном пункте, где преобладает киргизское население. Возьмем, к примеру, имена Кыргызбая Мамырова, Кыргызалы Арзыкулова, Кыргызбая Шерматова и Кыргызбека Алиева (таблица). Первый из них родился в киргизском селе Кёк-Таш, хотя родители его — таджики и до рождения сына жили в Денау (Ляйлякский р-н Ошской области Киргизской ССР), заселенном в основном таджиками. Родители Кыргызалы Арзыкулова — узбеки, но имя свое он получил в память о месте рождения и в знак дружбы с киргизским народом. Тесное общение с киргизами, проживающими в с. Бука, явилось поводом к появлению антропонима Кыргызбай и в семье казахов Шерматовых.

Имя Кыргыз, встречающееся у представителей других национальностей

Национальность		Имя и фамилия	Место рождения	Год рождения
Отец	Мать			
Русский	Русская	Кыргызбай Шайылдаев*	с. Буденный Кировского р-на (Кирг ССР)	1908
Уйгур	Киргизка	Кыргызбай Салыхунов	с. Жалпак-Таш Узгенского р-на Ошской обл. (КиргССР)	1922
Казак	Казашка	Кыргызбай Шерматов	с. Бука Букинского р-на Ташкентской обл. (УзбССР)	1922
Узбек	Киргизка	Кыргызбай Мамаев	с. им. XXII партсъезда Ленинского р-на Ошской обл. (КиргССР)	1943
Дунганин	Дунганка	Кыргызбек Ягуза	с. Александровка Московского р-на (КиргССР)	1946
Азербайджанец	Азербайджанка	Кыргызбек Алиев	с. Октябрьское Чуйского р-на (КиргССР)	1947
Дунганин	Киргизка	Кыргызбай Сарджыев**	г. Пржевальск	1949
Узбек	Узбечка	Кыргызалы Арзыкулов	с. Арсланбап Ленинского р-на Ошской обл. (Кирг.ССР)	1950
Таджик	Таджичка	Кыргызбай Мамыров***	с. Кёк-Таш Ляйлякского р-на Ошской обл. (КиргССР)	1952

* Этот мальчик был усыновлен киргизом. В книге киргизского писателя Ж. Медетова «Сый» говорится о том, что друг киргиза Кулубая — русский Иван-Чон Сакал дал своему сыну имя Кыргызбай.

** Дунганское имя Кыргызбай [Киргизбай] упоминается в работе А. М. Решетова и А. Н. Седловской [11, С. 164].

*** Наличие в таджикском языке антропонима Кыргызбай подтверждается также рядом других авторов [12, С. 6].

Имя Кыргыз получают также дети от смешанных браков, где матерями являются киргизки; например, так были названы Кыргызбай Мамаев, Кыргызбай Салыхунов и Кыргызбай Сарджыев (таблица).

Дунганин Кыргызбек Ягузы был наречен своим именем в честь киргизов, в семье которых он воспитывался (больного младенца, по дунганскому обычаю, отдали на воспитание друзьям-киргизам, чтобы он вырос здоровым). Так же можно объяснить и выбор дунганями имени Хаса(р) (так они называют киргизов): мальчик-киргиз, выросший в семье дунган, став взрослым, женился на дунганке. Когда у него родился сын, то ему дали имя Хаса(р) — Кыргыз (Мабо, 1953 — с. Александровка Московского р-на Киргизской ССР) — в память об отце.

Весьма интересным является следующий случай наречения братьев Эгизбаевых этноантропонимами Кыргызбай и Казакбай из с. Кош-Арык Ленинпольского р-на Киргизской ССР. По словам информантов, свои имена братья получили в честь тех, кто их воспитал: старший Казакбай воспитывался у бабушки-казашки Джумагюл, а младший Кыргызбай — у матери-киргизки. Тем же обстоятельством мотивировано появление имен у братьев Бектеновых — Кыргызбая (старший — 1963) и Казакбая (младший — 1965) из с. Кюрюлдёк Панфиловского р-на.

По своим антропонимическим мотивам близки к именам Эгизбаевых и Бектеновых имена братьев Алыкуловых — Орусбая (старший — 1920 — от слова «русский») и Кыргызбая (младший — 1931) и Сартовых — Ногоя (1922) и Казакбая (1956) из с. Тегирменти Кеминского р-на Кыргызской ССР.

Как отмечает Б. М. Юнусалиев, киргизы начиная с XVI в. соседствовали, с одной стороны, с родственными в языковом отношении казахами, узбеками, уйгурами, а с другой — с таджиками. Тесные культурно-экономические и политические взаимосвязи с теми и другими, естественно, привели к появлению общих закономерностей в лексике этих языков [13. С. 29], в том числе и в антропонимах. Отсюда можно заключить, что этноантропоним *Кыргыз* в языках перечисленных народов стал встречаться не ранее XVI в.

В «Джахан-наме» Мухаммада ибн Наджиба Бекрана, написанном в первой половине XIII в., встречается имя Хирхиз [Хаджиб Хирхиз (Хырхыз)] [14. С. 61—62, 261], в агиографическом сочинении «Зийа ал-Кулуб», относящемся к XVI в. [14. С. 178], — Лулум Киргиз [14. С. 180—181] и Серйук [Серйук Киргиз (Кыргыз)] [14. С. 182—183]. В перечисленных источниках слово *Кыргыз* выступает в роли своеобразного антропонима, указывающего на этническую принадлежность носителя либо же являющегося компонентом прозвища. То же самое наблюдается и в работе ал-Идриси «Нузхат ал-муштак Фи-хтирак ал-афак» [15. С. 32, 28, 83, 97]. Приведенные данные в сочетании с другими, касающимися истории формирования киргизского народа [16. Т. 1. С. 229—235; 3. С. 69—70; 17. Т. 3. С. 561] и становления общенародного киргизского языка, позволяют предположить, что этноантропоним *Кыргыз* в системе личных имен киргизов появился в конце XII в.

Этноантропоним *Казак*, (*Казакбай*, *Байказак*, *Эшказак*) [18] зафиксирован в следующих случаях:

1. Когда киргизских детей, рожденных как в Кыргызской, так и в Казахской ССР, нарекают этими именами в честь братского народа-соседа, например: Казак Абдыкулов (16. III 1956 — с. Акыр-Тюбе Меркенского р-на Жамбулской области — Казахская ССР), Казакбай Асанов (1947 — с. им. XXII партсъезда Ленинского р-на Ошской области — Кыргызская ССР), Казакбай Чопоев (май 1918 — с. Торт-Кул Кочкорского р-на Нарынской области — Кыргызская ССР), Казакбай Курманов (1. V 1956 — с. Чиенсай Курдайского р-на Жамбулской области — Казахская ССР);

2. Когда мать мальчика казашка, а отец — киргиз, например: Казак Тойчинов (1943 — г. Фрунзе), Казакбай Маматов (1934 — с. Куршаб Узгенского р-на Ошской области — Кыргызская ССР).

Этноантропонимы *Казак*, *Казакбай*, *Байказак*, *Эшказак* встречаются во всех районах Киргизии, но чаще — в северных, на границе с Казахстаном.

Этноантропоним *Ногой*. Наш полевой материал показывает, что именем Ногой (Ногойбай, Ногойбек, Ногойалы, а также Накай, Накайбек) нарекают чаще всего: 1) в семьях, где часто умирают дети, в надежде на то, что новорожденный вырастет здоровым; 2) в честь соседа или *киндик эне* (женщины, обрезавшей новорожденному пуповину).

Рассмотрим эти мотивы на конкретных примерах. 1. В кишлаке Кара-Буура у Осмона (отца) и Бурмы (матери) часто умирали дети. В 1907 г. у них родился сын. Родители в честь новорожденного устроили той («пир»), на который пригласили и соседа-татарина по

имени Искендер, предоставив ему право дать мальчику имя. Сосед назвал младенца Ногоем. 2. В том же кишлаке в 1900 г. у Ысмана и Ырысбубу родился 14-й ребенок. Все рождавшиеся до него дети умирали, и потому родители, следуя народному обычаю, в течение месяца никому новорожденного не показывали. Вскоре в кишлак приехал татарин, которому ребенка «продали». Через 40 дней родители, имевшие право «выкупить» своего ребенка, оповестили всех о том, что они купили сына у приезжего татарина, и поэтому младенец был наречен Ногоем. 3. Мальчику Токматову Ногойбау (1943 — с. Тоо-Дыйкан Узгенского р-на) дали имя в честь киндик эне. 4. Төрөбаева Ногоя (1922—с. Тегирменти Кеминского р-на) назвали именем друга отца — ногойца, работающего кузнецом.

Как видно, в первых двух случаях имя Ногой дано мальчикам, у родителей которых прежде умирали дети. По-видимому, здесь доминируют, во-первых, следы тотемического представления, во-вторых, «желание обмануть злых духов, враждебных данной семье, роду и племени. Ведь назвать ребенка по имени другого народа—это значит объявить его совершенно чужим, принадлежащим иному племени» [12. С. 6].

Из исторической фонетики тюркских языков известно, что в начале исконно тюркских слов звук [н] не встречался. Он появился в некоторых тюркских языках, в том числе и в киргизском, в лексике, заимствованной из иранских, арабских и отчасти монгольских языков, примерно после XV в. Исходя из этого, можно сказать, что этноантропоним *Ногой* в своей звуковой и в какой-то степени лексико-семантической основе заимствован из монгольских языков и восходит к монгольскому *нохой* 'собака'. Переход [х] в [г] в данном слове объясняется фонетическими особенностями киргизского языка: озвончением глухого согласного в интервокальной позиции, отсутствием [х] и заменой его близким звуком. По поводу наречения детей этим именем Ю. Зуев пишет: «Зооморфные имена или этнонимы необязательно и не всегда связаны с тотемизмом, они могут появиться и по традиции и по мотивам иного порядка. Но их древнейший пласт коренится в тотемизме и тотемическом субстрате, который, несомненно, играл решающую роль в древнем этникообразовании» [7. С. 75—76]. Эту мысль дополняет следующее высказывание А. Гафурова: «Несмотря на то что собака, например, чуть ли не у всех народов считается нечистым животным, словом „собака“ охотно называли детей. Люди с именами Калаб („собака“) и Кулайб („собачонка“) встречались среди доисламских арабов довольно часто. А именем Итбай (*ит* 'собака', *бай* — титул) киргизы нарекали детей еще в нашем столетии» [12. С. 9].

Следует также отметить, что в киргизской антропонимии встречается личное имя Накай (Накайбек), происхождение которого, безусловно, связано с именем Ногой и апеллятивом „нохой“ в монгольских языках [7. С. 86]. Переход [х] в [к] объясняется отсутствием первого в киргизском языке в эпоху средневековья и заменой его более близким ему звуком [к].

Антропонимы *Ногой* и *Накай*, являющиеся синонимами имен Итибай, Итикул и других, присутствуют в основном в северном и юго-восточном (среднем) диалектах киргизского языка.

Этноантропоним *Ногой* как мужское имя употребляется в тех языках, с носителями которых ногойцы (татары) имели территориальные, культурные и экономические контакты, например: в кумыкском *Нугай* [20. С. 125], в карачаево-балкарском *Ногай* [21. С. 144], в чечено-ингушском *Ногой* [22. С. 202]. И в монгольских языках встречаются антропонимы, близкие по значению к данному киргизскому имени:

в бурятском — *Нохай* [23. С. 84], в калмыцком — *Ноха* [24. С. 130]. Это дает основание полагать, что имена этимологически однотипны с киргизским этноантропонимом *Ногой*, *Накай*.

Что касается антропонима *Ногой*, которым был назван дед Манаса в одноименном киргизском эпосе, то, как считает А. Н. Бернштам, он связан с этнонимом, который, возможно, имеется в этническом составе народов Алтая [25. С. 177—178]. Б. М. Юнусалиев же [26. С. 566] допускает, что происхождение этого имени связано не с этнонимом, а с антропонимом, т. е. оно было личным именем человека уже в то время, когда закладывалась основа «Манаса». Наш полевой антропонимический материал полностью подтверждает мнение Б. М. Юнусалиева и с незначительным отклонением — А. Н. Бернштама.

Итак, первое — древнее значение лексического источника имени в киргизском языке — это антропоним *Ногой*, связанный с мотивом собаки; связь его с этнонимом — более поздняя. Новый пласт (наслоение) образован на базе первого. Следует добавить, что во всех случаях этноантропонимы встречаются только в именах мальчиков.

Этноантропоним *Өзбек* (варианты *Өзбөк*, *Өзүбек*, *Өзүбөк*) встречается по всей территории республики, однако чаще на юге, где население имеет более близкие контакты с узбекским народом. Эти антропонимы в киргизском языке являются отражением дружбы киргизов с узбеками. Так, *Өзбек Нуржанов* (1911), проживающий в с. Куршаб Узгенского р-на Ошской области (Киргизская ССР), был наречен своим именем родителями-киргизами в честь друга отца, приехавшего погостить из Узбекистана. Другой пример: некто Абдысанов (родом из г. Рыбачьего Иссык-Кульской области Киргизской ССР) приехал по направлению на работу в город Ош (Киргизской ССР). Ошские друзья-узбеки дали его сыну (1950) имя *Өзбек* с тем, чтобы родители мальчика (если они уедут из Оша в свой родной город) не забывали их.

Антропоним *Өзбек* связан с этнографическими обычаями киргизского народа. Так, все новорожденные в семье Ысмайыла (из с. Озгөрүш Ат-Башинского р-на Нарынской области Киргизской ССР) умирали. Чтобы ожидаемый ребенок выжил, его должны были «продать» специально приглашенному по этому случаю старику-узбеку. После рождения сына родители, совершив соответствующий обряд, дали ему имя *Өзбек* в честь «покупателя-продавца» (Ысмайылов, 25. VI 1957 — с. Озгөрүш Ат-Башинского р-на). Аналогичным образом получил свое имя *Өзбек Шатманов* (1882 — с. Буденный Кировского р-на Киргизской ССР). Следовательно, это имя как бы синонимично антропонимам *Сатыбалды* ('выкупил'), *Сурабалды* ('попросил').

Очередной сын одного из жителей с. Эркин-Сай (Калининский р-н Киргизской ССР) получил имя *Өзбек* (Өмүрбеков, 12.VI 1942) как пожелание того, чтобы он *өзү* (сам) был *бек* (крепким): «Пусть он сам будет крепким, пусть не умирает» (родители, чьи дети постоянно умирали, были убеждены, что они уже не в силах сохранить жизнь очередного новорожденного). Здесь мотив имени *Өзбек* идентичен мотиву антропонимов *Болотбек*, *Таштемир* (пожелание ребенку выносливости, железного здоровья).

Имя *Өзбек* встречается в таких литературных источниках, как «Китаб ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асри [14. С. 69], написанном в XIII в., «Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкубири» Мухаммада ан-Писави [14. С. 85], относящемся к тому же веку, «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Иезди [14. С. 134], составленном в XV в. Факты позволяют предположить, что возникновение и распространение лич-

ного имени Ёзбек среди киргизов приходится примерно на первую половину XIII в.

Этноантропоним *Арап*. Как показывают наши исследования, появление имен Арап, Арапбай, Арапат, Арапаткан связано: 1) с арабской (мусульманской) верой и 2) с этноантропонимом *арап*. 1. Свое имя Арап Анарбаев (1. I 1942 — с. Гайрат-Абад Курган-Тюбинского р-на Андижанской области Узбекской ССР) получил в честь того, что родился в день *арапа*, в канун поста орозо. 2. Мать Арапбая Алисултанова (1917 — с. Куршаб Узгенского р-на Ошской области Киргизской ССР) вскоре после смерти мужа (отца Арапбая) переехала к своим родственникам, родила там ребенка. Отец младенца — Алисултан — был родом арап (араб). И вдова, надеясь, что сын, став взрослым, найдет родственников своего отца, свой род, назвала его Арапбаем. Подобные имена встречаются в основном в южных диалектах киргизского языка и в общем-то не очень распространены.

В состав русских имен также входит один из видов данного антропонима — фамилия Арапов. В этимологическом плане эта фамилия связывается с этнонимом *арап*, *араб* и, возможно, подтверждает существование торговли «славян с булгарами и непосредственно с носителями этого этнонима — арабами» [2. С. 164].

Итак, в заключение мы можем сказать следующее: 1) этноантропонимы довольно сложны и весьма интересны по всем своим параметрам: по образованию, истории, мотиву, ареалу и др.; 2) они тесно связаны с жизнью и языком не только того народа, которому принадлежит носитель имени, но и соседних территорий; 3) этноантропонимы — один из наиболее древних пластов в системе антропонимии как в киргизском, так и в других языках; 4) в настоящее время это действующая и продуктивная модель образования личных имен в киргизском языке.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Кононов А. Н. Еще раз об этнониме «кыргыз» // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970.

² Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз» // Сов. этнография. 1964. № 2.

³ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 404 с.

⁴ Петров К. И. К этимологии термина «кыргыз»: Цветовая древнетюркская топонимика Южной Сибири // Сов. этнография. 1964. № 2.

⁵ Караев О. Еще раз о терминах «кыргыз» и «хакас» // Кыргыз терминологический маселелери. Фрунзе, 1972.

⁶ Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «кыргыз» // Сов. этнография. 1970. № 2.

⁷ Зуев Ю. А. Киргизы-буруты: К вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования // Сов. этнография. 1970. № 4.

⁸ Абдыкалыков А. О термине «буруты» // Сов. этнография. 1963. № 1. С. 123—127.

⁹ Этноантропонимы *Ногойбай*, *Орысбай*, *Кыргызбай*, *Узбек*, *Узбекали*, *Азербайджан*, *Татарбек*, *Дунганбай* и другие встречаются в казахском языке [10. С. 97].

¹⁰ Жанузаков Т. Есімдер сыры. Алматы: Қазақстан, 1974. с. 97.

¹¹ Решетов А. М., Седловская А. Н. Влияние межэтнических контактов на антропонимию дунган // Ономастика Средней Азии. М., 1978. Вып. 1.

¹² Гафуров А. Г. Лев и Кипарис: О восточных именах. М.: Наука, 1971. 240 с.

¹³ Юнусалиев Б. М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка // Тр. Ин-т яз. и лит. АН КиргССР. 1956. Вып. 6.

¹⁴ Материалы по истории киргизов и Киргизии: Пер. извлечений / Отв. ред. В. А. Ромодин. М.: Наука, 1973. Вып. 1. 280 с.

- ¹⁵ Арабо-персидские источники о тюркских народах: Сб. статей/Отв. ред. О. Караев. Фрунзе: Илим, 1973. 124 с.
- ¹⁶ История Киргизской ССР/Гл. ред. Б. Дж. Джамгерчинов. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. Т. 1. 708 с.
- ¹⁷ Кыргыз совет энциклопедиясы. Фрунзе: Кыргыз совет энциклопедиясынын башкы редакциясы, 1978. Т. 3. 640 с.
- ¹⁸ Об этимологии этнонима *қазақ* см.: [19. С. 47—51].
- ¹⁹ Кайдаров А. Т., Койчубаев Е. К. К лингвистическому объяснению этнонима «қазақ»//Вестн. АН КазССР. 1971. № 2.
- ²⁰ Хайдаков С. М., Могамедов А. Г., Абдуллаев И. Х. Дагестанские имена//Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965.
- ²¹ Саттаев А. Х., Хабичев М. А. Карачаево-балкарские имена//Там же.
- ²² Дешериев Ю. Д., Ошаев Х. Чеченские и ингушские имена//Там же.
- ²³ Бураев И. Д., Дугаров Н. Б., Бадмаев А. Р. Бурятские имена//Там же.
- ²⁴ Номинханов Ц.-Д., Муниев Б. Д. Калмыцкие имена//Там же.
- ²⁵ Бернштам А. М. К происхождению имени «Манас»//«Манас»—героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.
- ²⁶ Юнусалиев Б. М. Стенограмма выступлений Б. М. Юнусалиева на научной конференции, посвященной изучению эпоса «Манас», проходившей в июне 1952 г. (г. Фрунзе)//Отдел рукописей АН КиргССР. Инв. № 14996, кн. 3.
- ²⁷ Имя *Ўзбек* (Узбек) встречается и у самих узбеков [28. С. 93].
- ²⁸ Менажиев Я., Азаматов Х., Абдрахманов Д., Бегматов Э. Исмнингизнинг манъосини? Ташкент: Фан, 1968. 100 с.

В. П. ЯИЛЕНКО

ЭТНИСНИМ УГРОВ-САВАРТОВ И ОНОГУРЫ

В трактате «De adm. imperio» (§ 38) Константин Багрянородный сообщает, что ранее турки, т. е. венгры, назывались *Σαβαρτοί ασφα-λοι*, а когда их разбили печенеги, часть — ушла в Закавказье, часть — в Лебедию. Закавказские саварты впервые упоминаются ал-Баладзури (писал ок. 847—869 гг.) в рассказе о событиях 755—760-х годов, что датирует разделение венгров и переход их части в Лебедию (между-речье Дона и низовий Днепра — Буга) временем около середины VIII в. (печенеги вряд ли появились в Европе ранее). В армянских источниках саварты называются *Sjavordik'*, *Sevordik'*, в арабских — *as Sāvardiya*, *as Siyāvardiya*. В трактате «De ceremoniis» (р. 687, Reiske) Константин говорит о закавказских савартах, как о *Σερβοτίων τῶν λεγομένων Μαυρα παῖδια* — «севортиях, называемых «Черными сыновьями» [1]. Название *Σαβαρτοί*, *Σερβοτίοι* имеет разные объяснения [2]. Из них методически правильно понимание формы *Σερβοτίοι*, данное И. Тюри, который, исходя из греческой кальки *Μαυρα παῖδια*, считал его эквивалентом арм. *Sjavordik'*, *Sevordik'* «Черные сыновья», состоящего из арм. *sjav* (*sev*) «черный» (заимствование из иранского) и *ordik'* «сыновья» [3]. При всей привлекательности этимологии О. Семереньи очевидно, что греческая и армянская кальки этнонима *Σαβαρτοί*. *Σερβοτίοι* предполагают аналогичное его значение «Черные сыновья». Первый элемент этнонима — иран. *sāw*, **sēw* определили И. Тюри, И. Маркварт [4]. Вторым компонентом этнонима должна быть соответственно также иранская основа со значением «сыновья». Таковой является, на наш взгляд, др.-иран. *риѳга-* «сын» в своей среднеиранской модификации, т. е. *Sauart-*, *Seuort-* < ср.-иран. **Saururt-*, **Seururt-* со спирантизацией *r*, оказавшегося в интервокальной позиции. Рассмотрим фонетический процесс, предполагаемый данной этимологией.

Др.-иран. *риѳга-* в части среднеиранских языков претерпело метатезу плавного (как в аланском *форт-*, североиранском *пурѳ-*) с последующей утратой конечного *ѳ*, *t* (как в пехлевийском *риhr*, сакском *rūga* и др.) [5]. Первый компонент приведенных выше греческих, арабских и армянских форм названия находит соответствие в разных среднеиранских формах прилагательного «черный»: *sāu*, **sēu*, *sja* (*siyā*) [6]. В компоненте **Sāurur-*, **Sjāurur-* etc. начальное *r* второй основы, оказавшееся в интервокальной позиции, подверглось спирантизации, что дало формы **Sāuvur-*, **Sjāuvur-* etc. [7]. Корневой гласный слова *риѳга-*, оказавшийся в слабой позиции, редуцировался и претерпел различные

модификации в разных языках вплоть до нулевой ступени, в том числе приобретаю качество *й*, *о*, *а* (как в бактрийском *rougo* [rūhgo], согдийском *-rōg* и отдельных восточно-иранских языках). Отсюда *о-* и *а-* — рефлексы корневой гласной второй основы в греческих передачах *Σεβορτ-*, *Σαβарт-*. В образовавшейся группе *и* *а* первый гласный сокращался, как это имело место, например, в хотаносакском [8]. Конечное *т* — обычный среднеиранский суффикс множественного числа [9].

Предложенная иранская этимология этнонима *Σαβарт-си*, *Σεβορτ-ιου* показывает, что это название было дано венграм, обитавшим в междуречье Дона — Днепра, соседним иранским населением. Подтверждением данной этимологии этнонима, предполагающей значение «Черные сыновья», является свидетельство «Повести временных лет» о том, что к Киеву приходили в IX в. «Угри чернии» [10].

Можно предложить следующее предположительное объяснение возникновения прозвища венгров «Черные сыновья». Как известно, они принадлежали к оногурской федерации — их греческое и древнерусское обозначения *Ουγγροι*. Угри, известное с IX—X вв., происходит от этнонима оногуры (*оноуиг* 'десять огуров', т. е. 10 племен огуров). Именно вследствие их принадлежности к оногурам в списке имен болгарских правителей VIII в. представлено имя *СЄВАРЪ*, имеющее значение, по нашей этимологии, «Черный сын» (отметим естественное отсутствие показателя множественного числа *-t* сравнительно с этнонимом «саварты»): союзные отношения между венграми и булгарами как членами оногурской федерации и были причиной появления у болгар антропонима, эквивалентного прозвищу венгров. В свою очередь, оногуры входили в конфедерацию орхонских тюрок. В надписи Кюль-Тегина 731 г., излагающей историю орхонских тюрок *ab origine*, этот покойный вождь называет оногуров «десятистрельными сыновьями» — *on oq oγuln* и «десятистрельным народом» — *on oq budun*; последнее обозначение находим и в надписи Тоньюкука, который зовет оногуров так же просто *on oq* «Десять стрел» [11]. Фреквентативность приведенных обозначений свидетельствует об их этнонимических свойствах: «Десятистрельные сыновья», «Десятистрельный народ», «Десять стрел» (или «Десять родов сыновей» и т. д.) — это устойчивые этнические прозвища, на что указывает и взаимозаменяемость элементов данного наименования *oγuln* — *budun* ('сыновья' — 'народ'), придающая здесь слову *oγuln* корпоративный, собирательный оттенок. У тюрок известны названия родов, образованные при помощи слова *сын* (или с подразумеваемым): *bes oγul*, *toγuz uul* 'пять сыновей', 'девять сыновей'; *kāndžāk* < *kendže* (*ul*) + *k-diminutivum* 'последний (сын)', т. е. название рода, происходящего от младшего сына [12]. По-видимому, родовое обозначение подобного типа возобладало в оногурской среде (оно могло принадлежать господствующему роду, например) и стало одним из прозвищ оногуров в целом. Этнические прозвища, производные от терминов родства, известны народам Центральной Азии. Например, часто женившиеся на таджиках карлуки называли таджиков своими дядями по матери, а таджики называли карлуков племянниками по сестриной линии [13].

Не исключено также, что прозвище оногуров *on oq oγul* — лабданический вариант ротацистического прозвища *on oq oγur* — подобно соответствию *bag* 'то, что есть, достаток, богатство' — *mal* 'скот, имущество, богатство' [14]. В целом изложенное позволяет предполагать возникновение прозвища венгров «Черные сыновья» по их принадлежности к числу оногуров, которые у орхонских тюрок имели прозвище «Десятистрельные сыновья» (или «Десять родов сыновей»).

Обозначение венгров «черными» могло иметь различную этимоло-

гию — по цвету одежды или по цветовому обозначению сторон света, принятому в тюркской этнонимии. Кажется, именно венгров следует подразумевать в числе «трех черных народов, обитающих к востоку от народа рос», упоминаемых сирийской хроникой VI в. Захария Ритора [15]. Как будет показано в другом сообщении, этот «народ рос» идентифицируется с аварами, центр обитания которых располагался на среднем притоке Днепра — Роси. Восток от них — днепровское левобережье и Подонье, где и обитали венгры, стало быть, с VI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поскольку речь идет о тех же *Σαβάρτοι*, о которых говорится в трактате «De administrando imperio», И Маркварт резонно исправил *Σερβοτίων* на *Σεβόρτιων*, и эта конъектура общепринята.

² Г. Фехер сближал его с этнонимом кавказских *Savir*, что с основанием отверг К. Макартни (*Macartney C. A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1968. P. 174*; здесь же критика этимологии И. Маркварта; см. примеч. 4). Ю. Немет видел в нем помет *verhale* от тюрк. *sar* 'потерять дорогу, заблудиться' с венгерским диминутивным суффиксом *-d-*; разные объяснения предлагал Г. Вернадский (см. о них справедливо отрицательный отзыв О. Семереньи в кн.: *Altheim F. Geschichte der lateinischen Sprache. Fr. am M., 1951. S. 73—74*). Сам О. Семереньи предложил иранскую этимологию: *Σαβάρ*, *Σαβειροι*, *Σαβάρτοι* отражает североиранское **sabar* (из др.-перс. *asabāra* 'всадник' в среднеиранской модификации) + суффикс множественного числа *-t* (ibid. S. 75). См. также: *Pritsak O. Yowār und Kāwar Kāwar//Ural-Alt. Jahrb. 1965. Vol. 36. S. 383; Moravcsik G. Bizantinoturcica. Berlin, 1958. Bd 2. S. 261.*

³ Излагаем по кн.: *Moravcsik G. Bizantinoturcica. Bd 2. S. 261.*

⁴ И. Маркварт сближал *Σεβόρτιοι* с арм. *Sevortik'* и полагал, что последнее является народно-этимологическим осмыслением этнонима **Sevordik'* 'Черные угры', где второй компонент — этноним *Ugri* с метатезой плавного (*Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 36 f.*).

⁵ См., к примеру: *Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 500; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 135.*

⁶ Ср. хотаносакское *šaw*, согдийское *šāw*, среднеперсидское *syā*, *siyā*; форма **sēw* восстанавливается по ономастическим данным.

⁷ Сонант в основах *sāu*, **sēu* в позиции перед согласным обнаруживает свое гласное качество. Гласное и полугласное качества явствуют из передачи его через ипсилон в греческих надписях Северного Причерноморья римского времени: *Σαυδαράται*, *Σαυαυας*, *Σαυανων* и др. Переход интервокального *р* в *у* зафиксирован в среднеиранский период в парфянском и хотаносакском языках. Подобная спонантизация начального *р* слова *puṭra-* в интервокальной позиции произошла в хотаносакском композитном слове *bisivrai*, *bāsiwārai* 'благородный, сын дома, сын рода', при авестийском *viso-puṭra-*, парфянском *vispuhr*, согдийском *wšrwš*, осетинском *gupruṭ* (см., к примеру: *Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык//В кн.: Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., 1981. С. 306—307*). По мнению Л. Г. Герценберга, армянское, грузинское и шинаское заимствования *serouh*, *sa-zeruṭ-o*, *gušpur* фонетически, вероятно, представляют собой переразложившееся сочетание: **wisās *puṭrah* > **wisāzwar* > **wisaiwraḱ* > [*basi-wrai*] с той же спонантизацией начального губного слова *puṭra* в интервокальном положении.

⁸ См., к примеру: *Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык. С. 241.*

⁹ См. о нем, к примеру: *Фрейман А. А. О показателях множественности -t, -išt, -ēv, -in в северной (скифской) группе иранских языков//Изв. Отд-ния рус. языка и словесности АН СССР. 1924. Т. 29. С. 400—402.*

¹⁰ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 14. Этих «Угров черных» давно идентифицировали с савартами Константина Багрянородного (см.: *Marquart J. Streifzüge. S. 39—40; Moravcsik G. Zur Geschichte der Onoguren//Ural-Alt. Jahrb. 1930. Vol. 10. S. 85*).

¹¹ *Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 28, 30, 62, 63 с поправкой: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 126. Имеется и другое понимание приведенных обозначений — со словом *oq* 'род, племя', а не *oq* 'стрела', также приемлемое для нас.*

¹² Басаков Н. А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация//В кн.: Топонимика Востока. М., 1980. С. 201.

¹³ Карамышева Б. Х. О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков//Тр. 25 Междунар. конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 3. С. 187.

¹⁴ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика, М., 1984. С. 374. Вряд ли основательно предположение А. Н. Бернштама о происхождении слова оуул из оуиг (оуиз) (К семантике термина оуул 'сын'//В кн.: Язык и мышление. М.; Л., 1940. Т. 9. С. 100); позднее он предложил столь же неудачную этимологию из оу 'род' и қил 'раб' (см.: Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.; Л., 1946. С. 116; Кононов А. Н. К этимологии слова огул 'сын'//В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 175—176.

¹⁵ Перевод отрывка см.: Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа//Вестн. древней истории. 1939, № 1. С. 115.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЗЕЙНЕБ КОРКМАЗ

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОБЩНОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО В ИЗУЧЕНИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ*

1. Тюркские и монгольские языки являются наиболее близкими ветвями алтайской языковой семьи. Известно, что их структуры, фонетика и морфология, а также лексический фонд близки друг к другу и имеют ряд общих черт, которые достойны изучения. Положение не меняется от того, будем ли мы рассматривать родство между этими языками вслед за Г. Рамstedтом и Н. Поппе как родство корней или будем считать его, как В. Котвич, Дж. Клосон и Г. Дёрфер, родством культурным [1—5], основой которого является словарный обмен вследствие контактов, или же будем полагать, что это родство еще не доказано. Даже в том случае, если мы будем подходить к теме только с точки зрения взаимных связей и лексического обмена, речь будет идти об общности, порожденной взаимными контактами между тюркскими и монгольскими языками, которые продолжались веками.

Общие элементы между тюркскими и монгольским языками можно рассматривать как возникшие в два различных периода или, точнее, как два различных слоя.

Первый из них — это подобие и общность, которые прослеживаются раньше периода возникновения монгольского, древнетюркского и пратюркского языков, т. е. в период алтайской языковой общности. Второй слой — это общие элементы, возникшие в результате экспансии монголов в XIII в., когда они захватили территории от Средней Азии до Анатолии. Политическое господство монголов в районах, заселенных тюркскими племенами, и последовавший затем период ассимиляции стали причиной взаимных заимствований между обоими языками.

Согласно мнению, широко распространенному в алтаистике, в первый период, т. е. в период алтайской языковой общности, тюркский язык дал монгольскому богатый языковой материал в виде общих слов и аффиксов [6].

Во второй период имели место заимствования как монгольским из тюркского, так и тюркским из монгольского. Сегодня подтверждается, что чувашский и якутский языки, на которых говорят на Алтае (алтайский, абаканский, шорский, лебединский), анатолийский, азербайджанский, казахский, киргизский, узбекский, туркменский содержат множество монгольских элементов. Но это в основном лекси-

ческие заимствования. Заимствование аффиксов в чистом виде не происходило: они заимствовались тюркским из монгольского главным образом в составе лексических единиц.

Кстати, лексические единицы и аффиксы, вошедшие в тюркский из таких языков, как арабский, персидский и т. п., вследствие разницы в структуре и функционировании между ними иногда даже препятствовали развитию тюркского; с заимствованиями же лексики и аффиксов из монгольского ничего подобного не происходило: параллелизм структур и функционирования обоих языков позволял тюркскому легко усваивать монгольские лексику и аффиксы.

О первом периоде, который мы привели в доказательство языкового родства между тюркским и монгольским, материала вполне достаточно, и влияние тюркского на монгольский в общих чертах установлено. Исследований же сложных влияний периода тюрко-монгольского господства, и в частности монгольских лексических единиц и аффиксов, вошедших в тюркский в этот период, явно недостаточно.

2. Общие элементы, по которым проводится сравнение между тюркскими и монгольскими языками, можно сгруппировать в три основные категории: фонетические, морфологические и лексические. Однако в основном они сосредоточены в морфологии и лексическом фонде. В морфологии общие элементы проявляются как в аффиксах падежей, множественного числа, принадлежности и спряжения глаголов, так и в некоторых инструментальных и частично — в словообразовательных.

Со времен Г. Рамстедта об общем в структуре тюркского и монгольского сказано и написано многое. Мы же хотим лишь подчеркнуть особую ценность монгольского как одного из источников для изучения тюркских языков, ибо работы по сравнительному тюркскому языкознанию могут пролить свет не только на еще не решенные вопросы взаимоотношений между этими и другими алтайскими языками, но и на ожидающие решения вопросы собственно структуры тюркских языков. Консерватизм монгольского языка, позаимствовавшего значительный языковой материал из тюркского, благодаря сохранившимся архаичным формам создает преимущества для изучения таких древних периодов, в которые невозможно углубиться на основании тюркских текстов. Этот консерватизм служит также критерием для определения и идентификации элементов, вошедших в тюркский во время монгольского господства.

3. Вследствие полного расхождения фонетических структур тюркского и монгольского языков по сравнению с периодом тюрко-монгольской языковой общности монгольская фонетика не может быть полезной в исследованиях тюркского. Вместе с тем, с точки зрения нашей темы, есть некоторые существенные моменты, на которых нельзя не остановиться. Один из них — это чередование r/z и l/s в тюркских и монгольском языках и совпадение этих звуков в чувашском и монгольском. В вопросе о том, в каком направлении проходила смена согласных, а именно который из согласных заменялся, а который выступал в роли заменяющего, между тюркологами и монголистами существуют разногласия. Поэтому некоторые специалисты отдают предпочтение «зетаизму» и «сигматизму», основываясь на замене $r > z$ и $l > s$, а другие — «ротатизму» и «ламбдаизму» [7—11], считая, что $z > r$ и $s > l$. В настоящее время, однако, большинство алтаистов считает, что звуки r, l в чувашском и монгольском более архаичны, чем звуки z и s в тюркских языках. Ученые, придерживающиеся этих взглядов, признают, что общность звуков r, l в монгольском и в наиболее древнем из тюркских — чувашском служит доказательством их архаичности по сравнению со

звуками *z* и *ʃ* в других тюркских языках и их первичности. Вследствие употребления *r* и *l* монгольский был использован как средство для расшифровки чувашского, языка дунайских и волжских болгар. В период алтайской языковой общности тюркские языки давали монгольскому, а через него тунгусским языкам обильный языковой материал для заимствований. Это обстоятельство натолкнуло алтаистов на мысль о том, что в очень древнее время и в тюркских языках употреблялись *r* и *l*, а монгольский был связующим звеном между пратюркским и чувашским, а также болгарским, в которых употребляются эти же звуки. В сущности, высказывание Н. Поппе [12—13] о тюрко-чувашской языковой общности, объединявшей в прошлом прачувашский и пратюркский языки, явилось результатом фонетического сопоставления тюркского с монгольским и монгольского с чувашским.

4. Если рассматривать тюркские и монгольские с точки зрения морфологии, то выявляется бесчисленное количество общих моментов. Выше мы уже указывали на инструментальные аффиксы. Остальные можно разбить на четыре группы: аффиксы, образующие имя от имени, имя от глагола и глагол от глагола. Для каждой из групп можно привести различные примеры.

Рассмотрим аффиксы множественного числа. Несколько аффиксов множественного числа являются общими для тюркского и монгольского. Это *-lar/-ler*, *-t*, *-an/-en*, *-s* и *-z*. Аффикс *-ğun/-gün* более присущ древнетюркскому.

а. Аффикс *-lar/-ler* употребляется в настоящее время во всех тюркских языках. Фонетические формы его варьируются от диалекта к диалекту. Однако при углублении в древнетюркский мы сталкиваемся с целым набором таких аффиксов. При этом употребление аффикса *-lar/-ler* с лексическими единицами определенного качества имеет ограниченный характер. В частности, в рунических тюркских текстах этот аффикс употребляется очень редко, только с терминами родства и титулами: *beg+ler* 'бег', *eke+ler+im* 'мои старшие сестры', *ög+ler+im* 'мои кормилицы', *kunçuy+lar+im* 'мои принцессы'. Такое же положение и в монгольском с соответствующим аффиксу *-lar/-ler* аффиксом *-nar/-ner*. Он также применяется очень ограниченно и только с терминами, обозначающими родство и знатность. А. фон Габен, приняв во внимание тот факт, что некоторые слова могут означать множественное число без присоединения аффикса и что определение, указывающее на множественность, может употребляться одновременно с аффиксом множественного числа (*üç oğrılar* 'три вора', *bodisawatlar* 'Бодисатва'), не исключает вторичности функции множественности в аффиксе *-lar/-ler*. Наводит на размышления и то, что в тщательно выполненных уйгурских рукописях аффикс пишется отдельно от слова, к которому относится. В некоторых случаях он, будучи заимствован из монгольского, присоединяется не к существительному, а к прилагательному, например: *ak+lar bulit* [14]. По мнению Габен, не решив проблемы происхождения аффикса, нельзя сказать ничего определенного о его истинном значении и функции [14]. Действительно, существующее множество различных мнений об этимологии аффикса *-lar/-ler* объясняет его происхождение слиянием местоимения или именного корня с аффиксом множественного числа либо сращением глаголообразующего аффикса *-la/-le* с аффиксом настоящего-будущего времени *-r* или связывает его с аффиксом, возникшим от сращения двух разных аффиксов множественного числа [15. С. 49—53]. Мы же считаем, что данные, которые будут способствовать решению проблемы аффикса *-lar/-ler* в

турецком языке, могут быть получены только путем сравнительных исследований его развития в обоих языках.

б. *Аффикс множественного числа* $-^{\circ}t$. Наличие этого аффикса, соответствующего монгольскому $-d$, $-ud/-üd$, подтверждается в древнетюркском такими примерами, как *oğlit* 'сыновья', 'дети' < *oğul*, *tarkat* 'тарханы' < монг. *Tarhan*, *yılpağut* 'герои' < *yılpağu ~ alpağu*, *bulut* 'облака' < *bulı*, *tigit* 'князья' < *tigin*, *süt* < монг. *sün* 'молоко', *tagşut* 'стихи' < *tagşu*, *uruñut* 'бойцы' < *uruñu* [16; 17. С. 18; 18. С. 263—264]. В классическом и доклассическом монгольском это был живой аффикс, который мог присоединяться к различным словам (*noyan/noyad* 'князья', *kağan/kağad* 'каганы', *usun/usud* 'отцы', *elçin/elçit* 'послы', *eñçil/eñçit* 'лекари' и т. д.). В древнетюркском этот же аффикс употребляется редко и является архаическим аффиксом, функция множественности которого уже не ощущается. Ярким свидетельством этого является то, что слово *tigin* во множественном числе имеет уже форму *tigit+ler*, т. е. принимает еще один аффикс множественного числа; параллельно этому в якутском *er+et+ter* 'мужчины' (*kosun eretter* 'герои'); *tüñür+üt+ter* 'сват, сватья' < *tüñür*; *inn+et+ter* 'младшие братья' < *ini* [19. С. 352]; в северных тюркских языках существуют параллели типа *kadit+tar* 'женщины', а такие слова, как *bige!* 'бей' в чагатайском, *bulut*, *kanat*, *süt*, являются уже общетюркскими обозначениями понятий не во множественном, а в единственном числе.

Специалисты по древнетюркскому языку и алтаисты в общем едины во мнении, что аффикс множественного числа $-^{\circ}t$ чужд древнетюркскому и заимствован им из монгольского. Однако Г. Дёрфер считает невозможным такое заимствование для древнетюркского, давшего монгольскому богатую культурную лексику. По его мнению, даже в период монгольского господства, когда в тюркские языки вошло очень много монгольских заимствований, только один аффикс был позаимствован из монгольского чагатайским — $-ğul$. Нельзя утверждать также, что аффикс $-^{\circ}t$ вошел в тюркские языки с монгольской лексикой, поскольку нет надежных критериев, чтобы слова с этим аффиксом в древнетюркском идентифицировать как монгольские. Действительно, для того чтобы аффикс вышел из употребления после полного его сращения с существительным, совершенно не нужно, чтобы он был заимствован из монгольского. Однако, утверждая, что $-^{\circ}t$ — аффикс тюркский, необходимо объяснить, почему в таком случае он вышел из употребления в тюркских языках, но так широко и повсеместно применяется в монгольском. Можно ли это принять как естественный результат широкого распространения в короткий срок — начиная с уйгурского периода — аффикса $-lar/-ler$, применявшегося в языке орхонских тюрок очень ограниченно? На этом мы еще раз остановимся в заключительной части.

в. *Аффикс множественного числа* $-gun/-gün$. В надписях голубых тюрок этот аффикс присоединяется лишь к некоторым словам, обозначающим родство или одушевленных лиц, например: *kelin+gün+üm* 'мой невестки' < *kelin*; *tay+gun+ıñuz* 'ваши дети' < *tay* 'жеребенок'; *ini+gün+üm* 'младшие братья' < *ini*. Не существует каких-либо мнений насчет общности этого аффикса с монгольским. Он встречается в уйгурском в одном-двух словах, означающих некий коллектив: *alku+gün* 'все вместе', *kaṡagun* < *kaṡağ* + *gün* 'вместе', 'все'. А. фон Габен ставит под сомнение функцию множественности этого аффикса и приводит из монгольского *ada+gün* 'лошадь'. Поскольку аффикс $-gun/-gün$ не имел применения в классическом и доклассическом монгольском, его положение как аффикса, вышедшего из употребления, нуждается во всестороннем изучении.

г. *Аффикс множественного числа -an/-en*. Этот аффикс, обнаруживающий общность с монгольским $^{-\circ}n$ (*elçi/elçin* 'послы', *biçigeçi/biçiğecin* 'писцы', *moritay/moritan* 'всадники'), в древнетюркском является редким и архаичным: можно привести лишь несколько примеров: *oğlan* 'сыновья' < *oğul*, *er+en* 'люди' и *ört+en* 'огни' [20. § 92; 17. С. 15—18]. Некоторые считают, что этот аффикс имеет в тюркских языках также функцию уменьшения или усиления [21. С. 411—412]. Другие находят в нем связь с аффиксом *-n* в архаических наречиях места, например: *orun*, *kidin*, *üstün*, *alın*.

д. *Аффикс множественного числа $^{-\circ}š$* . В надписях голубых тюрок этот аффикс встречается в сочетании с терминами, обозначающими должность: *Işbaras Tarkan* 'тархан Ишбара', и, возможно, с названиями племен: *Tolis*, *Tardus*, *Türgis*. В монгольском он присоединяется к именам известных лиц или словам, оканчивающимся дифтонгом *ai*: *eme/emes* 'женщины', *eke/ekes* 'матери', *ere/eres* 'мужчины'.

е. *Аффикс $^{-\circ}ž$* . Этот аффикс можно сравнить с аффиксом двойственного числа *-ra/-re* в старомонгольском (*iki+re* 'двойня', *müge+re+sün* 'хрящ'). В древнетюркском он уже не может считаться действующим. С точки зрения количества он указывает на наличие двух или более вещей и образует сращения: *köz* 'глаз', *köküz* 'грудь', *müyüz* 'рог', *tiz*, *biz* [22. С. 71].

Таким образом, в самых древних текстах на тюркском языке бросается в глаза параллелизм с монгольским с точки зрения аффиксов множественного числа. Но в то время как в монгольском эти аффиксы продолжают работать, в тюркском, как это становится ясным из приведенных выше примеров, они употребляются все реже и теряют свои функции. Вследствие малочисленности имеющихся примеров невозможно определить четкое различие в функциях разных аффиксов множественного числа. Главной причиной того, что в противовес активному функционированию в монгольском, в древнетюркском эти аффиксы употребляются все реже и утрачивают свои функции, является то, что после X в. в тюркском их функции и категории меняются. Как мы видели на примере аффиксов $^{-\circ}t$, $^{-\circ}n$, $^{-\circ}š$ и $^{-\circ}ž$, кроме указания на множественность в сочетании со словом, к которому они присоединяются, они могут сращиваться с этим словом и образовывать самостоятельные имена со значением единичности или множественности. Это сводит на нет функцию обозначения множественного числа у этих аффиксов в древнетюркский период. Возможно, что первоначально *kana* означало лишь одно из крыльев птицы, а *kanat* говорило о множественности. Но со временем *kanat* потеряло смысл множественного числа и стало означать 'одно крыло птицы'. Такое же предположение можно сделать относительно *sün* 'одна капля молока', но *süt* 'молоко вообще' [18. С. 263] и т. д.

Сравнение тюркского и монгольского материала в этом аспекте может привести к мысли, что аффиксы множественного числа до их слияния параллельно монгольскому активно употреблялись в тюркском и каждый из них мог соединяться с различными словами сообразно своим качествам. Во всяком случае, они должны были войти в монгольский задолго до того, как изменились их функции в тюркском. То же самое мы наблюдаем и у некоторых общих с монгольскими аффиксов склонения имен. Один из них — аффикс направительного-местного падежа (*dativus-lokativus*) в монгольском языке *-a/-e*.

5. *Аффикс dativus-lokativus -a/-e*. Из таких примеров, как *magui* 'плохой' > *magui+a* 'плохо', *katagui* 'жестокий, беспощадный' > *katagui+a* 'жестоко, беспощадно', видно, что в монгольском это — архаичный аф-

фикс, превращающий слова, к которым он присоединяется, в наречия образа действий.

В тюркских рунических и в уйгурских текстах рядом с распространенным аффиксом *-ka/-ke*, выступающим в функции *dat.-loc.*, встречаются употребляемые реже аффиксы *-a/-e* и *-ya/-ye*. Помимо указательной функции, эти аффиксы, так же как и в монгольском, образуют наречия, в частности, превращают определенные имена в наречия времени и места: *biri, biri* 'солнце' > *biri+ye* 'на солнце', *yiri* 'север' > *yiri+ya* 'на севере', *kuri* 'запад' > *kuri+ya* 'на западе', *üz+ye* 'наверху'.

Наличие в тюркских текстах наряду с аффиксом *dativus-lokativus -ka/-ke* очень старого и архаичного *dativus-lokativus* в форме *-a/-e* говорит о том, что параллельно аффиксу *-a/-e*, образовавшемуся по схеме *-ka/-ke* > *-ga/-ge* > *-a/-e*, с давних пор существовал независимый аффикс *-a/-e*.

Если взглянуть на этот вопрос с точки зрения усложнения функций, то можно определить, что сначала этот аффикс ограничивался функцией склонения имен, однако функция местного падежа вследствие особенностей форм применения превратилась в свойство образовывать наречия разного качества. Это подтверждают различного рода слияния, встречающиеся во многих тюркских языках: уйгур. *kün+kün+ti+ne* 'каждый день' (Alt. Gr. § 427), осм. *günü gününe* 'каждый день', 'день в день', *ettüh tüne* 'вчера', караим. *tuna tuna gün, tüne gün* 'вчера' (Kara. Texte. 269, в частности, KW. 259 и LC. 127), ст.-анатол. *düne* 'вчера' < *tün+e* 'день'; чагат. *ertesige* 'завтра, на следующий день', *kiçe-sige* 'вечером', *yazığa* 'весной', *kışına* 'зимой' (Ost. Gr. § 355 f), каз. *kêşke*, кирг. *kêşke*, бараб., тоб. *kitske* 'вечером', тур. *sabaha gelirim, akşama yazarım, seneye buluşuruz*.

Общий для монгольского и тюркских языков момент, заключающийся в том, что аффикс *dativus-lokativus -a/-e* (в тюркских, в частности, *-ka/-ke*) может служить для образования наречий, усиливает вероятность того, что в тюркских языках сращения с этим аффиксом образовались не в позднее время, а имеют возраст, восходящий к периоду тюркско-монгольского языкового единства.

6. Для завершения темы следует привести также несколько примеров из лексики. Здесь значение монгольского, с точки зрения изучения тюркских языков, проявляется в необходимости снова обратиться к нему при анализе слов, вошедших из него в тюркские языки, но утративших качество иноязычных заимствований.

Например, в османском существует слово *çilki ~ çilgi* в значении «тропинка, горная дорога» (Kamus Terc.: TS. II. 769). Это слово имеется и в монгольском: *cilga* 'русло селя', 'след', 'узкая углубленная дорожка', в калм. *cilga* и в *Omuğ cilgas*. В киргизском оно встречается в форме *yılka*; бараб. *yılga*, анатол. диал. *yılga*, каз.-кирг. *cilga*. В соответствии с чередованием звуков между монгольскими и тюркскими языками *c-* алтайских языков превращается в *c-* в монгольском и в *-y-* в тюркских языках. Общетюркское *-y-* в казахском и киргизском языках переходит в *-c-*. Благодаря такому чередованию звуков становится понятно, что османское *çilki ~ çilgi* является заимствованием из монгольского.

Такое же положение и со словом *çidam* 'терпение', 'сила', 'выносливость' (Kamusî Osmanî: TS. II. 886), которое есть в алтайском, телеутском и киргизском и вошло в османский предположительно через чагатайский. В монгольском оно имеет соответствия *cidan* 'стойкость, выносливость', *cidan-yadan* 'насилу, с трудом', *cidamag-yadamag* — с

тем же значением, *cidal-küçün* 'силы'. В телеутском оно встречается в форме *cidim*; телеут.-лебед. *şidam*, каз. *Şor şidam*, койб. *şidim*.

В соответствии с чередованием звуков между алтайским, монгольским и тюркскими языками алтайское **t(i)-* в монгольском превратится в *ç(i)-*, в тюркском — в *t(i)-*. Это слово будет чисто тюркским из древнетюркского *tida* 'терпеть', *tid* 'сопротивляться'; кум. *tiya-*, осм. *dayan-*, телеут., каз. *tiyin-*, но формы с *ç(i)-* будут свидетельствовать о заимствовании из монгольского [23. С. 7]. Легко установить также монгольское происхождение слова *cilasun* 'молодой, удалец' в староанатолийском. В тюркских языках ему соответствует *yaş* 'молодой', 'молодой человек', 'молодость'. Чередование звуков *c/y, l/ş* в монгольском и тюркских и аффикс *-sun* показывают, что это слово пришло из монгольского. Монгольское происхождение в тюркских языках имеют также ст.-анатол. и осм. *barcak* 'эфес сабли', *keçim* 'лошадиный доспех, покрывало под седлом', *kelesi* 'слово', 'беседа', 'болтовня', *keşik* 'стража, черед', *kurultay, maral* 'самка джейрана', *sadak* 'колчан', *sicim* 'веревка', *serin* 'прохладный чистый воздух', чагат. *çagdavul, çandavul* 'ночной сторож', 'страж', 'арьергард', *dapkur* 'ремень, пропускавший через середину седла', *nöker* 'служитель', 'товарищ', 'жена', *soyurgal* 'благо', 'дар'; азерб. *tongal* 'огонь, разжигаемый вне дома', *küreken* 'зять', *nemer* 'награда, подарок', *şile* 'суп из твердого риса', *cida* 'копье'; в тюркских языках Сибири: алт. *alaka, alkā* 'молот', алт., телеут., бараб. *alakan* 'ладонь', телеут. *çabıdar* 'лошадь с белыми гривой и хвостом'; алт. *cagazin* 'бумага', алт., телеут. *kilinçek* 'вина', 'грех', *mönün* 'серебро', алт., телеут. *sabar* 'палец', *peley* 'рукавица', телеут. *sülüzin* 'рысь' и т. д. Это легко устанавливается сопоставлением данных слов с монгольскими соответствиями.

Таким образом, сравнительные исследования тюркских и монгольских языков необходимы не только с точки зрения важности доказательства языкового родства, но и для более правильного решения некоторых проблем истории тюркских языков и анализа значительной части языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
2. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
3. Kotwicz W. Studia nad językami altajskimi. Krakow, 1953.
4. Clauson G. An Etimological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
5. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden. 1963. Bd. 1.
6. Clauson G. The Earliest Turkish loan words in Mongolian//Central Asiatic Journ. 1959. Vol. 4, N 3.
7. Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki, 1949.
8. Tekin T. Zetacism and Sigmatism in Proto-turkic//Acta Orientalia Hungarica. Budapest, 1969. T. 22, fasc. 1.
9. Doerfer G. The Problem of Rhotacism//Zetacism-Central Asiatic Journ. 1984. Vol. 28, N 1/2.
10. Шербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
11. Хелимский Е. А. Происхождение древнетюркского *r~z* и дилемма «ротацизма-зетанизма»//Сов. тюркология. 1986. № 2.
12. Poppe N. Altaisch und Urtürkisch//Ungarische Jahrbücher. 1927. Vol. 6.
13. Ramstedt G. J. Zur frage nach der Stellung des tschuwassischen//Journ. Soc. Finno-ougrienne, 1922/1923. Vol. 38.

14. *Gabain A., von.* Alttürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974.
15. *Серебрянников Б. А.* О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-LAR* в тюркских языках//Сов. тюркология. 1970. № 1.
16. *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. Bd 2, № 771.
17. *Кононов А. Н.* Показатели собирательности—множественности в тюркских языках. Л., 1969.
18. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
19. *Благова Г. Ф.* Комбинация аффикса множественности — исконно алтайская константа или типологический параллелизм?//Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
20. *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1951—1954.
21. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
22. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956.
23. *Щербак А. М.* О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой). М., 1960.

СОКРАЩЕНИЯ

- Alt. Gr.* — *Gabain A., von.* Alttürkische Grammatik. 2. Aufl. Leipzig, 1950.
Ettub. — *Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lûgat-it-türkiyye.* Ceviren Besim Âtalay. Istanbul, 1945.
Kara. Texte — *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki (eingeleitet, erläutert und mit einem karaimisch-polnisch-deutschen Glossar versehen). Krakow, 1929.
Ost. Gr. — *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
TS — *Türkçe Sözlük.* Ankara, 1963—1969. С. 1—4.
 Перевод с турецкого *Д. Д. Васильева*

ИБРАГИМ МУТЪИ, МИРСУЛТАН ОСМАНОВ

**О РОДИНЕ, ЖИЗНИ И ГРОБНИЦЕ
МАХМУДА КАШГАРСКОГО [1*]**

Некоторые подробности жизни Махмуда Кашгарского, в частности связанные с его родиной, местом кончины и захоронения, до сих пор не имеют единого объяснения. Существующие на этот счет точки зрения *из-за отсутствия веских доказательств* не могут удовлетворить широкую общественность. Отдельные предположения к тому же слишком далеки от реальности.

Продолжая свои ранее начатые в этом направлении исследования, мы на основании сведений самого Махмуда Кашгарского, приведенных в его «Диване тюркских языков», провели специальные работы в с. Опал близ Кашгара (декабрь 1982 — март 1983 г.). Наша работа совпала с подготовкой к изданию на уйгурском языке III тома «Дивана», а это значит, что ей предшествовало всестороннее изучение наследия М. Кашгарского.

В первую очередь нами был обследован известный мазар «Хазрати моллам» в Опале. Беседуя с людьми старшего поколения и духовного звания, а также с местной интеллигенцией Кашгара и Опала, мы собрали материалы, непосредственно или косвенно относящиеся к мазару «Хазрати моллам». На основе тщательного анализа этого материала нами был подготовлен первичный доклад [2], в котором мы пришли к выводу, что «Хазрати моллам» — это и есть гробница Махмуда Кашгарского. Доклад был представлен в Кашгарское административное управление и соответствующие учреждения Синьцзян-Уйгурского автономного района. При поддержке и содействии служащих этих учреждений (особенно Курбана Махмутова и Айсы Шакира) нами в январе 1983 г. было проведено собеседование с общественностью Кашгара, и в первую очередь с теми, кто мог сообщить что-либо существенное о Махмуде Кашгарском и упомянутом мазаре. В результате мы получили ряд ценных сведений и материалов и среди них — вакуфный документ, предоставленный Эмиром Хасаном-кази-ахунум. В этом документе говорится о передаче служителям мазара «Хазрати моллам» книги, написанной сто пятьдесят лет назад, и прямо указывается на то, что «Хазрати моллам» является мазаром Махмуда Кашгарского. Таким образом, подтвердились наши предположения, изложенные в первичном докладе и основанные на устных сообщениях опрошенных. Воодушевленные своими успехами, мы составили второй доклад — уже с более конкретными выводами, следующими из наших исследований, который был представлен на рассмотрение расширенного заседания коллегии синьцзянской Академии общественных наук.

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство людей, опрошенных нами в Кашгаре и Опале, не могли знать или видеть уже изданный к этому времени на современном уйгурском языке первый том

«Дивана тюркских языков» М. Кашгарского и тем более исследования об ученом, хотя многие достаточны грамотны, чтобы читать и понимать даже нелегкие по языку старые рукописи. Это были в основном потомственные шейхи мазара, о котором идет речь. Именно они хранили и передавали из уст в уста ставшие уже легендой и обросшие случайным и наносным исторически достоверные факты. В настоящей статье представлены устные сообщения и другие материалы, собранные и обработанные нами, а также наша точка зрения, изложенная в первом докладе. При этом отбирали мы самое существенное, отбросив все случайное и привнесенное извне.

1. Родина Махмуда Кашгарского

О том, что Махмуд Кашгарский был родом из Кашгара [3*], говорит его тахаллус (псевдоним). В этой научной истине нет никаких сомнений. Кроме того, мы обратили внимание на то, что некоторые из множества встречающихся в «Диване» топонимов автор называет своей родиной. Так, если для большинства из них М. Кашгарский ограничивается типичным сообщением «название города близ Кашгара», «название одного из сел Кашгара», то к *azīq* (Азык) [4] и *opal* (Опал) [5] он дает пояснение «название нашей родины», а к слову *Qasī* (қаси) [6] — «название нашей местности».

Вполне естественно, что нас интересовали все те зримые и незримы нити, которые вели в Кашгар и Опал, в частности в местечко Азык, ибо мы следовали основной установке: родиной Махмуда Кашгарского, по материалам исследований, является Опал.

Опал расположен в 45 км на юго-запад от города Кашгара (восточные склоны Памира) и входит в Кашгарско-Старогородский уезд. Природа здесь благодатна, воздух чист, места красивейшие. Слова Махмуда Кашгарского о том, что «Кашгар—местопребывание шаха» и что «из-за благодатного климата хакан Афрасияб остановился здесь» [7], можно отнести и к Опалу. Об этом же свидетельствуют сохранившиеся до наших дней названия таких мест близ Опала, как Хан баги, Султанбаг, Такьягах [8*].

Что касается села *azīq* (Азык), которое М. Кашгарский называет, как и Опал, своей родиной, то оно находится северо-западнее Опала в истоках р. *Азык тикен дариси* [9*] (другое ее название — *Sosar aғзи*) [10*], протекающей в трехстах-четырёхстах метрах от мазара «Хазрати моллам».

Qasī (Каси) — прилегающее непосредственно к Азыку селение, через которое проходит оросительный канал *Качи остан* (слово *Качи* представляет собой фонетическую разновидность того же *Qasī*; здесь nicely закономерное чередование *с—ч* (*ш*)).

Что касается местности Азык, то ее, как сообщил со слов своего отца 92-летний Давут Зуннун, также называли *Кум бағ* [11*]: когда-то во время паводка река *Sosar aғзи* вышла из берегов, в результате чего сюда было нанесено много песка. Еще всего лет пятьдесят тому назад эти два названия употреблялись параллельно, что подтверждают здешние старожилы.

Многим известно третье наименование реки — *Ақ тикен дариси* [12*], которое произошло от названия одноименного растения *ақ тикен* (или *азик тикен*) *дариси*, чьими мелкими ярко-красными ягодами любит лакомиться медведь. Таким образом, слово *азық* означает медведь. В XI в. язык Караханидов был з-языком, и современное *ейиқ* произносили как *азиг*. В географических названиях сохранилось древнее произношение, что вполне понятно.

Изучив топонимы из «Дивана» М. Кашгарского и установив их этимологию, мы, во-первых, обнаружили явную оплошность, допущенную в изданиях Броккельмана, Бесим Аталая и Салиха Муталлибова. Всеми этими переводчиками топоним *آل* (Опал) неправильно прочтен как *Абул*: надстрочный диакритический знак дамма (◌ْ), оказавшийся у М. Кашгарского между алифом и следующим согласным звуком *б* (ب). был отнесен ими не к алифу (когда последний произносится как краткий губной звук *о*, что было бы правильно), а к согласному (ب) *Ал*!

Во-вторых, нам удалось исправить собственную ошибку, допущенную при переводе первого тома «Дивана». Дело в том, что в июле 1980 г. во время поездки по местам ежегодного паломничества уйгуров Янгисара и его окрестностей, т. е. по мазарам «Хазрати бегим» и «Ордаханум» в Янгисаре, «Хазрати Султан Сатук Богра-хан» в Атуше, «Юсуф Хас Хаджиб — Юсуф Кадыр-хан» [13*] в Паньяпе близ Кашгара, а также «Хазрати моллам» в Опале, мы не смогли различить правильно два различных топонима (*Азиқ* в Опале и *Азақ* в Атуше) и дали в предисловии и в некоторых примечаниях к первому тому «Дивана» неточные пояснения.

К более уточненным и научно обоснованным выводам привели нас дальнейшие исследования, которые велись с учетом не только допущенных промахов, но и новых догадок и заключений. Особая роль при этом принадлежит тазкире — летописям, мемуарам шейхов мазара «Хазрати моллам», устным сообщениям самих шейхов, ныне здравствующих, и, конечно же, вакуфному документу, сохранившемуся у них.

В Опале находится множество других мазаров: «Карахан Пашаим», «Хазрати Пашаим», «Суптекин» (Сабук Текин?), «Оптекин» (Алптекин?), «Клыч Буграхан» (по нашему предположению, отец Юсуфа Кадыр-хана — Обулхасан гарун Ибн Сулайман) и др.

В названных выше тазкире при упоминании того или иного имени к ним часто присоединяют определение *бузургвар* 'великий', 'достопочтенный', 'святой'. Так, известны мазары деда Махмуда Кашгарского — Мухаммеда бузургвара и отца его — Хусейна бузургвара, мазар деда Махмуда Кашгарского по матери — Ходжа Сайфитдина (последнему, как гласит одна из тазкире, почетное имя бузургвар присвоено ханом после рождения его внука Махмуда). Можно назвать также известный мазар «Бюби Рабия Хеникян» — матери М. Кашгарского, мазары учеников М. Кашгарского — имама Акбара и имама Аскара.

Наконец, в Опале находятся развалины медресе «Махмудия», в котором Махмуд Кашгарский преподавал в течение восьми лет по возвращении из Багдада; поныне сохранился и ключ «Навруз булак», у которого ученый по четвергам прогуливался вместе со своими учениками и где каждый год в месяц навруз, на церемонии окончания медресе, присваивал им ученые звания.

2. Мазар «Хазрати моллам» — гробница Махмуда Кашгарского

Мазар «Хазрати моллам» расположен у подножия одноименной горы на северо-западной окраине Опала, где все еще можно встретить следы развалин буддийского периода [14]. По рассказам очевидцев, здесь всего шесть-семь десятилетий назад стоял полуразрушенный буддийский храм. Известны и документальные источники, согласно которым в правление Циня маньчжурские чиновники и войска раз в год посещали этот храм, чтобы прочитать молитву. В горе «Хазрати моллам» до сих пор во время раскопок обнаруживают древние захороне-

ния, относящиеся к различным культурным слоям [15]. Найденные здесь караханидские монеты хранятся в музее Кашгарско-Старогородского уезда.

Мазар «Хазрати моллам» расположен выше источника «Марджан булак» (его называют также «Чэими зулал») [16*]. Севернее этого родника есть еще один, у которого построена мечеть мазара «Хазрати моллам». В соседнем селении «Моллам баги» живут шейхи мазара «Хазрати». Каждый год сюда на праздник Навруз или на так называемые «Виноградные прогулки» стекаются люди из всех вилайетов. «Овладевший науками духовный наставник» — так называли образованные люди того, кто лежит в этой гробнице.

Наши исследования велись в следующих трех направлениях:

а. Опрос шейхов мазара

По рассказам шейхов мазара «Хазрати моллам», полное имя похороненного здесь лица — Хазрати мавлам Шамситдин Махмудия ибн Хусейн. *Мавлам* [17*], как они пояснили, — это определение учености, *Шамситдин* — солнце религии; *Махмудия* (шейхи ошибочно принимают это слово за имя, так как соотносят, вернее, путают название медресе и имя Махмуда) — превознесенный за достоинства, *Хусейн* — имя отца. Шейхи свидетельствуют, что Шамситдин был известным ученым и владел восемью-девятью языками (арабским, фарси, тюркскими, романскими). Учился он в Иране и Ираке, был мударрисом — преподавателем в медресе, умер в возрасте 97 лет.

По сложившейся в караханидский период традиции, к мазарам линейханского сословия приставлялись: *шейх* (духовное лицо — смотритель мазара), *джарукаш* (уборщик), *мутивалли* (управляющий хозяйством мазара) и другие служащие, которые содержались за счет вакуфных средств.

Таким образом, все шейхи «Хазрати моллам» являются потомственными; и эта традиция сохраняется примерно около десяти столетий. Они хорошо помнят и знают семь-восемь поколений в своей генеалогии и имеют собственную печать, изготовленную при основании мазара. Некоторые из шейхов сами были учеными, в основном богословами, поэтами, и оставили заметный след в литературе. Так, например, дед шейха, предоставившего нам ценные сведения о мазаре Бавдуна-кари, — шейх Турди Хаджи (около 1793—1923) был известным в Кашгарии ученым-богословом и поэтом. Он был близко знаком с поэтами-реалистами Абдурахимом Низари, Турди катибом (Гариби), Норузом катибом (Зияи). Его тазкире «Султан Сутук Богра-хан» и сейчас хранится в Кашгарском окружном музее памятников культуры.

Приведем для наглядности генеалогическое древо известных нам шейхов мазара «Хазрати моллам».

Молла Зохуреддин Абдукерим Абдурахман Молла Нияз Мухаммед Рахим	{	1. Турди-ходжам (1793—1923)	{	1. Мамутхан 2. Абдурешитахун	{	1. Таваккуль 2. Бавдун-кари (79 лет)
		2. Молта Нияз-ходжам →				Мухаммад Рахим (69 лет)
		3. Кадырахун				1. Файзулла-кари
		4. Куддус - кари-ходжам				2. Хидаятулла
		5. Каим-ходжам				3. Рахманахун
		6. Сайдулла-ходжам				4. Кудратахун 5. Осман-кари (80 лет)

б. Исследование тазкире мазара «Хазрати моллам»

В мазаре имелись рукописи двух тазкире. Одна из них во времена

правления Якуббека была увезена в Янгисар, другая хранилась у Мухаммеда Чонса из Опала. Переходя из рук в руки с 1956 г., наконец, исчезла и она. К счастью, обе тазкире, особенно вторая, стали передаваться как предания и легенды, и поэтому многие знают их наизусть. Мы восстановили содержание одной из них по пересказу Мамтимина Ахмада Касыма Казии-ахуна (потомка шейхов мазара Бюби Рабии — матери М. Кашгарского, сейчас ему 93 года), Махаммеда Османа и других, которые, в свою очередь, слышали эти повествования из уст Омара дамоллы, Конахуна-хальфата и др. Все материалы опубликованы в журнале «Кашгар адабияти» (1983. № 1).

В тазкире говорится о том, что имя человека, похороненного в «Хазрати моллам», — Мавлам Шамситдин Махмуд ибн Хусейн и что родился он в Азыке; происходил из потомков хана, отец его — Хусейн — в начале своей деятельности был *амири шабом* «начальником ночного дозора», потом дослужился до *амири султана* «верховного правителя».

М. Кашгарский в своем «Диване» подчеркивает, что он выходец из ханзада, т. е. из потомков хана, и что хаканы, отнявшие тюркское государство у Саманидов, — это его предки [18].

По мнению исследователя истории Караханидов О. Прицака, первым, кто избавил в 382 г. х. (992 г. н. э.) Бухару от Саманидов, был Абул Хасан Харунбинни Сулайман (Клыч Богра-хан). Освободителем же Хотана был Юсуф Кадыр-хан, сын Абул Хасана. Как пишет арабский историк Ибн ал-Асир, при Мухаммеде ибн Юсуфе, втором сыне Юсуфа Кадыр-хана (448—449 гг. х./1056—1057 гг. н. э.), эмиром Барсхана [19*] был его старший сын — Хусейн бин Мухаммед, титулованный «Арслан эликом» и выпускавший монеты от собственного имени. Эти данные подтверждаются дошедшими до нас монетами 1048—1058 гг. с надписью «Шамс ад-Давла Арслан элик». Таким образом, можно считать, что Махмуд Кашгарский является праправнуком Юсуфа Кадыр-хана и праправнуком Абул Хасана Харуна.

Ибн ал-Асир также сообщает, что Мухаммед бин Юсуф Богра-хан, одержав победу в междоусобной борьбе над старшим братом Сулайманом бин Юсуфом, в течение одиннадцати месяцев правил восточной частью Караханидского государства, после чего уступил трон сыну Хусейну бин Мухаммеду. Этот исторический факт приводится, в частности, в тазкире, где говорится, что «его (Махмуда Кашгарского) отец — Хусейн — был сперва амири шабом, а потом — амири султаном».

Ссылаясь на работы Ибн ал-Асира, О. Прицак приводит следующий трагический случай, происшедший в 448—449 гг. х. (1056—1057 гг. н. э.) в орде Караханидов в Кашгаре: когда Богра-хан Мухаммед бин Юсуф вознамерился передать свой трон сыну Хусейну, он был отравлен женой, видевшей наследником своего сына Ибрахима. Был ею отравлен также Хусейн, а Арслан-хан бин Юсуф — брат Мухаммеда Богра-хана — удушен. Трон занял, таким образом, Ибрахим бин Мухаммед.

В тазкире имя Мухаммеда бин Юсуфа Богра-хана не упоминается, оно заменено эпитетом «Шахи Эхрам». По нашему мнению, это объясняется нежеланием автора тазкире напоминать о трагедии.

По-видимому, и сам Махмуд Кашгарский предпочел умолчать о случившемся. Автор «Дивана» упоминает о мазаре Ходжа Сейфитдина бузургвара — деда по матери. Имена же Мухаммеда Богра-хана и его сына Хусейна, т. е. деда и отца, он конкретно не называет, объединяя их одним общим титулом «бузургвары». Из тазкире и по сведениям самого М. Кашгарского известно, что молодой Махмуд вынужден был

в. Об изучении вакуфного документа

Как мы уже говорили, в Кашгаре Эмир Хасан-кази-ахунум представил нам книгу под названием «Маснави Шерип», в которую был вложен вакуфный документ — дарственная записка о передаче настоящей книги в распоряжение шейха мазара «Лазрати моллам». Книга эта хранилась в библиотеке мазара, которая во время известного восстания конца XIX в. была расхищена. Уцелевшие рукописи, в том числе и «Маснави Шерип», хранились у разных людей. «Маснави Шерип» передал своему сыну Эмиру Хасану-кази Кутлуг Шавки — известный писатель-просветитель Кашгарии.

Ниже приводится перевод текста «Вакуф-наме»:

«1252 года хиджри (год быка) 14-го дня великого раджаба месяца в присутствии кази Кашгарского провинциального судебного учреждения, являющегося опорой шариата, я, молла Садык Элем, сын Шах Эла-ахуна, ста четырнадцати лет, телом здравый, духом бодрый, чувствуя любовь к науке, настроенный творчески, сшил под одну обложку шесть тетрадей, сделавших своим содержанием науку и просвещение, страницы их украсил драгоценным, с золотом сразнимым по своему достоинству и украшенным трудолюбивым пером сочинением «Маснави Шерип». Эту книгу я приношу в дар навечно и жертвую гробнице Махмуда Кашгари, сына Хусейна, обладателя [искусного] пера, уважаемого господина, солнца религии, похороненного у подножия горы над прозрачным родником в Опале близ Кашгара.

Я верю, что литераторы и деятели науки не раз будут устраивать вдумчивое чтение этой, сделавшей своим содержанием науку и просвещение и подаренной в память великому литератору книги над священной могилой солнца религии, обладателя [искусного] пера Махмуда Кашгари, сына Хусейна, дабы приобщить к науке потомков мусульман — простонародную массу нашей нации и сделать их обладателями положительных качеств. Завещанную мной эту книгу я передаю в распоряжение своего старшего ученика Молла Айта, сына Молла Эвеза, чтобы в дальнейшем он распоряжался ею, в подтверждение чего я, Молла Садык Элем, ставлю ниже свою печать.

Истинность вышеизложенного моего заявления подтверждают мударрисы, ученые Альназар-ахунум, главный катиб Абдурахим Низари, катиб Норуз, катиб Турди, Турди шейх-ахунум, молла Годжилак, Заидин курулбеги из Опала и другие.

Печать

Подписи: известный деятель, ученый века мулла
Садык сын Шах-Эла»
(Печать изготовлена в 1208 году).

Об именах, упоминаемых в «Вакуф-наме»

Молла Садык Элям ибн шах-Эла — из г. Кашгара, учился в медресе села Давлат-баг, преподавал в Кашгарском ханском медресе. Кази Кашгарской судебной коллегии, известный ученый своего времени.

Альназар-ахунум — из Люкчуна, один из крупных кашгарских ученых-богословов, был мударрисом медресе Искандер-вана.

Абдурахим Низари — из Опала, один из видных представителей уйгурской классической литературы, писец правителя Кашгарии Зохуреддина.

Норуз катиб — писец правителя Кашгарии Зохуреддина.

Турди катиб — писец правителя Кашгарии Зохуреддина, один из видных представителей уйгурской классической литературы; литературный псевдоним — Гариби.

Турди шейх-ахун — шейх мазара «Хазрати моллам», автор тазкире «Султан Сатук Богра-хан», дед Бавдуна-кари — одного из интересных и сведущих наших информаторов.

Молла Годжилак — шейх мазара «Султан Сатук Богра-хан».

Заидин курулбеги — курулбек [20*] в Опале.

Исследование вакуфного документа

Родина и мазар Махмуда Кашгарского интересовали ученых и до нас. Так, например, Аблемит Рози в 1981 г. напечатал свою обширную статью «Махмуд Кашгарский и его книга „Диван тюркских языков“» [21], в которой привел следующее четверостишие поэта Низари:

Йэнэ Һэзрәти шәйх һәбиби әжәм
Ки қайрағида қилмиш вужуди әдәм.
Опалда ятиптүр һэзрәти мәвләвий,
Ки моллам атап һәр зәйифу қәви.

Перевод

Опять наш друг, наш шейх почтенный
Душу мою своим точит рассказом:
«В Опале лежит мавлави наш нетленный,
«Моллам» зовут его все — и сильный, и слабый».

Аргумент исследователя неоспорим: «мавлави» в устах людей, пересказывающих предания о мазаре «Хазрати», превратился в «моллам», что означает «ученый». Однако в статье лишь предполагается, что мазар, называющийся сейчас «Хазрати моллам», является мазаром либо самого Махмуда Кашгарского, либо его отца — Хусейна.

В ответ на статью Аблемита Рози известный работник просвещения Касым Рахим, проживающий в Опале, опубликовал свою статью «О махалле Азык» [22], где правильно указывает, что М. Кашгарский родился не в Азаке, что близ Артуша, а в Опальском Азыке.

Из многих собранных тем же ныне покойным Касымом Рахимом и сослуживших нам добрую службу материалов стало также известно, что еще в 1928 г. Омар Захири из Опала, узбекский ученый Абдурасул-дамолла, а также неизвестные в Кашгаре Абдулазим-дамолла и Абдуруп-дамолла выдвигали аргументированное предположение о том, что Махмуд Кашгарский родился в Опале и там же похоронен.

То же самое с давних пор предполагаем и мы, однако окончательное подтверждение этому было получено после прочтения указанного вакуфного документа.

В мае 1983 г. с помощью специальных научных организаций автономного района и центра мы провели ряд экспертиз бумаги, на которой начертан текст вакуфного документа, чернил, которыми он написан. В результате установлено, что цвет и качество обеих бумаг разные, т. е. та, на которой написана «Маснави Шерип» и сам текст дарственного документа, — желтая, а полосы другой, которой приклеены к корешку распоротые по шву листы «Маснави Шерип», — розовые. Возраст бумаги — более ста лет. Текст «Маснави» и дарственного документа написан тростниковым пером, чернила — древние. Время написания определяется приблизительно 1836 г.

Судя по дарственному документу, народ помнит и чтит имя Махмуда Кашгарского; память о нем передается из поколения в поколение. Об этом же говорит и марсия (посвящение) неизвестного поэта, начинающаяся стихом

Элвида, эй шэйх мавланайи Шәмситдин пирим,
Элвида, эй Мәһмуд исмин һәмд үргәттин бизим.

Кроме того, мазар «Хазрати моллам» время от времени ремонтировался, например, в 1245 и 1315 гг.х., что также свидетельствует о бережном отношении народа к памяти ученого.

Как уже отмечалось, если титул ученого «мавла» в устах народа превратился в «моллам», а в памяти шейхов имя Махмуда Кашгарского сохранилось в форме «Махмудия ибн Хасания» или «Махмудия ибн Хусейн», то в вакуфном документе приведены его полное имя и титулы: «Һәзрәти Мәвлам Шәмситдин Һүсәйн Саһиб қәләм Мәһмуд ал-Қашиғәри». Следует указать на одно обстоятельство: в вакуфном документе перед именем Хусейн пропущено слово *ибн*. По нашему предположению, имя отца Махмуда — Хусейн — со временем могло трактоваться как эпитет «красивый», «прекрасный». Неправильные написания встречаются и в других местах вакуф-наме, например: *Опал* написан как *Ойпал*, по-видимому, потому, что слово это ассоциировалось со значением «низменный», «низменная местность».

3. Некоторые вопросы, связанные с жизнью Махмуда Кашгарского

Будучи потомком ханов, Махмуд Кашгарский не стал ни военачальником, ни правителем, он сделался ученым. Это один из важных вопросов, которому не может быть не уделено внимания в работе о его жизни и творчестве, ибо он тесно связан с социальной средой, в которой жил ученый, с семейной жизнью его самого и его предков.

Что касается периода правления Караханидов, то это было время наибольшего расцвета науки и просвещения. Этому способствовали, в частности, дед Махмуда Кашгарского Мухаммед бин Юсуф и Хасан бин Сулайман — его племянник. В тазкире описаны поиски Шахи Эхрама, обучение сына Хусейна, его ярлыки о народном образовании. Как видно, условия для приобщения молодого Махмуда к наукам были по тем временам самые благоприятные.

Известно, что дед Махмуда Кашгарского со стороны матери был образованным человеком. Свою единственную дочь Бюби Рабию он обучал грамоте с малых лет, не забывая при этом и об уроках нравственности. Родившегося в такой семье Махмуда готовили для дворцовой жизни, однако он, став взрослым, выбрал не предрешенный путь, а науку. Жажда исследований вела Махмуда Кашгарского по дорогам родины и чужбины и помогла ему собрать в течение десяти с небольшим лет материал для создания «Дивана». Нравственный облик ученого, отраженный в каждой строке собранных им народных песен, пословиц и поговорок, безусловно, есть результат исключительно благотворного влияния семейного воспитания, и в первую очередь его матери — Бюби Рабии.

Начальное образование Махмуд Кашгарский получил в Опале, где находились известнейшие медресе Кашгарии. Судя по материалам из жизни шейхов мазара «Хусейн Файзулла-ходжам» [23], отец Хусейна — Сурия, известный под псевдонимом Мири муэлла [24*], был родом из Шама [25], а мать — Бюби Салима — из Кашгар-Гульбага. В правление Саида Али Арслан-хана Хусейн Файзулла Ходжам был мударри-

сом Мадрасаи Хамидии в Давлатбаге. Он прожил долгую жизнь, пережив Юсуфа Кадыр-хана [26*]. По нашему предположению, упоминаемый в «Диване» Махмудом Кашгарским Шейх-имам Захид Хусейн ибн Халаф Кашгари и есть Хусейн Файзулла Ходжам. М. Кашгарский называет его «устаз» — учитель. Как отмечает в своей книге «Махмуд из Кашгарии» М. Шакир Ульку Ташир, немецкий востоковед Марти Хартманн говорит в своей статье о том, что об ученом по имени Халав Огли Хусейн, упоминаемом в «Диване», имеются сведения в «Китаб ул-анаф» Таджлислама Самъани. Последний называет Хусейна в одном ряду с учеными, получившими образование в Кашгаре, и считает его благочестивым шейхом, чьи предания и истории внушают доверие [27*].

В своей книге «Сурра» (سوراه) (конец XII в.) Джамал Карши сообщает нам, что его труд представляет собой извлечение из медицинской энциклопедии «Сунан Жәһвәри», составленной в 1202 г. и хранящейся в библиотеке «Мадрисаи Саджия» в Кашгаре.

Все это является подтверждением того, что в Кашгаре того времени, когда там жил Махмуд Кашгарский, существовали медресе, в которых различные науки преподавались знаменитыми мударрисами, а в библиотеках хранилось достаточно большое количество ценных рукописей, т. е. в Кашгаре было все то, что способствует получению прочных знаний и приобщению к всевозможным наукам.

Выводы

1. Махмуд Кашгарский родился в местечке Азык близ Кашгара в 1028—1037 гг.

2. М. Кашгарский — потомок Караханидов, внук Мухаммеда — сына Кадыр-хана и сын Хусейна. Мать Махмуда — Бюби Рабия — была дочерью Ходжа Сайфитдина бузургвара — известного ученого своего времени.

3. Начальное образование М. Кашгарский получил в Опале. В Кашгаре он учился у Юсуфа ибн Халифа Кашгари.

4. Жизнь ученого вне Кашгарии начинается, вероятно, с 1058—1059 гг. Ему было в то время, видимо, лет 29, ибо М. Кашгарский в течение более десяти лет обходил тюркские племена, собирая материал для своего «Дивана».

5. Сколько времени М. Кашгарский пробыл в Багдаде, неизвестно, однако не подлежит сомнению, что там он оставался не до конца жизни, как считают некоторые исследователи. Судя по преданиям и тазкире, он вернулся на родину 89 лет, и после этого восемь лет был мударрисом в Опале. Умер там в возрасте 97 лет. Таким образом, можно сделать вывод, что М. Кашгарский умер в 1126 г.

6. Мазар «Хазрати Моллам» в Опале действительно является мазаром М. Кашгарского. Нашу точку зрения подтверждают выводы, сделанные археологической группой общества защиты памятников культуры Кашгарского уезда после специальных исследований в Опале.

1983 г., 22 январь. Урумчи.

П Р И М Е Ч А Н И Я

* Статья опубликована в литературно-художественном журнале «Тарим» (1984. № 3), издаваемом на уйгурском языке в г. Урумчи — административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Перевод с некоторыми сокращениями осуще-

ствлен Ш. Кибировым — научным сотрудником Института уйгуроведения АН КазССР (примеч. редактора).

В дальнейшем номера со звездочкой будут отмечены примечания переводчика.

² Кашгарская литература. Кашгар. 1983. № 2.

^{3*} Название *Кашгар* уйгуры употребляют в двух контекстуальных значениях: как город Кашгар и как наименование всего юга Восточного Туркестана, т. е. Кашгария. Точно так же поступают и авторы настоящей статьи (впрочем, как и сам М. Кашгарский).

⁴ Диван тюркских языков: Рукопись. С. 44, стр. 1 и 2.

⁵ Там же. С. 49, стр. 7.

⁶ Там же. С. 544, стр. 5.

⁷ Там же. С. 153.

^{8*} Хан баги — ханская роща; Султанбаг — роща султанов; Такьягах — надежное пристанище, гостиница ханских посланцев.

^{9*} Этимологию см. дальше.

^{10*} Досл. «Кунья пасть» (пасть кунницы).

^{11*} Досл. «Песчаный сад».

^{12*} «Белый шиповник лекарственный».

¹³ Авторы разделяют мнение, что «Юсуф Кадыр-хан» является гробницей Юсуфа хас Хаджиба Баласагунского.

¹⁴ Развалины древнего строения под этой горой называют здесь «Ташбалик». То же название имела и гора хазрати, что видно из следующей марсии — поминального стихотворения неизвестного поэта, посвященного памяти М. Кашгари:

Ташбалик болсун эбед хазрити молламинц таги,
Нами өчмэс гүл чечэкләп, мевэ болгай моллам баги.

Подстрочный перевод

Пусть Ташбалик навеки будет назван горой
Хазрати моллам,
Пусть в его садах цветут цветы, зреют
плоды, а имя его не померкнет.

¹⁵ См.: Доклад археологической группы Кашгарского окружного общества защиты памятников культуры при Управлении по надзору над памятниками культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района//Кашгар адабияти. 1983. № 6. С. 18.

^{16*} *Марджан булак* — коралловые ключи, *Чэшми зулал* — прозрачный родник.

^{17*} Искраженное *мавлана* или *мавлани* — букв.: «господин наш» — титул мусульманских богословов и ученых. То же самое предназначение имеет титул «хазрати», при-
бавляемый к именам пророков, святых, высокопоставленных лиц в значении «величество», «высочество», «светлость».

¹⁸ Диван тюркских языков Урумчи: Шинжан нэширияти. 1981. Т. 1. С. 552/уйгур. пер.

^{19*} Другое написание — Барсаган.

^{20*} Курулбек — пограничный бек.

²¹ Шинжан дашу. Сер. обществ. наук. 1981. № 1. С. 17.

²² Кэшкэр кона шәһәр әдәбияти. 1981. № 2, 92 б.

²³ Сведения получены нами от нынешнего шейха этого мазара Турсун-шейха (66 лет, шестое поколение) и имама мечети Хусейна Файзулла-ходжама Аблим Абдукадира.

^{24*} Мири муэлла — величественный эмир.

^{25*} Шам — старое название Сирии.

²⁶ Юсуф Кадырхан, прадед Махмуда Кашгарского, — хан Караханидского государства (ум. 1032 г.).

^{27*} М. Шакир Улькү Ташир. Кэшкәрли Маһмут. Энқәрә. 1972. 15 бәс.

Б. И. ТАТАРИНЦЕВ

ЭТИМОЛОГИЯ ТЮРКСКОГО НАЗВАНИЯ БОГАТЫРЯ

(batur... ~ bayatur...)

Судьба слова batur... ~ bayatur... — довольно сложная, поскольку название богатыря, героя, неоднократно заимствовавшееся и «перезаимствовавшееся», прошло через освоение самыми разными языками. Этот процесс, характерный и для других титулов, здесь проявился в значительно большей степени, что, по-видимому, обусловлено самой семантикой изучаемого слова, которое хотя и служило титулом, но в этом качестве встречается только в единичных случаях — в основном в древнетюркских памятниках. К значению титула (причем неясно, какого именно) примыкает семантика имени собственного (мужского) — «эпитет народных богатырей» и «витязь». Преобладающей, однако, является семантика положительной оценки личности. Обозначения человеческих качеств категориально принадлежат как к существительным ('герой, богатырь, храбрец, удалец, силач, борец, победитель'...), так и к прилагательным ('отважный, решительный, мужественный, героический, сильный, brave, удалой, видный, знатный, властный'...) [1. С. 82]. Слова, несущие подобные характеристики, как правило, заимствуются весьма активно. Именно поэтому применительно к тюркским языкам преобладающим является мнение об иноязычном (иранском или монгольском) происхождении слова batur ~ bayatur.

Версия об иранском происхождении batur — наиболее ранняя. Существовая в различных редакциях, она «в последнее время не встречается сочувствия» [1. С. 83]. Правда, в работах последних лет можно встретить утверждения, что др.-тюрк. batur 'богатырь' является иранским заимствованием [2. С. 67]. Однако в целом, с учетом современных исследований (Г. Дёрфера, в частности), это предположение следует считать исчерпанным, хотя бесспорным фактом является наличие в некоторых тюркских языках более позднего — вторичного заимствования слов из иранских языков (в частности, из персидского) в форме типа bahadur ~ bahadyr... [1. С. 82, 84].

У монгольской версии происхождения batur ~ bayatur сторонников намного больше [1. С. 82—83], и о том, что это монголизм, порой пишется, как о бесспорном факте. А между тем слово не имеет собственно монгольской этимологии, и некоторые материалы показывают, что в монголоязычной среде оно появилось довольно поздно, причем первоначально, по одним данным, как элемент собственных имен, а по другим, — как титул, или, точнее, — «как один из титулов степного аристократа, [обозначающего, в частности] главу рода или племени» [3. С. 313; 4. С. 240]. Однако если проследить, пользуясь текстом «Сок-

ровенного сказания», родословную Чингисхана, то прибавление к имени (титула) *ba'atur* отмечено только у потомства Бодончара [5. § 43 и след.], предка Чингисхана в девятом колене, родившегося, возможно, в конце X в. [6. С. 100].

Часть сторонников гипотезы, предполагающей монгольскую этимологию, по-видимому, в той или иной мере осознает ее недостаточную доказательность. Поэтому, полностью не отказываясь от этой версии, некоторые исследователи предлагают ее более современную редакцию: монгольские языки практически были лишь посредниками, через которых слово вошло в тюркские языки. При этом, по мнению одних, первоначальным источником *batur* ~ *bayatur* был язык гуннов, а по мнению других, — язык жужаней (аваров) [3. С. 323; 7. С. 370]. Так, во втором томе известной монографии Г. Дёрфера утверждается, что рассматриваемое слово проникло из жужанского в монгольские, а из них — в тюркские языки; в указателе же к четвертому тому названной монографии вариант *bayatur* приводится как монгольское слово, восходящее к тюркскому, а *batur* — как собственно тюркское [8].

Думается, что монгольская версия, даже в ее «посреднической» модификации, выглядит в целом недостаточно аргументированной, хотя непосредственно из монгольских источников слово, по-видимому, поступило в ряд тюркских и нетюркских языков. Однако, на наш взгляд, можно предположить, что первоначально оно появилось в тюркских языках, откуда проникло в монгольские.

Если *batur* ~ *bayatur* действительно бытовало в языках гуннов или жужаней (что также пока не установлено), то это еще не является решающим доказательством его нетюркского происхождения. Согласно Э. В. Севортыану возможное бытование рассматриваемого слова у гуннов, скорее, подтверждает его тюркскую этимологию [1. С. 84]. Но, даже приняв точку зрения (в частности, Г. Дёрфера), что язык гуннов (хунну) — не тюркский и даже не «алтайский», можно допустить, что *batur* ~ *bayatur* могло быть тюркским заимствованием. Как видим, мнение Э. В. Севортыана относительно тюркской этимологии слова *batur* ~ *bayatur* достаточно обоснованно.

В современных тюркских языках, исключая явно вторичные иранские заимствования, интересующее нас слово сохранилось в основном в двух вариантах, различающихся по признаку «долгота» — «краткость» гласного: *batur* ~ *bātur* и *batur* ~ *batuγ*... Ряд исследователей считает долгим гласный и в др.-тюрк. *batur*. Э. В. Севортыан к древнетюркским формам относит также туркм. диал. *ба:тыр* (* < *ба:туγ*). Долгий гласный в них едва ли вторичный, поскольку, например, «в туркменском [интервокальный] -F- вообще сохраняется». Далее говорится о том, что «формы с кратким корневым гласным -а- (*батыр*, *батур*) связаны с туркм. *ба:тыр* и первоначальная долгота гласного в них в дальнейшем закономерно исчезла» [1. С. 84].

Таким образом, хотя исследователь разделяет традиционную точку зрения, согласно которой *bayatur* представляет собой «полную» (следовательно, более раннюю), а *batur* — «стяженную» (позднюю) разновидность слова, получается, что практически основная часть современных вариантов слова, а также его «древнетюркские формы» в своем развитии не связаны непосредственно с вариантом *bayatur*. Ясно, однако, что долгота гласного («первичная») в туркменском языке имеет, скорее всего, иную природу, чем в ряде других тюркских языков типа сибирских (тув. *маадыр*, реже — *баадыр*, алт. *баатыр*, якут. *баатыр* ~ *боотур*) и киргизского *баатыр*, где преобладают вторичные долготы, восходящие, в частности, к комплексу -ауа-. Среди этих соответ-

ствий могут быть и монголизмы — как старые, восходящие к варианту типа ст.-письм. монг. *baɣatur*, так и, вероятно, более новые, долгие гласные которых воспроизводят соответствующие звуки слов современных монгольских языков (ср. монг. *баатар*). Вместе с тем здесь вполне вероятно и собственно тюркские слова, восходящие к тюркскому варианту *baɣatur*. Отграничить же случаи заимствований от исконных слов в этой ситуации очень сложно.

Возможно, в отдельных языках и варианты с кратким гласным первого слога также могут быть возведены к звуковому комплексу -ауа- (через стадию долгого гласного, подвергшегося сокращению), но определить такие случаи довольно трудно. Так, А. М. Щербак уверенно относит хакас. *матыр* 'герой' к монгольским заимствованиям, возводя его к ст.-письм. монг. *baɣatur* [10. С. 83]. Сходная точка зрения высказывается и некоторыми хакасскими исследователями, однако она вызывает возражение в том плане, что подобные слова «рискованно относить к монголизмам», поскольку они «могли сохраниться в хакасском языке еще с древнетюркского времени, а в сам монгольский язык попасть как тюркизмы» [11. С. 13].

В тюркских языках имеются и варианты слова с комплексом -ауа- (интервокальный согласный иногда выступает в иных модификациях), но очень часто это вторичные заимствования. Среди этих последних существуют и такие, которые могут быть возведены и к русскому «богатырь» (тюркизму или монголизму в русской лексике) [12].

К их числу принадлежит якутское (отмеченное Э. К. Пекарским наряду с *баатыр* ~ *боотур*) *baɣatyr* ~ *buɣatyr* ~ *buoɣatyr* ~ *buɣatyr* 'богатырь', 'силач'. Не исключено, что не с древним (тюркским или монгольским) *baɣatur*, а с русским «богатырь» связаны и такие соответствия слова, как шор. *paɣattyr* 'богатырь, герой' [14. С. 1133] и алт. диал. (по Вербицкому) *пағатыр* 'герой', 'победитель'. За пределами тюркских языков нечто подобное наблюдается в языках тунгусо-маньчжурской группы, где наряду с формой типа *batur*, *bator*, *baturu* и прочими отмечены эвенк. *бағатыр* 'богатырь', *багади* (*багатыр*, *букатыр*) 'богатырь', 'сильный, большой' и эвен. *баутир* (*бауатыр*, *баутыр*) id. [15. С. 46; 16. С. 61—62], вероятно, также заимствованные из русского языка (частично через якутский? Ср. *букатыр* и *бухатыр*) [17].

Можно полагать, что вариант *baɣatur* в целостном виде в современных тюркских языках не сохранился или, по крайней мере, дошел в основном в явно вторичных видоизменениях. Создается впечатление, что этот вариант был в значительной степени архаизмом уже у древних тюрков (в широком смысле слова). В дошедших до нас источниках это титул (или его часть) и собственное имя (часть его), но похоже, что и в этом качестве вытесняемые вариантом *batur* (или *batur*), о чем свидетельствует, например, тот факт, что в одном и том же источнике отмечено имя (и титул?) в формах *baɣatur čigši* и *batur čigši* [18. С. 77, 89].

Возникает вопрос, насколько же оправданно традиционное представление о первичности *baɣatur* и вторичности *batur*? Имеющиеся материалы свидетельствуют, что варианты *batur* и *baɣatur* сосуществуют с глубокой древности, причем в наиболее ранних — гуннских (хунну) источниках наличествует (в иероглифическом написании) слово *pañ-tu-tu*, *pa-tu-tu*, *pa-tu* (*badutu*, *badu*) 'храбрый, смелый', сближающееся как с *baɣatur*, так и с *batur* (Г. Дёрфер предпочитает видеть именно последнее) [7. С. 368—369].

Но если это действительно так, то оказывается, что *batur* может быть, даже древнее *baɣatur*. Во всяком случае, можно допустить, что

различие форм по степени древности здесь нерелевантно и *batuṛ*, скорее всего, не является результатом стяжения звукового комплекса в *baɣatuṛ*. К *baɣatuṛ* не сводимо и туркм. *bātuṛ*, поскольку вторичные долготы, восходящие к комплексам с интервокальным согласным, для туркменского малохарактерны [19. С. 763], и, надо полагать, в этом случае мы имеем дело не с исключением, а с общим правилом. Следовательно, помимо *baɣatuṛ* и независимо от него существовал вариант *batuṛ* (*bātuṛ*).

Существовали ли между *batuṛ* ~ *baɣatuṛ* какие-либо конкретные различия в семантике, сказать трудно. *Baɣatuṛ*, как нам представляется, в большей мере, нежели *batuṛ*, тяготеет к сфере титулов и личных имен. Но такое представление может быть результатом аберрации, порожденной скудностью языкового материала. Не случайно поэтому существуют версии о происхождении *batuṛ* ~ *baɣatuṛ*, возводящие его к словам именно такого типа. Так, по Дж. Клосону, *baɣatuṛ* «почти наверняка (*almost certainly*) по происхождению является гуннским собственным именем, а точнее, именем второго шаньюя (правителя) хунну, чье имя транскрибировалось по-китайски как *Мао-тун*, что в древнекитайском выглядело приблизительно как *mog-tun*, причем слово встречается только однажды — в ранний период» [3. С. 313]. Неясно, однако, каким образом это имя собственное превратилось в нарицательное — в название героя, богатыря, в результате каких структурных или фонетических преобразований из *тао-тун* или *мог-тун* могла появиться (пусть даже первоначально в монгольских языках, как полагал исследователь) словоформа *baɣatuṛ*. Убедительнее, на наш взгляд, выглядит ранее приводимое сопоставление *batuṛ* ~ *baɣatuṛ* с гуннским *badutu*, *badu*, фонетически и семантически гораздо более определенным и близким к рассматриваемому слову.

Г. Дёрфер почти одновременно с Клосоном утверждает, что *baɣatuṛ* восходит к древнему жужанскому титулу, который китайскими источниками представлен как *мо-ю-ду* [7. С. 56]. По Менгесу, этот титул обозначал великого вождя у (протомонгольских) шивей.

Возможно, слово с такой семантикой, характерной для соответствий *batuṛ* ~ *baɣatuṛ*, восходило к подобному титулу, хотя более вероятным представляется обратный путь развития: от слова с определенной семантикой к титулу, как это наблюдалось во многих случаях. Нельзя также не учитывать, что в китайском иероглифическом написании фонетический облик слов (особенно не китайских) заметно искажался, и сближение *мо-ю-ду* именно с *baɣatuṛ* не является единственным. В частности, К. Менгес этот и подобные титулы сближает с древнетюркским титулом *бага* 'a tribal dignatary', считающимся иранским заимствованием [20. С. 73—78].

В установлении этимологии слов *batuṛ* ~ *baɣatuṛ* несомненный шаг вперед сделан Э. В. Севортьяном. Он приводит в качестве гомогенных с рассматриваемым словом к.-калп. *батын* (*batyn*) 'смелый, решительный' и (предположительно, поскольку считает здесь вероятным арабское влияние) каз., кирг., к.-калп. *батыл* (*batyl*) 'смелый, отважный, дерзкий'. Из этого сопоставления делается вывод: «Формы *ба:тыр* ~ *батыр* ~ *батур* и *батын*, возможно, также *батыл*, позволяют выделить в них общую часть *бат*, за вычетом которой оставшиеся элементы можно было бы рассматривать как аффиксы» [1. С. 84]. Эти сближения в целом обоснованны, но недостаточны, и «общая часть *бат*» остается неясной.

Необходимо уточнить, что к словам типа *batyl* может быть добавлено уйгур. *batil* (с той же семантикой, что и у *batyl*), причем в словаре

оно, в отличие от своего омонима *batıl* 'пустой', 'тщетный', не имеет указания на арабское происхождение [21. С. 185]. В уйгурском отмечен также глагол *batıñi* ~ *batıña* 'сердиться', вероятно, образованный от **batın* (ср. *batyn*). (В семантическом плане ср. якут. *bätür* ~ *bo:tur*, употребляющееся преимущественно в значении 'сердитый, свирепый', откуда глагол *bätürgä* ~ *bo:turgä* 'разгорячиться, вспылить (о человеке)', 'рассвирепеть (о звере)', а также диал. *bätür* 'неручной, дикий; резвый': *bätür taba* 'неручной олень') [22. С. 47—48; 23. С. 56].

В киргизском, казахском и каракалпакском языках имеется глагольная основа *бат-* со значением 'осмелиться, дерзать' [1. С. 78—79], считающаяся одним из значений общетюркского глагола *бат-* 'погружаться; тонуть' и т. п. Его соответствие в азербайджанском языке имеет значение 'осилить, одолеть, пересилить'.

По мнению Севортяна, «объединяющее, обобщающее значение глагола *бат-* можно определить как 'входить во что...'. Положим, что это допустимо (ср. также нечто подобное у глагола *gır* ~ *kır* 'входить, сходиться, спускаться...', 'наступать, нападать, бросаться, вступать в бой, быть в ярости' (о верблюде)) [24. С. 47—48], но не менее вероятна и контаминация двух различных глаголов: *bat₁-* 'погружаться' и прочее и *bat₂-* 'осмелиться', на что косвенно указывают производные формы. Так, судя по словарным статьям, в киргизском языке форма возвратного залога от *bat* (*batyn*-) означает только 'осмеливаться, дерзать, рисковать', а ее структурный коррелят в узбекском (*botin*-) 'осмеливаться, посметь, решаться (на что-либо)' не имеет прямого соответствия в смысловой структуре узб. *bot*- 'погружаться...'. Кроме того, глагол *bat*- 'тонуть' в туркменском языке, в отличие от *batır* (*bätür*), имеет краткий гласный.

Так или иначе, искомая производящая основа слова *batır* является, скорее всего, глагольной основой *bat*- 'дерзать, осмеливаться', а *batır* разложимо на *bat*-(u)г, где аффикс -г по происхождению — аффикс причастия аориста. С его помощью образуются имена со значениями признака, носителя процесса и т. д. [25. С. 340 и след.] Таким образом, *batır* ~ *bätür* обозначает смелого, дерзкого человека, причем первичными здесь, возможно, являются признаковые значения (см. выше).

Происхождение варианта *baıatır* Э. В. Севортян, к сожалению, оставляет без внимания. Он лишь упоминает о некоей неясной основе *baıat*, которую вычленяет в ряде примеров из тунгусо-маньчжурских языков.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что глагольная основа *bat*- 'дерзать...' может быть членима; ср., в частности, тат. *baz*- 'проявлять смелость, сметь, осмеливаться, дерзать', *bazın*- 'дерзать, отваживаться, показывать решимость, отвагу, рисковать', а также *bat*- и *batın*-. Глагол *baz*- 'сметь, решаться' в словаре В. В. Радлова, кроме татарского, отмечен еще в узбекском [14. С. 1549], но фактически ареал его шире [26. С. 209]. Различия *bat*- и *baz*- едва ли могут быть интерпретированы как фонетические. Они, скорее, носят структурный характер: -t- и -z- в тюркских языках являются аффиксами понудительного залога, а в данном случае могут представлять и более раннюю, «дозалоговую», стадию развития этих формантов, когда они, как предполагается, имели семантику интенсивной многократности действия [27. С. 210—211] (возможно, с преобладанием компонента интенсивности). Подобная семантика ощущается как в глаголах *bat*- и *baz*-, так и в туркменском имени *bat* [*bāt*], вероятно, представляющем собой коррелят к глагольной основе *bat*- [**bāt*-?] 'размах, разлет, скорость, сила

движения; взмах, взлет, сила, мощь' (ср. также *batly* [bätly] 'бурный, сильный, размахистый, громкий').

Все это позволяет говорить о реальности глагольной основы **ba-*, имеющей, возможно, значение 'быть высоким', 'занимать высокое положение', 'выделяться (размерами, силой и т. д.)' и входящей в состав хакас. *ра-х-* 'залезать (вверх)', 'взбираться', алт. диал. (по материалам Вербицкого) *ра-q-* 'лезть вверх (на гору, на дерево)', где *q* > *х* — также аффикс интенсива.

Э. В. Севортян, приводя алт. диал. *раq-* в статье, посвященной общетюркскому глаголу *bağ* 'смотреть', отмечает, что семантика этого слова, как и некоторые другие «изолированные значения», представляется отдаленной от основного значения [1. С. 39]. Это сомнение вполне оправданно как в данном случае, так и в отношении азерб. *bağ-* 'соперничать' и, естественно, переносного значения алт. диал. *раq-* ('усердствовать'), которое почему-то оказалось оторванным от его прямого значения и не попало в число сомнительных «изолированных значений» [1. Пп. 11 и 13]. Вполне очевидно, что *baq-* 'смотреть', с одной стороны, и глаголы с указанной интенсивной семантикой — с другой, гетерогенны.

Ряд слов тюркских языков можно считать производными от глаголов типа *раq-* ~ *рах-* или, по крайней мере, гомогенными с ними. Таковы др.-тюрк. *baqu* 'гряда холмов', с.-югур. *раqа* 'мускулы руки (выше локтя)', узб. (уст. книж.) *baқиç* 'сильный, могущественный', чагат. *baquq* 'большой' и *baquj* 'старейшина племени' [14. С. 1442, 1443], кирг. *baquj-* 'быть громадным' (*baqujyap žigit* 'здоровенный джигит'), возможно, общетюрк. *baqan* ~ *baγan* 'столб', 'колонна' и некоторые другие [28].

На основании анализа некоторых производных можно говорить о существовании именной основы **baq* ~ **baγ*, образованной от **ba-*: др.-тюрк. *baqlan* (*baq-la-n*) *qoγu* 'упитанный ягненок', кирг. (-каз.) [14] *baγ-la-n* 'большого роста и толстый' (*baγlan qoγu* 'большой и жирный ягненок'), к.-калп. *baγlan* 'упитанный баран' и т. д.; ср. также туркменские композиты типа *baγoγun* 'откормленный скот', *baγovlaq* 'козленок (откормленный дома)'. Встречается и глагольная основа *baγ-* 'высовываться', что, однако, не вполне эквивалентно немецкому переводу слова *hervorstehen* ('выступать, выделяться') [14. С. 1447]. Можно предположить и существование глагола **baγ* $\frac{y}{a}$ с подобной же семантикой: кирг.

bārlan- (?*baγarlan-*) 'чваниться, мнить о себе' и, возможно, *bāg* ~ *bāγun* 'охотничьи названия ловчей птицы — помеси балабана с сапсаном', *bāgčun* 'беркут (после седьмой линьки)'. Ср. также якут. (уст.) *baγuduj-* 'кичиться, зазнаваться'. Последнее свидетельствует о глагольной основе **baγa-t-* (~ **baγu-t-*) 'сильно, резко выделяться среди других (с положительной стороны)' [29], структурно параллельной ранее выявленной **ba-t-*, от которой, вероятно, и возникло слово *baγatur*, где -(u)γ — тот же формант, с помощью которого образовалось и *batuγ*.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См.: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.

² Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.

³ См.: Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

- ⁴ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929.
- ⁵ Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. Т. 1, § 43 и след.
- ⁶ См.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- ⁷ Döerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. В. II.
- ⁸ Ср.: [7. С. 370; 9. С. 523, 524].
- ⁹ Ibid. 1975. В. IV.
- ¹⁰ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- ¹¹ Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.
- ¹² По нашему мнению, это, скорее, монголизм, восходящий к ст.-письм. монг. форме *baɣatɯɣ* и заимствованный, возможно, через письменные источники Золотой Орды, официальным языком которой почти до конца XIV в. являлся, как полагают, старописьменный монгольский язык. См. об этом: [13. С. 80].
- ¹³ Григорьев А. П. Официальный язык Золотой Орды XIII—XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1980.
- ¹⁴ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911. Т. IV.
- ¹⁵ См.: Эвенкийско-русский словарь/Сост. Г. М. Василевич. М., 1958.
- ¹⁶ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. 1.
- ¹⁷ В этимологическом словаре Э. В. Севортяна [1. С. 85] с учетом материалов тунгусо-маньчжурских языков (в частности, слова *багади*) утверждается, что *batuɣ* ~ *baɣatɯɣ* представляет собой «общеалтайское достояние, если не шире»... Думается, что достаточных оснований для подобных заключений нет.
- ¹⁸ Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ¹⁹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984.
- ²⁰ Menges K. H. Altaic elements in the Proto-Bulgarian inscriptions // Byzantion, 1951.
- ²¹ См.: Уйгурско-русский словарь/Сост. Э. Н. Наджип. М., 1968.
- ²² Иванов С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск, 1980.
- ²³ Дialeктологический словарь якутского языка. М., 1976.
- ²⁴ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980.
- ²⁵ Он же. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
- ²⁶ Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978.
- ²⁷ Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- ²⁸ Относительно этимологии *baqa* ~ *baɣa* 'столб' см. также словарь Э. В. Севортяна [1. С. 40—41]. К указанной группе производных от *baq*-, вероятно, могут быть отнесены и слова типа кирг. *baqa* 'крестовина на верхнем конце мельничной оси, на которой вращается жернов' (по словарю Юдахина, — 'шип, на котором вращается верхний мельничный жернов'), сближающиеся с общетюрк. *baqa* ~ *baɣa* 'лягушка' и относящиеся к вторичным значениям последнего [1. С. 41], что далеко не бесспорно. См. также уйгур. (Хами) *raqa* 'шип у мельничного жернова', лобн. *raqaɣuɣ* 'верхняя часть основы в мельничном жернове'.
- ²⁹ Что касается конечного элемента *-uɣ*-, то он в многосложных основах глаголов якутского языка «гораздо чаще оказывается связанным с предшествующим аффиксальным согласным, выполняя роль лишь некоторого придатка или усилителя формы» [30. С. 76]. Возможно, в приводимом глагоде *-uɣ*- как раз и выступает в качестве такого усилителя.
- ³⁰ Харитонов Л. Н. Типы глагольной формы в якутском языке. М.; Л., 1954.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ИШТВАН ВАШАРИ

ЗАМЕТКИ О ТЕРМИНЕ *TARTANAQ*
В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

В изучении истории Золотой Орды русская и советская тюркология имеют блестящие традиции, заложенные И. Березиным, В. Радловым, А. Самойловичем, А. Якубовским, Б. Грековым и др. Однако, несмотря на постоянный интерес к теме и достигнутые ценные результаты, документы Золотой Орды все еще недостаточно изучены ни в историческом, ни в лингвистическом аспектах. Положение осложняется и отсутствием полноценного издания текстов этих документов, которые разбросаны в различных, иногда труднодоступных старых русских журналах и сборниках, и, что особенно досадно, ошибочное чтение и перевод часто мешают их правильному пониманию. Например, самый старый из сохранившихся в оригинале документов—жалованный ярлык Тохтамыша, данный Бек-ходже в 1381 году, известен науке, кроме устаревших изданий В. В. Григорьева и И. Н. Березина, только в неполном издании А. П. Григорьева [1]. При чтении оригинала в Ленинграде, в ЛО ИВ АН, нами было выявлено много ошибок, касающихся содержания и интерпретации ярлыка. Некоторые из этих ошибок были исправлены А. Н. Самойловичем [2], но часть осталась вне поля зрения этого крупного тюрколога. Интерпретировать исторические факты на основе плохо изданных текстов невозможно, и это доказывает приводимый нами пример. И. Березин читал *Timur Pulad* вместо правильного *tedimiz bulay* 'мы говорили так', и впоследствии В. Д. Смирнов, выдающийся историк Крымского ханства, выдвинул гипотезу о мифическом Тимур Пуладе, хане Золотой Орды [3].

На наш взгляд, важнейшей задачей в настоящее время является собрание золотоордынских документов и их издание в одном сборнике. Татарский ученый М. А. Усманов в своей книге («Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв.». Казань, 1979) собрал большой материал, дал описание, характеристику и анализ всех документов. Ленинградский исследователь А. П. Григорьев опубликовал книгу («Монгольская дипломатика XIII—XV вв.». Л., 1978) и ряд интересных статей о дипломатике Золотой Орды. Однако все еще нет сводного труда, где были бы собраны все документы. В нашей книге, написанной на английском языке («Chancellery of the Golden Horde»), ставится задача: перевести и прокомментировать все изданные, а также неизданные жалованные ярлыки Золотой Орды, Казанского ханства и раннего Крымского ханства до 1552 года, то есть до взятия Казани; на основе этого

материала описать деятельность канцелярии Золотой Орды. Этим трудом мы намеревались подготовить *филологический базис*, столь необходимый и для лингвистических, и для исторических исследований.

В настоящем сообщении рассматривается термин, часто встречающийся в золотоордынских документах. Вообще, слово *tartanaq*—очень малоупотребительно, кроме золотоордынских документов, практически не зафиксировано ни в письменных памятниках, ни в современных тюркских языках [4]. *Tartanaq* всегда употребляется вместе с другим термином—*tamğa tartanaq*, и это сочетание сопровождается названиями различных налогов, пошлин и повинностей, от выплаты и выполнения которых обладатель ярлыка освобожден. В монголоязычных ярлыках, являющихся образцами тюркоязычных золотоордынских документов, мы находим лишь термин *tamğa*, следовательно, *tartanaq*—это добавление к нему. Значение слова *tamğa* хорошо известно: 'налог с оборота, торговая пошлина, взимаемая с товаров'. Чиновник, взимавший эту пошлину, назывался *tamğačī*. *Tamğa* и *tamğačī* (и слова, и означаемые ими понятия) были распространены по всей территории великой монгольской империи, в том числе и в Золотой Орде. Русские слова *тамга*, *таможенник* и *таможня* свидетельствуют о длительном влиянии Золотой Орды. Что же означали слова *tartanaq* и *tartanaqčī*? Австрийский востоковед И. Гаммер-Пургсталь и русский тюрколог И. Н. Березин сделали попытку разрешить этот вопрос, но не смогли доказать свои гипотезы, хотя были на верном пути.

И. Гаммер переводит *tartanaq* как 'die Waggebühr [весовая пошлина]' [5] без всякого примечания, а И. Березин толкует *tamğa tartanaq* как 'тамговые весовые', а *tamğačī tartanaqčī* как 'таможенник, весовщик' [6]. Он еще добавляет, что слово *tartanaq*, вышедшее из употребления, означало 'весы'. «...В Орде взимали пошлину с товаров, и за весы, которые принадлежали правительству, также бралась пошлина» [7]. Как аналогию автор приводит старорусские слова *весовые* или *весчеи* [8]. *Весовое*, *вёсчее* или *весёбное* означало в старину 'пошлина откупщика за торговые весы, важню; плата за взвешиванье на этих весах' [9]. Вслед за И. Березиным Л. З. Будагов в своем словаре дает следующий перевод *tartanaqčī* 'весовщик, чиновник, взимающий пошлину за весы' [10], а В. В. Радлов в своем «Опыте словаря» толкует то же слово как 'помощник сборщика податей' [11]. А. Н. Самойлович не разделял мнение своих предшественников. Он писал: «Я не вижу достаточных оснований понимать «тартнак», как «весовое» (Березин, Фиркович), и склонен сближать этот термин с термином, образованным от той же глагольной основы «тарт»: «тартык» (или «тартыб», «тарту»), «тартук» в значении *подарок, подать*» [12]. Авторитет Самойловича обеспечил его мнению широкое распространение. Так, например, Б. Шпулер в своей монографии разделяет мнение Самойловича, как и Г. Дёрфер, в своем капитальном труде о монгольских и тюркских элементах новоперсидского языка, объясняет *tartanaq* как 'Gewerbsteuer [пошлина с оборота]', следовательно, придает слову то же значение, что имеет и слово *tamğa*. Кроме того, как и Самойлович, он сближает *tartanaq* с *tartuğ*, другим дериватом глагола *tart-* 'ziehen, fortschleppen [тянуть, тащить]' [13]. И новейший «Татарско-русский словарь» толкует старый термин *тартынак* как 'налог, пошлина (в татарских ханствах)', то есть не усматривает в нем никакого специфического значения [14].

Несомненно, оба слова, *tartanaq* и *tartuğ*, являются дериватами глагольной основы *tart-*. Об этом же писали А. Самойлович и Г. Дёрфер. Но *tartuğ* связано с другим значением глагола *tart-* и их нельзя смешивать. Рассмотрим данные о слове *tartuğ*: XV в. Тухфа *tartīq* تارتیق 'подарок'

(8а 13) [15], Навā'й *tartīg* 'мукофот, хадъя [награда, подарок]' [16], староосм. *dartuk* (*tartuk*) 'pişkeş, armağan, takdime [дар, подарок, подношение]' (данные из XIV—XVI вв.) [17]; уйгур. *tartuq*, узб. *tārtiq*, кирг. *tartuŋ* [18]. Все эти слова означают 'подарок, подношение вышестоящему'. Само собой разумеется, что такие «подарки» были замаскированной формой обложения податью. Как видим, слово *tartīg* 'налог в форме подарка' образован из семантического варианта 'тянуть, тащить' глагола *tart-*. Тюркское *tartīg* перешло и в таджикский язык [19], и в старорусский. В последнем слово *тортак* (*тѣртакъ* в Ипатьевском Хронографе под годом 1195) означает четко неопределяемую разновидность налога [20]. Таким образом, значение и происхождение тюркского слова *tartīg* можно считать вполне выясненным.

В то же время исследуемое нами слово *tartanaq* нельзя, на наш взгляд, связывать со значением 'тянуть' глагола *tart-*. Хотя глагол *tart-* первоначально и означает 'тянуть, тащить' в целом ряде старых и новых тюркских языков, достаточно рано появился семантический вариант 'весить, взвешивать'. Это значение особенно распространено в огузских и кыпчакских языках [21]. Рассмотрим несколько примеров: кум. *терезелерде тартмакъ* (*terezelerde tartmaq*) 'взвешивать на весах' [22], карак. *тарезиге тартыѣ* (*tārezige tartıw*) 'то же' [23], ног. *авыр тартув* (*awır tartıw*) 'быть тяжёлым по весу' [24], тат. *бер капчык бодай биш пот тарта* (*bər qāpčıq boday biş pot tārta*) 'мешок пшеницы весит пять пудов' [25] и т. д. При помощи различных аффиксов образованы отглагольные существительные со значением 'тяжесть, вес, гиря; весы', см.: XIV в. кыпч. *tartğač* 'terazi [весы]' [26], XIV в. Идрāk *tartıw/tartı* (طرتو) 'al-mīzān [весы]' [27], чаг. *tartıw* 'тяжесть, вес, гиря' [28], тур. *tartı* 'взвешивание; вес; весы' [29] и т. д. Следовательно, и слово *tartanaq* должно было быть связано со значением 'весить, взвешивать' и обозначало 'вес; весы'. Что касается его морфологического аспекта, то оно является дериватом с аффиксом *-naq*, *-nāk*, по определению М. А. Хабищева, одним «из самых непродуктивных аффиксов древнейшего периода, на котором исследователи почти не останавливаются» [30]. Этот аффикс может присоединяться и к именным, и к глагольным основам. В грамматике древнетюркского языка А. фон Габен, в указателе ДТС и словаре Клосона он не упоминается. Таким образом, в домонгольский период он, по всей вероятности, не существовал даже на диалектном уровне. К. Броккеман приводит лишь один пример на *-naq* (*qırnaq* 'рабыня' у Махмуда Кашгари) [31], но и это слово вряд ли можно считать образованным с помощью суффикса *-naq*, оно, по всей видимости, заимствованное [32]. В современных кыпчакских языках несколько слов содержат этот отглагольный аффикс, например: кар.-балк. *чыгъанакъ* (*çığanaq*) 'колючка' [33], каз. *шығанақ* (*şığanaq*) 'бай, гул [излучина реки]' [34] ← *çığ-* 'выходить'; кум. *туснакъ* (*tusnaq*) 'тюрьма, темница; заключенный' [35], карК *туснакъ* (*tusnaq*) 'залог, заклад, заложенная вещь; заложник; заключение, арест', карТ *туснах* (*tusnah*) 'залог', карГ *туснак* (*tusnak*) 'залог' [36] ← кирг. *тоз-/тос-* (*toz-/tos-*) 'преграждать путь' [37]. Кроме этого, можно привести и другое толкование, хотя и менее вероятное. Предположим, что отглагольный аффикс *-aq* присоединяется к глагольной основе *tartın-*, пассивной форме глагола *tart-*. Подобные случаи обнаруживаются в нескольких словах: Ырк битиг, Кутадгу билиг *töşnäk* 'место остановки/отдыха, гнездовье' ↔ *töşän-* 'стелить, расстилать': [38] Кашгари, Кутадгу билиг *ternäk* 'собрание, общество', тур. *dernek* 'то же' ↔ *terin-* 'собираться' [39] и т. п. Но и здесь,

по нашему мнению, объяснение с аффиксом *-naq* более вероятно, значит: *tüšnäk* ← *tüš-* 'падать, селиться' (а не *töšnäk* ← *töšän-* 'стелить', как полагает Клосон) [40], *ternäk* ← *ter-* 'собирать'. Так или иначе, слово *tartanaq* и семантически, и морфологически вполне объяснимо.

Для полного выяснения семантики и этимологии слова необходимо знать, какой была пошлина, связанная со взвешиванием товаров. В исследовании этой проблемы очень важны современные итальянские и латинские переводы ярлыков, выданных Золотой Ордой итальянским купцам крымских городов Тана и Кафа. Так как все ярлыки были жалованы венецианцам и генуэзцам Крымского полуострова в XIV веке, а все татарские оригиналы утрачены, то по значимости итальянские переводы можно сравнить только с ханскими ярлыками, данными русскому духовенству. Они достаточно изучены и тюркологами и историками, тогда как вышеназванные остались вне поля зрения ученых. Нам удалось исследовать эти документы в собраниях Италии. В связи с термином *tartanaq* наиболее важен ярлык 1347 года, данный Джанибек-ханом венецианцам из города Таны (нынешний Азов). Собственно, это грамота, подтверждающая прежнюю льготную грамоту, данную Узбек-ханом в 1333 году. Цитируемая часть документа позволяет разрешить многие вопросы касательно *tartanaq*: *Façando dretamente mercadantia diebia pagar V. pro C. et anchor si diebia pagar lo pesso dretamente segundo usança prima {del arçento et oro} E selli non vende li comercleri non li diebia tuor niente. Li cari: intrando et enxiano, algun per algun muodo non li possa impaçar. E delli cari diebia pagar el tartanacho segundo usança prima, dello arçento et orro, ne de orro fillado, per li tempi passadi non se pagaua comerclo, ne mo non se diebia pagar. Delle cosse che se pessa cum lo canther, per lo comercler e per lo consolo se diebia meter çuste persone, li qual diebia pessar zustramente, e pessando çustramente, li diebia pagar V. pro C. ella rassion del kanter* 'Занимаясь законной торговлей, они [т. е. венецианцы] должны по закону платить 5 процентов, а также весовую пошлину (*pesso*), согласно прежнему обычаю. Если они не торгуют, таможенникам взимать ничего не дозволено. Каким бы то ни было образом препятствовать [свободному] въезду и выезду повозок не разрешается. С повозок надо платить *tartanak* согласно прежнему обычаю. Как в прошлом не платили торговой пошлины (*comerclo*) с серебра и золота и золотой нити, так и сейчас не надо платить. Для взвешивания с кантарем товаров таможенник и консул [глава итальянской общины] должны поставить справедливых людей, которые обязаны взвешивать честно. А за честное взвешивание им надо платить 5 процентов и [известную] часть кантаря' [41]. Практически те же слова повторяются в утвердительном ярлыке Бердибек-хана, данном венецианцам Таны в 1358 году [42]. Термин *tartanaq* (в форме *lo tartanaco*) упоминается и в грамоте Рамадана, золотоордынского правителя города Солгата, жалованной венецианцам в 1356 году [43]. В первой грамоте Джанибек-хана из 1342 года термины *tamğaçi tartanaqçi* переведены на латинский язык как «*comerclarijs et illis de Tartanacho*» [44]. Эти тексты содержат некоторые факты, помогающие выяснить проблему формы *tartanaq*. Во-первых, *tartanaq*, как свидетельствует итальянский перевод, несомненно означает 'вес'. Один раз в итальянском тексте термин оставлен без перевода, но к нему прибавлен итальянский аффикс существительных *-o* (*tartanacho*), в другой раз переведен как *pesso* 'вес'. Во-вторых, сумме этой весовой пошлины невозможно определить по данным, имеющимся в нашем распоряжении. Можно лишь сказать, что торговая пошлина (*tamğa*) составляла 5 процентов от цены товара и взималась «согласно

прежнему обычаю». Это выражение—перевод татарского *burunğı yosunıca*. Сумма денег или количество товарной пошлины зависели от сорта товара. Из текста видно, что таможенник (*tamğaçi* = итал. *comercier*), как государственный чиновник, вместе с консулом города выстав- лял двух помощников, которые взвешивали товары и взимали пошлину. Это и были *tartanaqçı*. Пошлина состояла из постоянной части, то есть 5 процентов товара (*tamğa*) и обменной части (*tartanaq*). Последняя определялась в зависимости от сорта товара: по различным сортам то- варов платилась различная часть кантаря, то есть единицы весовой ме- ры. Таким образом, можно сделать вывод, что товары на базарах и в таможенных Золотой Орды взвешивались на весах. По-видимому, общим термином для обозначения весов был *tartanaq*. Как в русском языке име- ются слова *вес* и *весы*, так и татарское слово *tartanaq* обозначало оба эти понятия. Развитие значения вполне понятно: вес (предмет) → весы (инструмент взвешивания). Но в итальянском тексте упоминается слово *canther*, заимствованное из тюркского оригинала. *Qantar*—общезвест- ное название единицы весовой меры в мусульманском мире. Арабское *qinṭār* встречается уже в тексте Корана. Эта мера служила для взвешива- ния тяжелых товаров и первоначально использовалась главным обра- зом для взвешивания золотых монет [45]. Ценность *qantar* изменялась в зависимости от места и времени, она колебалась между 40 и 60 кг. У османских турок, например, кантар был равен 56,443 кг [46]. Название этой единицы меры вскоре стало обозначать и инструмент взвешивания во многих тюркских языках, так, например, в османском: *kantar* 1. 'еди- ница весовой меры', 2. 'специальные весы'; *kantarçı*, *kantar ağası* 'весов- щик'; *kantariyye*, *kantarlık*, *kantar parası* 'пошлина, уплаченная продав- цом за право пользования общественными весами' [47]. По-видимому, *qantar* был самым распространенным видом весов и в Золотой Орде. *Tartanaq* был общим, а *qantar* специальным термином. *Tartanaq* явля- ется официальным словом, употребляемым только в официаль- ных документах, а слово *qantar* использовалось в разговорной речи. Именно этим объясняется тот факт, что слово *tartanaq* не вошло в рус- ский язык, но тюркское *qantar* было заимствовано в русский язык и с XV века постоянно встречается в памятниках. Русское слово *контарь/ кантарь*, подобно татарскому термину, служило для обозначения и веса, и весов. Как мера веса контарь был равен 2,5 или 3 пудам. Им назы- вались также ручные весы, у которых точка опоры была постоянной, а гиря подвижной [48]. *Контарные деньги* и *контарное* как 'пошлина, взи- маемая с контаря веса', также были известны в Древней Руси [49]. Кстати, заметим, что названия двух других разновидностей весов *без- мён* и *тёрези/терезá* также тюркского происхождения и вошли в старо- русский язык, вероятно, через татарское посредство, как и слово *кан- тарь* [50].

После всего вышесказанного я надеюсь, что нам удалось выяснить и этимологию слова *tartanaq*, и историческую действительность, скры- вающуюся за этим термином. Применяемый нами **историко-филологи- ческий** подход, на наш взгляд, является удачным методом при разъясне- нии исторических терминов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорьев В. В. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. С. 338—339; Березин И. Н. Ханские ярлыки II. Тарханные ярлыки Тохтамыша.

Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851. С. 13—15; Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Тохтамыша//Востоковедение. Л., 1981. Т. 8. С. 126—136.

² Самойлович А. Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана//Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. I. Вып. 58. С. 141—143.

³ Березин И. Н. Ханские ярлыки II. С. 14, 15; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 139—141. Это ошибочное чтение Смирнова было впоследствии исправлено А. Самойловичем в вышеупомянутой статье (см. выше, прим. 2).

⁴ Единственные исключения: XIV в. Идрāk *turtanaq* (طرتق الزكات) ['налог *zakāt*'] (Caferoğlu A. Abū Hayyān. Kitāb al-Idrāk li-lisān al-Atrāk. Istanbul, 1931. С. 63. Употребление *дамма* вместо *фатха*, по всей вероятности, ошибка издателя или же писца. (Но ср. ниже, прим. 27); Булгат *tirtanaq* (طرتق الزكات) ['налог *zakāt*'] (Zajaczkowski A. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'époque de l'État Mamelouk. I-ère partie. Le nom. Warszawa, 1958. С. 53).

⁵ Hammer J. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840. С. 518.

⁶ Березин И. Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850. С. 18 (оттиск из ЖМНП, 1850, № 10); он же. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева//ТВОИАО. СПб., 1864. Т. VIII. С. 472; он же. Ханские ярлыки II. С. 10, 15.

⁷ Березин И. Ханские ярлыки II. С. 28—29, прим. 10.

⁸ Березин И. Внутреннее устройство. С. 18, прим. 63.

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. I. С. 334.

¹⁰ Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. I. С. 348.

¹¹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. III. С. 867. Ранее, в своей статье (Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга//ЗВОИРАО. СПб., 1888. Т. III. С. 23), он перевел *tartanaqçi* как 'таможник', но несколько ниже (С. 35) слово *tartanaq* переведено им как 'весовые'.

¹² Самойлович А. Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга//Изв. Российской академии наук. Пг., 1918. С. 1113.

¹³ Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. Leipzig, 1943. С. 310, прим. 31; Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. Т. II. С. 436 (№ 854).

¹⁴ Татарско-русский словарь. М., 1966. С. 520.

¹⁵ Фазылов Э. И., Зияева М. Т. Изысканный дар тюркскому языку. Ташкент, 1978. С. 388.

¹⁶ Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли лугати. Тошкент, 1984. Т. III. С. 247.

¹⁷ Tarama Sözlüğü. Ankara, 1965. Т. II. С. 1018.

¹⁸ Ғарзӣ Уйғурско-русский словарь. М., 1968. С. 272; тортуқ: Узбекско-русский словарь. М., 1959. С. 445; тартуу: Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 710.

¹⁹ Тортуқ تارتوق Таджикско-русский словарь. М., 1954. С. 397, 621. Ср. еще:

Doerfer G. Указ. соч. Т. II. С. 436—437 (№ 854).

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. IV. С. 87.

²¹ Слово *tart-* в старых памятниках см.: Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. С. 534—535.

²² Кумыско-русский словарь. М., 1969. С. 306.

²³ Русско-каракалпакский словарь. М., 1967. С. 86.

²⁴ Ногайско-русский словарь. М., 1963. С. 337.

²⁵ Татарско-русский словарь. М., 1966. С. 519.

²⁶ Velei Izbudak. El-Idrāk haşiyesi. Istanbul, 1936. С. 46.

²⁷ Caferoğlu A. Указ. соч. С. 62. В другом рукописном экземпляре сочинения Абд-Хайяна (Darülfünun nüshası) слово пишется в форме *turtuq* طرتق

²⁸ Будагов Л. Указ. соч. Т. I. С. 722.

²⁹ Турецко-русский словарь. М., 1977. С. 829.

³⁰ Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971. С. 116.

³¹ Brockelmann K. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mit-telasiens. Leiden, 1954. С. 130.

³² См.: Clauson G. Указ. соч. С. 661.

³³ Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965. С. 230.

³⁴ Shnitnikov B. N. Kazakh-English Dictionary. The Hague, 1966. С. 238.

³⁵ Кумыско-русский словарь. С. 323.

- ³⁶ Караимско-русско-польский словарь. М., 1974. С. 549.
- ³⁷ Киргизско-русский словарь. С. 741, 754.
- ³⁸ Clauson G. Указ. соч. С. 565.
- ³⁹ Clauson G. Указ. соч. С. 551—552.
- ⁴⁰ ДТС. С. 600 правильно читает *tüšnäk*.
- ⁴¹ Венеция, Archivio di Stato, Pacta III, f. 248r и Liber Albus, f. 255r. Документ издан: Hammer J. Указ. соч. С. 517—519; L. de Mas Latrie. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs Mongols du Kiptchak//Bibliothèque de l'école des chartes. 1868. T. XXIX. С. 587—589.
- ⁴² Слово *tartanaq* встречается в формах: *lo tartana* (Венеция, Archivio di Stato, Pacta V, f. 160r) и *lo tartanacho* (там же, Commemoriali, VI, f. 82r). Издание этого документа: Hammer J. Указ. соч. С. 519—521; L. de Mas Latrie. Указ. соч. С. 593—595. В этих изданиях именно наше слово ошибочно прочтено.
- ⁴³ Венеция, Archivio di Stato, Commemoriali V, f. 80v. Издание документа: L. de Mas Latrie. Указ. соч. С. 589—590. Наш термин и здесь ошибочно прочтен.
- ⁴⁴ Венеция, Archivio di Stato, Pacta III, f. 237r (*Tartanacho*): Liber Albus, f. 251v (*tartanaco*). Издание этого документа: L. de Mas Latrie. Указ. соч. С. 585 (наше слово опять с плохим чтением).
- ⁴⁵ Zambaur E. V. Kintär//Enzyklopädie des Islam. Leiden—Leipzig, 1927. T. II. С. 1099.
- ⁴⁶ Hinz W. Islamische Masse und Gewichte umgerechnet ins metrische System. Leiden, 1955. С. 27. (Handbuch der Orientalistik, Ergänzungsband 1, Heft 1).
- ⁴⁷ См.: Redhouse J. W. A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1890. С. 1476.
- ⁴⁸ См.: Даль В. Указ. соч. Т. III. С. 152; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 282—283; Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977. Т. I. С. 469.
- ⁴⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. С. 282.
- ⁵⁰ Даль В. Указ. соч. Т. I. С. 66. Т. IV. С. 400; Фасмер М. Указ. соч. Т. I. С. 144—145. Т. IV. С. 46; Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 74, 319.

Ю. В. ЩЕКА

ЭЛЕМЕНТЫ ИНТОНОЛОГИИ ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ВЫСОТНАЯ МЕЛОДИКА ИНТОНЕМЫ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ФРАЗЫ)

Рассматриваемая ниже проблема соотношения высотной мелодики интонаемы и актуального членения (АЧ) разговорной фразы составляет лишь один частный аспект из того комплекса вопросов, который в общих чертах был затронут в нашем сообщении на XXIX сессии ПИАК.

Под интономемой нами понимается интонологическая единица, соответствующая предложению и опирающаяся на тонально-гармоническое единство фразы, на наличие в ней единого максимума певучести и единого высотно-мелодического максимума. Последний максимум (наиболее высокий тон во фразе) является одновременно одним из двух максимумов синтагм (мелодем), на которые данная фраза распадается. Во всех примерах разделение фразы на синтагмы (или интономемы на две мелодемы) обозначено косой чертой, частота основного тона (ЧОТ) — соответствующими музыкальными нотами (напр., ре I—ре первой октавы, фа м. — фа малой октавы и т. д.), записанных над тем слогом, на который данный максимум приходится. Римской цифрой обозначена ступень лада в тональности данной фразы (вопрос вместо этой цифры означает внеладовый тон). Все данные получены экспериментально, в соответствии с необходимыми требованиями.

Верхняя, или высотная, мелодия фразы, составленная из высотных максимумов каждого слова (каждой тактемы), может быть сведена, прежде всего, к мелодическому ходу (восходящему или нисходящему интервалу) между высотными максимумами двух входящих в интоному мелодем. Проводимое нами исследование верхней мелодии интономемы учитывает результаты, полученные в работе Р. Нэш [1], которая различает несколько таких мелодических ходов (в ее терминологии—мотивов), обладающих лингвистической значимостью. Главные из них: 1) нисходящий интервал в м. секунду — обычный (нейтральный) мелодический ход, не добавляющий никаких дополнительных смысловых оттенков; 2) нисходящая б. секунда — выражает отношение между темой и ремой (первый максимум находится в теме, второй — в реме); оба максимума имеют одинаковую высоту — «мотив одинаковой выделенности», что свидетельствует об одинаковой выделенности обеих мелодем; 4) восходящий интервал — «мотив выделения» показывает, что на второй мелодеме находится больший (по сравнению с первой) акцент и степень выделения пропорциональна величине восходящего интервала [1. С. 82—83]. Всего Р. Нэш выделяет пять мотивов, однако неупомянутый здесь мотив относится, скорее, не к верхней, а к нижней мелодии (мелодии певучести), которая ею специально не выделяется

Остановимся вначале на предложениях с обычным порядком компонентов АЧ (тема+рема) и одновременно из их числа на тех, которые содержат минимум экспрессии и относятся к нейтральному типу речи. В таких высказываниях наблюдается высотная мелодия в виде нисходящей б. или м. секунды, которая интонационно оформляет и сигнализирует тема-рематическое отношение, причем м. секунда, как справедливо отмечает Р. Нэш, передает это отношение в немаркированном виде:

pe 1
IV

до диез 1
III

$$\frac{\phi_a}{V} m.$$

МН, М.
?

Нисходящая б. секунда передает тема-рематическое отношение, как представляется, несколько более выпукло:

си бемоль ля бемоль б.
VI V

ре диез м.
V

до диез м.
IV

ЛЯ М.
?

СОЛЬ М.
VII'

При анализе верхнего мелодического интервала важно учитывать только его величину, но и используемые ступени лада, которые пере-

Как показывает наш материал, в случае усиления экспрессии речи тема-рематическое отношение в повествовательных предложениях типа тема+рема также передается нисходящим интервалом, однако последний увеличивается в целом пропорционально степени этой экспрессии. Так, рассматриваемый интервал может быть октавой (прим. 6), септимой (прим. 7), квинтой (прим. 8). Если учесть, что речевая экс-

прессия может включать в себя множество самых различных интонационных оттенков, то следует уточнить, что большая величина нисходящего интервала в рассматриваемом случае дает лишь максимально ясное интонационное противопоставление темы реме и отнюдь не связана с каким-то дополнительным высотным акцентом на самой реме (поскольку высотный максимум второй мелодемы, т. е. реме, оказывается весьма скромным — он значительно ниже высотного максимума первой мелодемы, т. е. темы):

- ми I ми м.
III III
6. *Yoğurdu//çorbaya kullanırım* 'Я использую йогурт на суп',
ля бемоль м. до м.
IV I

7. *Eeeh onları//sen yaparsın* 'Это сделаешь ты',
ре диэз м. соль диэз б
VI' II

8. *Mutfak döşemesi//muşamba kaplı* 'На кухне пол покрыт линолеумом'.

Промежуточные по степени экспрессивности случаи представлены соответственно промежуточными величинами рассматриваемого интервала, т. е. квартой (прим. 9, 10, 11) или терцией (прим. 12):

- ля бемоль м. ми бемоль м.
IV I
9. *Döşemeler//gıcır gıcır* 'Полы вымыты дочиста',
соль м. ре м.
IV I

10. *Taksi saatiniz//pek çabuk atıyor* 'У вас счетчик работает довольно быстро',
ля бемоль м. ми бемоль м.
I V

11. *Yatak odası//baştan başa kâğıt kaplanmış* 'Спальня все оклеена обоями',
ре диэз м. до м.
I VI

12. *Bugün kentler//taşıma araçlarının çeşidiyle doludur* 'Сегодня города забиты различными средствами транспорта'.

Не останавливаясь специально на гармонической сущности звучащих ступеней лада, отметим лишь своеобразную выделительную роль тоники в примерах 10 и 7 — несмотря на то, что интервал нисходящий и второй тон значительно ниже первого; наиболее коммуникативно значимые слова *pek* 'довольно' и *sen* 'ты' выделяются наличием на них тоники.

В вопросительных предложениях типа тема+рема, а также в некоторых повествовательных предложениях того же типа, содержащих экспрессивно выделяемое отрицание, чаще наблюдается, наоборот, восходящий интервал различной величины:

- до диэз м. ре м.
VII' I
13. *Taksimetre//ne gösteriyor?* 'Что показывает счетчик?'
до м. фа диэз м.
IV VII'

14. *Bu tramvay//Bebeğe gider mi?* 'Этот трамвай идет в Бебек?'
ся бемоль б. фа м.
IV I

15. *Kabahat//bende değil* 'Я не виноват',

до м. фа м.
V I

16. *Bana//bir şeycikler olmaz* 'Со мной ничего не может случиться'.

Интересно, что в повествовательных предложениях с экспрессивно подчеркнутым отрицанием последнее часто выделяется не только восходящим тоном, но одновременно и тоникой (прим. 15, 16). В вопросительных предложениях высотная мелодия может как идти по ступеням доминантсептаккорда (прим. 14), так и содержать гармонический переход от неустойчивости к устойчивости (прим. 13).

Излагаемые закономерности должны рассматриваться как статистические, поскольку возможны и исключения. В нашем материале имеется два таких исключения, когда высотные максимумы в обоих мелодах имеют одинаковую величину — для случая повествовательного предложения рассматриваемого типа пример 17, для случая вопросительного — пример 18:

ля диэз м. ля диэз м.
II II

17. *Biz, şoför milleti//sinirli oluruz* 'Мы, шоферы,—нервный народ',

фа м. фа м.
IV IV

18. *Borcumuz//ne kadar tuttu?* 'Сколько я вам должен?'

Предложения с обратным порядком компонентов АЧ (рема+тема) дают более пеструю картину — наблюдается как нисходящий, так в ряде случаев и восходящий интервал в основном мелодическом ходе верхней мелодии. Здесь важно отметить следующее. Рассмотренные выше предложения с обычным порядком компонентов АЧ (тема+рема) тяготеют к нейтральному типу речи. Для таких предложений, особенно если они не очень распространены, положения теории АЧ и само членение на тему и рему применяются, как правило, довольно легко и однозначно. В предложениях с обратным порядком компонентов АЧ, составляющих особенность разговорной речи, начинает в значительной степени проявляться неоднозначность многих сторон АЧ. Быстро развивающаяся в последние годы лингвистика текста показывает, что вхождение предложения в определенный контекст не может быть описано только лишь выделением темы и ремы сообщения; часто оказывается необходимым выяснение более тонких коммуникативных оппозиций. Так, противопоставления данное — новое, известное—неизвестное, незначительное по важности — важное и другие во многих случаях не совпадают (далеко не всегда левые термы этих оппозиций представлены в теме, а правые — в реме) [3. С. 27]. Особенно это относится ко многим типично разговорным высказываниям с обратным порядком компонентов АЧ. Вытекающая из анализа нашего материала возможность принципиально различного хода верхней мелодии при интонационном оформлении предложений рассматриваемого типа как раз и отражает тот факт, что при изучении разговорной речи нельзя ограничиться лишь членением на тему и рему, необходимо учитывать и дополнительные, более тонкие коммуникативные параметры.

В разговорных высказываниях с субъективным порядком компонентов АЧ в силу ситуативной обусловленности, общей апперцепционной базы говорящих и ряда других особенностей речи выражение темы как таковой становится в некоторой степени избыточным. Поэтому заключительная часть фразы, выражающая тему сообщения, часто нагружается дополнительными смыслами, передающими модально-оценочные нюансы и/или эмоционально-экспрессивные оценки [4. С. 61—62]. В этих случаях интонация оформляет и поддерживает такую экспрес-

сивную нагруженность завершающей части фразы, что проявляется в наличии в верхней мелодии восходящего интервала, т. е. высотный максимум первой мелодемы, выражающей рему, оказывается ниже высотного максимума второй мелодемы, выражающей нагруженную дополнителями экспрессивно-оценочными нюансами тему. Представляется, что величина восходящего интервала пропорциональна степени экспрессивного выделения финальной темы. В примерах 19 и 20 этот интервал составляет секунду. Тема *konukların karşısına* 'к гостям' в примере 19 произносится говорящим с интонационным выделением потому, что он хочет подчеркнуть недопустимость выхода в растрепанной одежде именно к гостям. В примере 20 (типичный случай поляризованной разговорной фразы [5] — в начале ее сосредоточен максимум информации, а в конце, где употреблено коммуникативно ничего не выражающее, но экспрессивно нагруженное слово *veşşelâm* 'в общем', имеется максимум экспрессии) восходящий интервал подчеркивает эту экспрессию конца фразы:

фа м.
III

соль м.
IV

19. *Şapşal gibi çıkacak değilim//konukların karşısına* 'Не могу же я выйти в неряшливом виде к гостям!'

ре диез м.
I

фа м.
II

20. *Oynaktır/havamız vesselâm* 'У нас, в общем, погода изменчивая'.

В примерах 21, 22 и 23 интонационное выделение темы носит еще более яркий характер (рассматриваемый интервал имеет величину кварты и сексты. В примере 21 тема *kulağıma ilişiverdi* 'до меня донеслись' содержит глагол, который как своим лексическим значением, так и употребленной аналитической формой на *-i+vermek* выражает важный в данном контексте способ действия (или оценку говорящим данного действия). В примере 22 употреблен типичный для разговорной речи прием замены экспрессивно нейтрального и избыточного выражения темы соответствующим оценочным словом *şifre* («шифр» — о том, что неразборчиво сообщается по репродуктору на вокзале). В примере 23 восходящий интервал также служит для выражения сильной экспрессии, падающей на конечные слова фразы *bu sözleri canım* 'эти слова, дорогой' (это также пример поляризованного высказывания):

фа м.
III

си бемоль м.
VI

21. *Üçüncü peron sözü//kulağıma ilişiverdi* 'До меня донеслись слова «третий перрон»,

фа диез м.
III

си м.
IV

22. *Tamam, ben söktüm//şifreyi* 'Все, я разобрал этот «шифр» (эту несуразницу)',

си бемоль б.
III

соль м.
I

23. *Şimdi bırakalım//bu sözleri canım* 'Давай теперь оставим эти слова, дорогой'.

С другой стороны, когда финальная тема, оставаясь в значительной степени избыточной, не несет никаких дополнительных экспрессивных нюансов, она может вообще произноситься с минимумом певучести, затрудняющим определение какого-то высотного максимума (прим. 24), либо содержать резкий нисходящий интервал (прим. 25, где этот интервал равен октаве+б. секунда):

24. *Yeni baştan bulaşık yıkama işi/cıkar* 'Будет необходимость заново мыть посуду',
 до 1 до 1 си бемоль
 VII' VII' VI

25. *Gezmek tozmak bile//parayla olur* 'Даже просто пройтись походить (погулять) стоит денег'.

Интересно, что в последнем примере парное сочетание (два глагола, имеющих в данном контексте весьма близкие значения) внутри ремы обладает двумя одинаковыми высотными максимумами на каждом глаголе (их одинаковая интонационная выделенность).

Рассмотренные выше примеры представляют как бы два противоположных, крайних случая — значительная экспрессивно-оценочная нагруженность финальной темы (восходящий интервал), с одной стороны, и избыточность выражаемой темы (большой нисходящий интервал) — с другой. В речи можно найти много фраз, составляющих промежуточные в рассматриваемом отношении случаи. Тогда может использоваться как нулевой интервал (высотные максимумы обеих мелодем одинаковы) (прим. 26, 27), так и нисходящий — различной величины (прим. 28, 29, 30, где имеется нисходящая кварта, ум. квинта, октава+секунда соответственно):

26. *Sonra sırtta hardal yapıştırmak//iyi gelir derler* 'Потом, говорят, поставить горчичники на спину тоже хорошо помогает',
 фа м. фа м.
 III III

27. *Baksanıza//şu Bazen'in Sen nehri kıyısında çocuk adlı tablosuna* 'Посмотрите на картину Базена под названием «Ребенок на берегу Сены»,

фа м. до м.
 VII' ?

28. *Sen şimdi bunu söylemekle//oldun bir balık* 'Вот и ты, говоря так, превращаешься в рыбу',

ре диез м. ля б.
 IV VII'

29. *Açıver kuzum//kapıyı* 'Открой-ка, дорогая, дверь',

ре диез I до диез м.
 VI' V

30. *Bir hafta olmuştu//son geziden dönüşüm* 'Вот уж с неделю, как я вернулся из поездки'.

Отмеченную закономерность в целом можно проследить и в вопросительных предложениях с субъективным порядком компонентов АЧ (рема—вопрос+тема). При отсутствии дополнительного экспрессивного выделения темы наблюдается нисходящий интервал (прим. 31, 32, 33), а при наличии такого выделения — наоборот, восходящий (прим. 34. где говорящий употребляет слово *sanat* 'искусство' с сильным оттенком неодобрения, считая предмет своего суждения несовместимым с этим высоким понятием, а также примеры 35, 36, где слова *böyle* 'так' и *bizim* 'наше' также имеют дополнительное интонационное выделение):

фа диез м. фа м.
 I VII'

31. *Neydi//dün geceki halimiz?* 'А в каком состоянии (имеется в виду усталость от хождения по городу) мы были вчера вечером?'

соль диез м. ре диез м.
 I V
 32. *Ne uğruna//yapılıyor bütün bunlar?* 'Ради чего все это делается?'

соль диез м. фа диез м.
 II I
 33. *Nasıl yaparlar allaaşkına//şu yağurdlu çorbayı?* 'Скажи, ради бога, как готовят этот суп из йогурта?'

си б. фа диез м.
 I V
 34. *Bu da mı//sanat eseri?* 'Это что — тоже произведение искусства?'

си бемоль ре м.
 III V
 35. *Neden//böyle yapıyorsunuz?* 'Зачем вы так поступаете?'

фа диез м. соль диез м.
 (IV) (I)
 36. *Nerede//bizim zamanımızın halis malzemesi?* [6] 'Где (теперь) отличные продукты, что были в наше время?'

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Nash R. Turkish Intonation. Mouton: The Hague—Paris, 1973.
- ² Shooneveld C. H., van. The Sentence Intonation of Contemporary Standard Russian as a Linguistic Structure. The Hague, 1961.
- ³ Николаева Т. М. Лингвистика текста//В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
- ⁴ См.: Щека Ю. В. Об основных закономерностях порядка слов в турецкой разговорной речи//Вестн. МГУ, Востоковедение. 1979. № 3.
- ⁵ О поляризованной фразе см. там же.
- ⁶ Ступени лада относятся к разным тональностям.

Н. К. ТУРНИЯЗОВ

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ГИПОТАКСИСА

(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Целью данной статьи является интерпретация элементарных понятий теории синтаксической деривации на материале гипотактических конструкций современного узбекского языка. При этом следует отметить, что данная теория (т. е. теория синтаксической деривации), несмотря на свою новизну и относительную неразработанность, привлекает внимание многих языковедов, в том числе тюркологов, так как носит общезыковедческий характер и связана непосредственно с реальным использованием языка в коммуникативном процессе.

Вопрос о синтаксической деривации впервые был рассмотрен польским лингвистом Е. Куриловичем в статье «Деривация лексическая и деривация синтаксическая» (1962 г.). По мнению автора, синтаксический дериват — это форма с тем же лексическим содержанием, что и исходная, но с иной синтаксической функцией [1. С. 61]. Интерпретация вопроса о синтаксической деривации предложения не была главной для Е. Куриловича, и потому основное его внимание было уделено деривации лексической (в частности, процессам транспонирования отдельных слов из одной лексической категории в другую).

За последние годы в отечественной лингвистике появился ряд исследований, в которых теория деривации получила дальнейшее развитие на материале не только словообразования, но и предложения [2—6]. При этом отмечаются различные подходы к проблеме синтаксической деривации предложения, что еще раз свидетельствует о ее дискуссионности. Так, И. П. Распопов и С. Н. Сычева под синтаксической деривацией понимают производность одних синтаксических конструкций на базе других путем замещения деривационных (словообразовательных) морфем. Например: Мальчик болен ⇔ Мальчик болеет; Он грустит ⇔ Ему грустно и т. п. [2. С. 66—67].

В. С. Храковский, напротив, предлагает четко отграничить трансформационные отношения языковых элементов от деривационных. По его мнению, производное предложение и по своему грамматическому статусу и по смыслу закономерно должно отличаться от исходного, например: Таня открыла окно ⇔ Бабушка заставляла Таню открыть окно; Ребенок спит ⇔ Ребенок хочет спать [3. С. 2].

Согласно Л. Н. Мурзину термин «деривация» может быть связан только с предложением: исходным материалом деривации и ее конечным продуктом должно быть предложение [4. С. 44]. Так, слово *учитель* следует представить как деривацию предложения в виде: Он учит ⇔ Он тот, кто учит ⇔ Он учитель [4. С. 46].

Таким образом, лингвистическая литература пока еще не располагает однозначной и окончательной дефиницией понятия синтаксической деривации, и потому каждое новое исследование в этой области будет способствовать прояснению того или иного аспекта рассматриваемого вопроса.

Анализируя разнородный фактический материал, мы убедились в том, что любое преобразование одних конструкций в другие (инвариантные) осуществляется путем трансформации, когда между составляющими компонентами трансформируемых конструкций вместо старых синтаксических связей появляются новые; иначе говоря, первоначально происходит трансформационный процесс, а затем уже замена синтаксических связей, т. е. то, что называется синтаксической деривацией. Поэтому считаем, что четкое разграничение деривационных и трансформационных процессов при описании синтаксической деривации — задача довольно сложная. Кроме того, нельзя установить сферу действия синтаксической деривации только в рамках предложения, так как она охватывает весь синтаксис — от словосочетаний до текста. Отсюда трудно согласиться с тем, что исходным материалом и конечным продуктом деривации должно быть предложение.

Деривация может быть фонологической, лексической, синтаксической и семантической — каждая со своими отличительными признаками, обусловленными интерпретацией заданного материала. Например, для синтаксической деривации характерно расширение поверхностной структуры словосочетаний и предложений или же трансформация одной конструкции в другую — производную, тогда как для лексической — употребление в одной и той же дистрибуции слов различных алломорфов или же их вариантов и т. п.

Таким образом, под синтаксической деривацией мы понимаем образование словосочетания или предложения из различных конструктивных элементов, объединенных единым синтагматическим рядом согласно законам синтаксического подчинения и имеющих относительно конечную последовательность цепочек. Расширение структуры словосочетаний и предложений, трансформация одних конструкций в другие составляют парадигму способов синтаксической деривации. В данном случае справедливо следующее замечание С. Ж. Мусаева: «...расширение является одним из основных способов деривационного процесса в синтаксисе, приводящих к образованию многочисленных типов неядерных, распространенных и осложненных конструкций в языке. ...Рассматривая трансформацию не как родовое или собирательное понятие, а как один из способов синтаксической деривации, мы указываем на те условия, которые необходимы, чтобы считать две или больше конструкций в отношениях трансформации» [5. С. 14—15].

Синтаксическая деривация относится к коммуникативному процессу. Производится она на синтагматическом уровне и представляет собой реальное использование языка, а потому теснейшим образом связана с ситуацией, в которой происходит речевой акт. Иначе говоря, любая ситуация, побуждающая к использованию речи, может служить стимулом к порождению нового высказывания. Она включает все предметы мира и все, что в нем происходит [6. С. 51; 7. С. 99].

Попытаемся показать действие синтаксической деривации на материале конкретных гипотактических конструкций. Любой тип гипотаксиса не только в узбекском, но и во многих других языках — это соединение хотя бы двух элементарных предложений, т. е. образование как минимум двух конструктивных частей, одна из которых функционирует как господствующая, а другая — как подчиненная. Однако соединение

этих конструктивных частей происходит сложным путем. В результате одни компоненты преобразуемого сложного предложения получают весьма большие функциональные нагрузки, а другие становятся мало-значимыми. Приведем пример: *Унда ҳозир шундай бир ҳис туғилдики, бу ҳис узоқ айрилиқдан кейин отаси билан кўришганда туғиладиган ҳиснинг айни ўзи эди* (М. Исмоилий) 'У нее сейчас появилось такое чувство, какое бывает у людей при встрече с отцом после долгой разлуки'.

Деривационная история приведенной гипотактической конструкции зависит от следующих элементарных предложений, которые при описании синтаксической деривации будем называть «операндами» — термином, заимствованным у В. С. Храковского [3. С. 489]:

1. *Унда ҳозир шундай бир ҳис туғилди.*

2. *Бу ҳис узоқ айрилиқдан кейин отаси билан кўришганда туғиладиган ҳиснинг айни ўзи эди.*

Безусловно, из этих конструкций синтаксическая деривация гипотаксиса осуществляется посредством трансформации, которая одновременно есть и явление функциональной транспозиции. Иначе говоря, в трансформационном процессе реализуются прежде всего транспозиционные условия, приводящие к тому, что функционально изменяется то предложение, которое теряет свою самостоятельность и становится подчиненным. В данном случае в подчиненное транспонируется самостоятельно употребляемое второе предложение. Транспозитором служит союзный элемент *-ки*, который вводится в состав первого предложения извне. Структурное оформление подчиненного предложения остается прежним. Однако оно функционально изменяется, становясь определителем антецедента (определяемого слова), который выражен в главном предложении словом *ҳис* 'чувство'. В подобных предложениях антецедент повторяется дважды, т. е. в главном предложении локализуется основной, а в придаточном — его дубликат. Последний служит главным образом для конкретизации дополнительной семантической экспликации, выраженной придаточным предложением.

Таким образом, после транспонирования самостоятельного предложения в придаточное создается реальное условие для трансформации, при которой приведенное первое самостоятельное предложение оформляется как главное, а второе — как подчиненное и как результат трансформации рождается дериват, состоящий из двух операндов.

Каждый операнд в рамках гипотактического деривата, хотя и не имеет полной самостоятельности, тем не менее условно может быть назван предложением, состоящим из синтагматических отношений элементов, объединенных вокруг своего собственного предикативного блока. Синтагматическое отношение между операндами устанавливается с помощью вводимого извне союзного элемента *-ки*, вследствие чего в подобных гипотактических конструкциях с определительным значением *-ки* становится самым функционально активным. Иначе говоря, в подобных конструкциях союзный элемент *-ки* является единственной опорой для реализации синтаксической деривации гипотаксиса. В связи с этим назовем его оператором деривации.

Следует также отметить, что порождению деривата в немалой степени способствуют как экстралингвистические, так и паралингвистические факторы. Так, например, ситуацией, при которой производится упомянутый дериват, допускается еще и следующая инвариантная форма, которая вполне приемлема согласно нормам современного узбекского литературного языка: *Унда ҳозир туғилган ҳис узоқ айрилиқдан кейин отаси билан кўришганда туғиладиган ҳиснинг айни ўзи эди* 'Чув-

ство, появившееся у нее сейчас, бывает у людей при встрече с отцом после долгой разлуки'.

Конечно, возникновение парадигм дериватов обуславливается и внутренними законами языка, т. е. собственно языковой ситуацией, так как необходимые элементы для синтаксического конструирования деривата представляются именно ею. Итак, можно сделать вывод, что всякая форма деривата рождается на основе теснейшего взаимоотношения языковой и внеязыковой ситуаций. Однако, как будет употреблена та или иная конкретная форма, зависит главным образом от паралингвистических факторов, куда включается и сам информант. Рассмотрим, например, деривационные возможности следующего гипотаксиса с уступительным значением: *Мактабни ёққани билан энди ҳеч нарсани ўзгартириб бўлмайди* (Э. Маликов) 'Хотя они сожгли школу, все равно теперь ничего не изменится'. В приведенном предложении функции оператора деривации выполняет элемент *билан*, локализованный между двумя операндами гипотаксиса. Но аналогичная передача деривационного оформления гипотаксиса в данной ситуации не является единственным выходом, так как здесь возможны порождения еще нескольких синонимичных форм, в которых полностью сохраняются значение уступительности, выражаемое в исходном предложении, и формальная структура гипотаксиса:

Мактабни ёқишган бўлсада, энди ҳеч нарсани ўзгартириб бўлмайди.

Мактабни ёқишган 'бўлсалар ҳам, энди ҳеч нарсани ўзгартириб бўлмайди.

Мактабни ёқишган бўлсалар ҳамки, энди ҳеч нарсани ўзгартириб бўлмайди.

Мактабни ёқишсин-ёқишмасин, энди ҳеч нарсани ўзгартириб бўлмайди.*

В этих инвариантных формах оператор синтаксической деривации гипотаксиса представлен различными элементами: *-са+да*, *-са+ҳам*, *-са+ҳам+ки* и особой позитивно-негативной формой сказуемого — *ёқишсин-ёқишмасин*. Следует отметить, что оператор в процессе трансформации любой синтаксической конструкции становится «абсолютным хозяином» деривации [З. С. 499]. При этом он может быть представлен полноценным словом (последогом, самостоятельным союзом, относительным местоимением, особой формой сказуемого) или же отдельным аффиксом. Например, в предложении *Дарахт барги тагидан тўкилса, қиш енгил келади* (Ҳ. Усмонов) 'Если листья с деревьев начинают падать снизу, то зима будет мягкой' оператором является аффикс *-са*, выполняющий ряд синтаксических функций: оператора деривации, организатора синтаксической связи между операндами гипотаксиса, транспозитора придаточной части. Кроме того, он является основным семантическим маркером условного значения гипотаксиса, которое во многих случаях выражается дополнительно и союзом *агар* 'если': *Агар дарахт барги тагидан тўкилса, қиш енгил келади*.

Как видно, аффикс *-са*, в отличие от любого компонента приведенного предложения, — самый существенный функциональный элемент, без которого синтаксическая деривация гипотаксиса немислима.

Все сказанное приводит нас к следующим выводам:

* Все эти инвариантные формы на русский язык переводятся подобно исходному предложению либо словом *хотя*, либо конструкцией *несмотря на то что*.

1. Синтаксическая деривация является общелингвистической теорией, отражающей реальное использование языка в коммуникативном процессе. Она имеет большое значение в интерпретации не только структурной организации, но и характера вариативности любого высказывания.

2. Деривация простого предложения может быть результатом расширения синтаксической структуры либо сжатия или перестановки ее компонентов. Гипотактическая же конструкция — это синтаксическая деривация, реализованная соединением элементарных предложений под давлением механической трансформации.

При описании синтаксической деривации предложения, в том числе и гипотаксиса следует прежде всего установить оператор, который в конечном итоге становится ее абсолютным хозяином.

3. Синтаксическая деривация любого предложения происходит в окружении как экстралингвистических, так и паралингвистических факторов. В этой связи конкретная реализация той или иной ее формы в значительной степени зависит и от внеязыковых факторов, а потому каждый дериват — это результат синтаксической деривации.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // В кн.: Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.

2. Распопов И. П., Сычева С. Н. Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия // Науч. докл. высш. школы. Сер. филол. наук. 1974. № 3.

3. Храковский В. С. Трансформация и деривация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

4. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка. Пермь, 1974.

5. Мусаев С. Ж. Структурно-функциональные типы и семантика причастных конструкций в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

6. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М.: Наука, 1979.

7. Фриз Ч. Значение и лингвистический анализ // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1962. Вып. 2.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

РУССКО-КАЗАХСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АЛМА-АТА: НАУКА, 1985. 220 с.

Достижения в области изучения проблем общей фразеологии и фразеологии конкретных языков, в том числе и тюркских, а также значительная работа по собиранию и систематизации фразеологического материала многих языков создали хорошие предпосылки для развертывания его словарной разработки и, следовательно, для возникновения новой отрасли языкознания — фразеологии (параллельно с лексикографией). Первым из фразеологических словарей тюркских языков был одноязычный словарь Л. Залая, Н. Бургуновой, Л. Махмутовой «Татарская фразеология, пословицы и поговорки» (Казань, 1957). Оживление работы по составлению фразеологических словарей тюркских языков, в особенности двуязычных словарей, наблюдается в последние десятилетия, что вызвано самой жизнью — развитием национально-русского двуязычия, усилением роли русского языка как языка межнационального общения, усилением борьбы за овладение фразеологическим богатством национальных и русского языков, за высокую культуру речи.

«Русско-казахский фразеологический словарь» (Алма-Ата. 1985) в истории казахского языкознания представляет собой первую попытку сопоставления богатой фразеологии русского языка с весьма разнообразной казахской фразеологией.

Анализируемый словарь отличается от однотипных с ним словарей характером словника, т. е. состава включенных в него фразеологических единиц языка оригинала: в большинстве существующих русско-казахских фразеологических словарей русская часть словника отражает с той или иной полнотой фразеологический состав, зафиксированный в зарамбовой части Большого Академического словаря современного русского литературного языка (тт. I—XVII. М.; Л., 1950—1965), Малого Академического словаря русского языка (тт. I—IV. М. I изд., 1957—1961; М. 2 изд., 1981—1984), Словаря русского языка С. И. Ожегова, а после выхода в

свет «Фразеологического словаря русского языка» (М., 1972) под редакцией А. И. Молоткова за основу словника в русской части берется состав фразеологизмов данного словаря. Что касается рассматриваемого словаря, то в нем принципы отбора фразеологического материала русского языка для включения в словник и фразеологической разработки во многом отличаются от тех же принципов в других русско-казахских словарях. По существу, своеобразие подхода к отбору фразеологизмов языка оригинала связано с толкованием составителями Словаря предмета фразеологии. Они «исходят из наиболее широкого понимания объекта фразеологии как сочетаний лексем, являющихся номинативными единицами, вне зависимости от присущей им степени устойчивости (предсказуемости компонентов) или идиоматичности (семантического преобразования компонентов)» [с. 6]. Вполне естественно, авторский коллектив должен был выработать более или менее прочные критерии для оформления словника Словаря. На наш взгляд, эти критерии определены правильно. В качестве одного из важных критериев включения в Словарь того или иного русского фразеосочетания выдвигается так называемый порог идиоматичности, предполагающий в составе сочетания наличие компонента с коннотативной мотивированной семой, иначе говоря, слова с фразеологически связанным значением (напр., *время не ждет, золотые руки, живая сила, язык вопросов*), а в некоторых случаях присутствия в сочетании компонента с депотативной лексемой, т. е. слова, имеющего номинативно-производное значение (напр., *выйти из печати, государственная машина*).

Составители Словаря при определении состава его словника, кроме признака идиоматичности, учитывали также важные свойства фразеосочетаний, как общность и частотность их употребления. Этим объясняется, что в Словаре занимают большое место словесные соединения типа

младший брат, старший брат, из года в год, без конца, битый час, более или менее, большой вопрос, в основном, горячее время, давать отпор, единственное число и т. п.

Учет частоты употребляемости фразеосочетаний языка оригинала — это важное качество анализируемого Словаря; как утверждается в части «Принципы составления словаря», для большей части включаемых в Словарь фразеосочетаний (80%) использован критерий частотности. Несомненно, это в условиях отсутствия частотных фразеологических словарей русского языка потребовало от составителей огромных усилий. Следует указать еще на одну имеющую большое значение особенность Словаря — это последовательный учет его редакторами и авторами явления межязыковой идиоматичности, т. е. идиоматичности относительно языка перевода (в данном случае относительно казахского языка). Принятие во внимание признака межязыковой идиоматичности — это совершенно новый, по нашему мнению, перспективный подход к теории и практике двуязычной фразеологии.

Авторским коллективом «Русско-казахского фразеологического словаря», надо сказать, проделана большая работа по реализации принципов перевода фразеосочетаний, разработанных им на основе богатого опыта двуязычной фразеологии, всестороннего учета степеней русско-казахской идиоматичности. В Словаре для перевода фразеосочетаний использовано пять видов их соответствий в казахском языке: эквивалентные, аналогичные, описательные, комбинированные и абсолютные эквиваленты.

Эквивалентные соответствия — это казахские фразеосочетания, адекватно передающие значения фразеосочетаний русского языка. При этом казахские эквиваленты могут отличаться от русских сочетаний лексем по грамматическому строению. Так, например, единственное число употребляется вместо множественного (*получать голоса где, кого, чьи дауыс алу; оставить в дураках кого ақымақ етіп кету* и др.

Слой фразеологии, поддающийся точному переводу, не так уж многочислен в фразеологическом составе любого языка, и материал «Русско-казахского фразеологического словаря» показывает, что многие фразеосочетания, использованные для перевода, совпадают по смыслу с русскими фразеологическим составом любого языка, и лексико-грамматическим составом, связанным с различиями в образной структуре. В таких случаях фразеологические эквиваленты уступают место фразеологическим аналогам. Использование аналогичных соответствий, как свидетельствуют переводы, осуществленные в рассматриваемом Словаре, обеспечивают столь же адекватный перевод, как и в случае существования полного фразеологического эквивалента.

Обратимся к примерам: *в чем душа держится құр сұлдері гана бар; еле переводить дух екі шығынан дем алу, сілесі қату; брать сторону біреуге бүйрегі бұру; встать с левой ноги сіркесі су көтермеу; говорить без умолку жағы сембеу, тілі мен жағына сүйену* и т. д.

В языке перевода не всегда имеются фразеологические эквиваленты и аналоги для перевода иноязычных фразеологизмов. И дословный перевод («абсолютный эквивалент») может оказаться нежелательным, поскольку приводит к малопонятному буквализму. В этом случае смысл фразеосочетания передается путем объяснения или описания. Разумеется, такой способ перевода связан с утратой образности, экспрессивно-эмоциональных свойств переводимых фразеосочетаний. «Русско-казахский фразеологический словарь» также нередко прибегает к использованию описательных соответствий для передачи значений русских фразеосочетаний. Например: *быть за семью печатями ақылға қонымсыз, түсініксіз, шым-шытырық болу; гора с плеч [свалилась] ықыты басып тұрған ауырлықтан арылғандай болу, жүрегі орнығып, жеңілденіп қалу; горящая путевка күйіп бара жатқан жолдама [уақыты етіп бара жатқан жолдама]; как в воду глядел күні бұрыя білгендей, көзімен көргендей.*

Составители разбираемого Словаря при переводе русских фразеосочетаний в целях более глубокого раскрытия их значения в ряде случаев применяют комбинированный способ перевода, т. е. смысл сочетаний лексем русского языка раскрывают, совмещая одновременно перевод при помощи аналогов с объяснением (толкованием) их содержания. Например: *бить в одну точку қабалға жерінен қан алу* [бүкіл күш-жігерді бір мақсатқа жұмсау]; *долгая (длинная) песня ұзақ сонар* [өңбейтін, бітпейтін іс туралы]; *дух времени замана тынысы* [заманның рухани қасиеті/ерекшелігі] и т. п.

Комбинированный способ перевода при разработке словарных статей следует считать приемлемым особенно в тех случаях, когда отсутствуют толковые фразеологические словари языка перевода и двуязычные фразеологические словари являются единственным справочником по фразеологии. Кроме того, нельзя упускать из виду и то, что отдельные фразеосочетания, в особенности фразеологические кальки, не сразу становятся достоянием международного языка. Поэтому значение этих устойчивых словесных комплексов на первом этапе их бытования уместно комментировать.

В качестве пятого вида казахских соответствий русских фразеосочетаний, как было отмечено, выделены так называемые эк-

виваленты, которые выступают как их буквальные переводы. Существование абсолютных эквивалентов, по-другому, полных фразеологических калек, вызвано тем, что казахи в процессе постоянного контакта с русским населением заимствуют фразеосочетания путем дословного перевода, т. е. калькированием. Например: знять как свои пять пальцев бес сауағындай білу; зуб на зуб не попадает тісі тісіне тимеу; один к одному бірі бірінен өткен, біріне бірі сай; глаза на лоб полезли екі көзі шарасынан шықты и т. д.

Калькирование фразеологизмов применимо лишь в тех случаях, когда оно не ведет к образованию трудно понимаемых, неестественных для языка выражений. Игнорирование сложившихся норм словоупотребления, как правило, приводит здесь к буквализму. Например: глубокий голос қою дауыс; верить в свою (счастливую) звезду бақыт жұлдызына сену.

Структура как русской, так и казахской части словарных статей Словаря отличается стройностью, простотой и доступностью. В нем избрана система алфавитного расположения фразеологического материала русского языка. Причем в расположении единиц по алфавиту учитываются не только начальные и последующие буквы первого слова, но и последовательность буквенного состава других компонентов фразеосочетаний.

Приводимые в словарных статьях сведения о русских фразеосочетаниях подчинены одной цели — помочь казахам лучше и глубже усвоить фразеологическое богатство русского языка. Стилистическая характеристика фразеосочетаний, указания с помощью вопросов на особенности глагольного управления при глагольных фразеосочетаниях, на согласование с определением, на одушевленность или неодушевленность замещаемого сочетанием существительного, последовательное отражение видовых форм глаголов и др. — все это повышает значимость Словаря для пользующихся им, делает его ценным пособием по культуре русской речи.

Система подачи синонимичных и вариантных фразеосочетаний русского языка, а

также варьирующихся слов, входящих в их состав, отражение в словарных статьях различий в способах действия и временах глаголов, видовых форм глаголов характеризуются последовательностью и четкостью.

До конца продумана структура казахской части словарных статей. Последовательно разграничиваются варианты фразеосочетаний казахского языка. Они даются в алфавитном порядке через запятую: вступать (вступить) в связь (контакт) с кем, с чем байланыс орнату (байланыс жасау, қарым-қатынаста болу). Синонимичные фразеосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой: бросать (бросить) тень на кого, на что кір келтіру; күдік туғызу.

В Словаре особо выделены видовые формы русских глагольных фразеосочетаний, требующие разных эквивалентов в казахском языке. В этих случаях вторые эквиваленты, относящиеся обычно к совершенному виду русского глагола, помещаются рядом с первыми эквивалентами в круглых скобках: решать (решить) проблему проблеманы шешу (шешіп беру).

«Русско-казахский фразеологический словарь» как первый опыт создания двуязычного фразеологического словаря в казахском языкознании, разумеется, не лишен отдельных недоработок и недостатков. Мы здесь не ставим цели остановиться на них. Однако считаем нужным указать на то, что Словарь значительно выиграл бы, если бы в нем была иллюстративная часть, показывающая употребление русских фразеосочетаний в речи. Конечно, иллюстративный материал вызвал бы увеличение объема Словаря, но зато его включение в словарные статьи повысило бы филологическую достоверность и ценность книги. У хорошего Словаря — большое будущее, мы полагаем, что за первым изданием последуют второе, третье... В них, думается, мы увидим примеры использования фразеосочетаний в языке произведений устного поэтического творчества, художественной и публицистической литературы.

Б. А. Абилхасимов, М. Ф. Чернов

МУСА ИСЛАМОВ. ТҮРК ДИЛЛЭРИНДӘ ӘВЭЗЛИКЛӘР

БАКЫ, 1986. 202 с.

Рецензируемая книга М. Исламова «Местоимения в тюркских языках» посвящена исследованию местоимений в диахроническом аспекте на основе изучения диалектного материала азербайджанского языка. Автором зафиксированы все местоимения, встречающиеся в азербайджанских диалектах и говорах, выявлены многие новые, до сих пор неизвестные факты и формы, получившие в работе соответствующее объяснение.

В монографии раскрываются все смысловые оттенки каждой местоименной формы, определяется состав и структура сложных местоимений, устанавливается их этимология. Следует отметить, что данная работа — первая в тюркологии весьма удачная попытка исследования местоимений в диахроническом аспекте на основе сочетания историко-этимологического, сравнительного и описательного методов изучения. Не довольствуясь лишь описанием наблюдаемых фактов, автор объясняет природу, этимологию, сущность местоимений и их форм, раскрывая их семантику, рассматривая взаимовлияние диалектов в процессе исторического развития языка. При установлении этимологий тех или иных местоимений им привлекаются данные древнетюркских памятников, современных тюркских языков и их диалектов.

Во введении кратко излагаются различные точки зрения на местоимения, высказываемые азербайджанскими лингвистами. Привлекает внимание мнение М. Исламова, высказанное им относительно классификации местоимений по разрядам, а также по поводу определительных и притяжательных местоимений.

При исследовании личных местоимений рассматриваются вопросы, связанные с их происхождением и взаимоотношением с указательными местоимениями; в сравнительно-историческом плане рассматриваются их семантика и специфические особенности склонения.

М. И. Исламов наряду с литературными формами фиксирует и такие формы, как *ман, сан, бан, мен, сен, ол, хо, һу, у; буз, сүз, олар, оннар, уннар, холар, олар*. Не ограничиваясь статистикой, учетом, регистрацией личных местоимений, он обращается к их описательному и сравнительно-историческому изучению.

Выявление форм *ман, сан* I и II лица помогает правильному решению некоторых спорных вопросов. Выводы М. И. Исламова об образовании местоименных форм дательного падежа *манга, санга, мага, сага, маңа, саңа, ма̇, са̇* из *ман+га, сан+га* — убедительно аргументированы на основе конкретных языковых фактов.

Книга М. И. Исламова будет способствовать выяснению и уточнению некоторых

спорных вопросов исторического развития азербайджанского языка и его современного состояния.

Как известно, звук *н* в III лице множественного числа местоимения *онлар* в грамматиках азербайджанского языка рассматривается как соединительный согласный. М. Исламов приводит убедительное доказательство того, что первый компонент этого слова *он* представляет собой одну из древних форм личного местоимения III лица множественного числа.

Автором монографии выявлен ряд особенностей склонения личных местоимений, отсутствующих в других тюркских языках и древних памятниках (*манув, сәнүв, мәниң, сәниң, онуң* — род. п.; *менги, сенги, маји, сәји, оји* — вин. п.).

Один из интересных разделов рецензируемой книги — раздел об указательных местоимениях. Здесь рассматривается связь указательных местоимений с личными, выявляются семантические особенности этих местоимений, определяется их структура, раскрывается этимология. Весьма интересен раздел, посвященный сложным и производным формам указательных местоимений. Автор путем этимологического анализа устанавливает, что большинство сложных форм образовано из сочетаний двух, трех, а иногда и четырех указательных местоимений (*от, бута, одурана, будурана, отана, бутана*), а также сочетанием указательных местоимений с именами существительными (*оғал, буғал, о ғылых, бу ғылых* и т. д.). Ряд сложных указательных местоимений образуется путем сочетания простых указательных местоимений с различными междометиями и частицами (*одеј, будеј*), а также с помощью послелога *кими* (*һәлә кими, һәләм кими*). Представляется значительным установленный автором факт сохранения в составе сложных местоимений таких древних местоименных форм, как *te//tu//ty//ta*. Эти формы в диалектах и говорах самостоятельно не употребляются. Анализ их, несомненно, имеет важное значение для изучения истории не только азербайджанского языка, но и тюркских языков вообще.

М. И. Исламовым также установлено, что компонент *һа*, встречающийся в составе сложных местоимений типа *һабу//һабы, һао//һау* в северной группе диалектов, самостоятельно употребляется в функции указательного местоимения. Это заключение способствует решению некоторых спорных вопросов азербайджанского языкознания.

Особый интерес представляет этимолого-структурно-семантическое исследование вопросительных местоимений. М. И. Исламовым впервые анализируются сложные вопросительные местоимения типа *намага, нән, нәјнүз, нәләл//нәләнә, нәјисә, нәи,*

катана, хагал, ванчары//хэнчери, нөхүк и т. д. Заслуживает внимания вывод автора относительно древности всех трех форм вопросительных корней *ha, han, haj*.

В новом аспекте изучены М. И. Исламовым возвратные местоимения и различные их формы. Автор книги установил в диалектах и говорах азербайджанского языка слово *кэнди//қэнди*, синонимичное с местоимением *өз* литературного языка. Предложенная им новая этимология слова *кэнди* представляется более убедительной, нежели традиционная. М. И. Исламов установил в составе этого местоимения наличие окаменелого древнейшего указательного местоимения *ти*. Доказывается также сохранение древнего местоимения *ти* в составе указательных местоимений *ота, бута, отана, бутана*.

Особое значение имеет выявление автором в азербайджанских диалектах форм возвратных местоимений *мен маға, сен саға, мен мени, сен сени*, образованных путем повторения личных местоимений. Замечания М. И. Исламова относительно этих древних форм возвратного местоимения привлекают своей новизной. Подкрепляя свою точку зрения фактами истории азербайджанского языка, автор заключает, что возвратные местоименные формы, образованные с помощью падежных аффиксов из личных местоимений, имеют важное значение не только для сравнительного изучения тюркских языков, но и могут служить ценным материалом для типологических исследований.

В процессе изучения М. Исламовым выявлены интересные особенности в употреблении неопределенных местоимений. В книге впервые зафиксирован и рассмотрен целый ряд неопределенных местоимений, характерных для диалектов и говоров азербайджанского языка. Исследователем доказано, что часть неопределенных местоимений образовалась на основе вопросительных местоимений. Одни из них возникли путем присоединения к вопросительным местоимениям аффиксов или слов с самостоятельным значением, другие же — в

результате сочетания различных местоимений, а также путем присоединения аффикса принадлежности III лица к вопросительным местоимениям и числительному *бир*.

М. Исламовым выявлены в азербайджанских диалектах местоимения типа *һәр куш-дә//һәр кеш, һәр газда*, отсутствующие в литературном языке. Впервые исследовано употребление в функции неопределенного местоимения форм *о—бу, мэн—сэн, мәннән—сәннән*, образованных сочетанием двух местоимений, а также форм, представляющих сочетание личного местоимения и послелога (*мәним кимиси, сәнин кимиси, онун кимиси*).

Автором выявлены и проанализированы некоторые отрицательные местоимения, рассмотрены способы их образования и, что весьма важно, установлены факты функционирования некоторых парных слов и фразеологических выражений в качестве отрицательного местоимения.

Один из ценных разделов монографии — раздел, посвященный анализу взаимоотношения местоимений с другими частями речи. Впервые в азербайджанском языкознании М. И. Исламовым тщательно изучены особенности употребления различных частей речи в функции местоимения, а также использование местоимений в функции других частей речи. На основе наблюдений этих явлений автором анализируется ряд конкретных фактов и устанавливаются определенные закономерности, позволяющие решить ряд сложных вопросов морфологии азербайджанского языка. Выдвинутые М. Исламовым новые тезисы и его оригинальные суждения имеют важное значение для тюркологии в целом.

Рецензируемая книга М. И. Исламова является капитальным исследованием по тюркологии. Несомненно, она будет с интересом и пользой прочитана не только азербайджанскими языковедами, но и специалистами других языков.

Р. Дж. Магеррамова,
С. А. Абдуллаева

А Н Н О Т А Ц И И

ИҮГІНЕКИ АХМЕД. АҚИҚАТ СЫЙЫ: ТУПНУСҚАНЫН
ФОТОҚОШІРМЕСІ, ТРАНСКРИПЦИЯСЫ, ПРОЗАЛЫҚ ЖӘНЕ
ПОЭТИКАЛЫҚ АУДАРМАСЫ/БАСПАГА ЭЗІРЛЕГЕНДЕР

Э. ҚУРЫШЖАНОВ, Б. САГЫНДЫКОВ;
ЖАУАПТЫ РЕДАКТОРЫ І. ҚЕНЕСБАЕВ

АЛМАТЫ: ГЫЛЫМ, 1985. ҚОЛЕМІ 150 БЕТ.

Книга предназначена для ученых-тюркологов, преподавателей и студентов тюркоязычных филологических факультетов вузов, для широкого круга читателей.

«Подарок истин» — это дастан (поэма) дидактического характера. Полное имя автора Адип Ахмед ибн Махмуд Югнаки. Его сочинение, известное под двумя названиями, имеет три списка. Условно обозначаемый образцом «А» список целиком зафиксирован староуйгурской (согдийской) письменностью в 1444 г. Образец «Б» записан параллельно уйгурской и арабской графикой в 1480 г. Третий образец — «С» (дата записи отсутствует) написан по-арабски. Все три образца «Подарка истин» хранятся в Стамбуле. Известный тюрколог Рашид Рахмети Арат, изучив памятник и выявив его отличительные особенности, в 1951 г. издал его на турецком языке. Следует заметить, что перевод уйгурского издания книги, вышедшей в Пекине, был осуществлен на базе турецкого перевода Р. Арата. Языком дастана занимался Э. Н. Наджип, протранскрибировавший его текст.

Строфический . склад «Подарка истин»

составляют и рифмующиеся двустипия, и четверостипия, где рифмуются первый, второй и четвертый стихи. Встречаются и восьмистипия с замкнутой кольцевой рифмой, связывающей первый и восьмой стихи. Эти размеры и организация стиха соответствуют казахским поэтическим формам типа кара олен, канм олен, жыр, толгау и напоминают о родах и видах изначальной тюркской поэзии.

Данное издание «Подарка истин» состоит из четырех частей. Вначале дается транскрибированный текст оригинала, затем следует дословный казахский перевод в прозе, после него — поэтический (стихотворный) перевод в размере казахского одиннадцатисложника, исполненный в строфике дву-, четверо- и восьмистипий. После краткого комментария непонятных слов (82 глоссария) прилагается фотокопия одного из вариантов рукописного текста, условно обозначенного списком «С», оригинала, зафиксированного арабской графикой.

Е. Жубанов, Т. Арынов

РАХИМОВ С. ЎЗБЕК ТИЛИ СУРХОНДАРЁ ШЕВАЛАРИ:
ФОНЕТИКА, ЛЕКСИКА

ТОШКЕНТ: ФАН, 1985. 96 с.

Изучаемые говоры автор, основываясь на их дифференциальных фонетико-морфологических и лексических признаках, делит на три группы: 1 — джекающие (кыпчакские); 2 — йекающие (карлукские); 3 — двуязычные (таджикско-узбекские). Указаны населенные пункты, где проживают представители этих говоров.

Основная часть монографии посвящена анализу фонетических и лексических особенностей сурхандарьинских говоров. Определены специфические особенности гласных и согласных звуков джекающих и йекающих говоров, на основе конкретных фактов изучены такие фонетические явления, как редукция, протеза, эпентеза, эпитеза (с. 44), ассимиляция, диссимиляция,

метатеза, сужение форм слов (с. 60—66).

Лексика сурхандарьинских говоров рассмотрена в сравнении со словарным составом древнетюркских письменных памятников. Выделены характерные для староузбекского языка слова: а) встречающиеся в говорах почти без изменения (*жорап* 'веник'; *игрим/ийрим* 'водоворот'; *мучэк/муччы* 'поцелуй' и др.), б) свойственные древнетюркским письменным памятникам и староузбекскому языку и употребляющиеся в говорах с некоторыми фонетическими и семантическими изменениями, но не встречающиеся в литературном узбекском языке (*кэтэл* 'холм'; *шабыр* 'известие'; *чабра* 'испорченный' и др.), в) характерные только для говоров данной территории, но отсут-

ствующие в литературном языке и в древнетюркских письменных памятниках (*желлик* 'боковое отверстие в тандире'; *санжап* 'спокойствие', 'тишина'; *хоққы* 'грубый', *дажсам* 'ловкий'; *сов* 'ошибка' и др.).

В монографии дана классификация отдельных лексико-тематических групп слов, характерных для изучаемых говоров, а также имеющихся в них общетюркских и

заимствованных (из таджикского и арабского, русского и других языков) лексических единиц.

Работа представляет интерес для диалектологов, а также для специалистов по узбекскому языку.

А. Ишаев, Л. Данилова,
Б. Умиркулов

ОГУЗ-НАМЕ. МУХАББАТ-НАМЕ

АЛМА-АТА: НАУКА, 1986.

Ценность книги заключается в том, что она наряду с научными переводами на казахский язык содержит также тексты оригиналов обеих поэм. В сборник вошли новые исследования этих уникальных памятников с точки зрения отношения их к казахской литературе (составители, переводчики и комментаторы А. Дербисалин, М. Жармухамедов, У. Кумисбаев).

В разделе «„Огуз-наме“ и казахская литература» выдвигается версия о том, что и автор и переписчик поэмы — выходцы из одного и того же племени. Во второй

главе сборника, посвященной поэме «Мухаббат-наме», приводится научный очерк «„Мухаббат-наме“ и казахская поэзия». Авторы исследования считают, что поэма написана в честь Мухаммеда Ходжа-Бека — одного из эмиров Золотой Орды на языке, близком языку Дешт-Кипчака.

Чтобы перевод поэм на казахский язык получился более точным, переводчики пользовались также русскими переводами А. М. Щербака и Э. Н. Наджиба.

К. Сейдаханов

PERSONALIA

ГАЛИНА ФЕДОРОВНА БЛАГОВА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Галина Федоровна Благова родилась 31 августа 1927 г. в городе Москве. В 1950 г. она окончила восточное отделение филологического факультета Московского государственного университета. В числе ее учителей были Н. К. Дмитриев, В. М. Насилов, Э. В. Севортян, Э. Н. Наджип. В 1954 г. Г. Ф. Благова защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV—начала XVI в. (по „Бабур-наме“)». Так началась плодотворная творческая деятельность одного из ведущих тюркологов нашей страны. Г. Ф. Благовой написано и опубликовано 120 работ (более 100 п. л.). В 1982 г. Г. Ф. Благова защитила докторскую диссертацию на тему «Тюркское склонение в ареальном освещении».

С 1956 по 1974 год Г. Ф. Благова работала в редакции журнала «Вопросы языкознания» (издательство «Наука») в должности зав. отделом языков и письменности народов СССР, с 1974 г. и по настоящее

время она — старший научный сотрудник (с 1986 г. — научный консультант) лаборатории тюркологии и монголистики Института языкознания АН СССР.

Как ученого Г. Ф. Благову характеризует значительная широта научных интересов, глубокое теоретическое и научно тщательно организованное раскрытие любой проблемы.

Широко известны работы Г. Ф. Благовой по истории средневековых тюркских литературных языков Средней Азии и их исторической диалектологии, исторической грамматике узбекского языка, сравнительно-исторической морфологии тюркских языков, ономастике, истории тюркологии и др. Большая научная заслуга Г. Ф. Благовой в том, что ей удалось связать единой концепцией и тщательно разработанной методикой ареально-исторический подход к исследованию грамматической системы и ее лингвистический анализ. Здесь особо следует выделить ее монографию «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (юго-восточный регион)» (М., 1982). Строгая комплексная методика, разработанная Г. Ф. Благовой для сопоставимости фактов синхронии и диахронии, письменных памятников и современных диалектов, имеет принципиально важное общетюркологическое значение.

Последовательно и глубоко исследован Г. Ф. Благовой один из наиболее интересных памятников тюркского средневековья «Бабур-наме». От лингвотекстологического обследования разных списков и изданий памятника и системного освещения его языковых особенностей был сделан важный шаг к комплексному функционально-стилистическому и системному исследованию других памятников. Это позволило Г. Ф. Благовой предложить лингвостилистическую стратификацию литературного чагатайского языка рубежа XV—XVI вв., определить индивидуальный историко-лингвистический вклад таких деятелей культуры и литературы средневековья, как Навои и Бабур. Особо следует отметить предложенный Г. Ф. Благовой прием расчленения языка средневековых текстов, применение которого приводит к решению

проблемы соотношения истории литературного языка и исторической грамматики того или иного тюркского языка.

Значительный интерес представляет цикл работ Г. Ф. Благовой по сравнительной морфологии тюркских языков (исследования о тюркском аффиксальном плеоназме, формах желательного наклонения, взаимно-совместного залога). В круг научных интересов Г. Ф. Благовой входят проблемы ономастики, история тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках. Успешно работает Г. Ф. Благова в области истории лексикологии, истории тюркологии, принимает участие в создании «Этимологического словаря тюркских языков».

Особо следует отметить деятельность Г. Ф. Благовой в Советском комитете тюркологов. В 1974—1986 гг. она являлась его научным секретарем и много сил вложила

в организацию важнейших тюркологических форумов.

Долголетняя работа Г. Ф. Благовой в журнале «Вопросы языкознания» сыграла большую положительную роль в укреплении научного авторитета отечественной тюркологии.

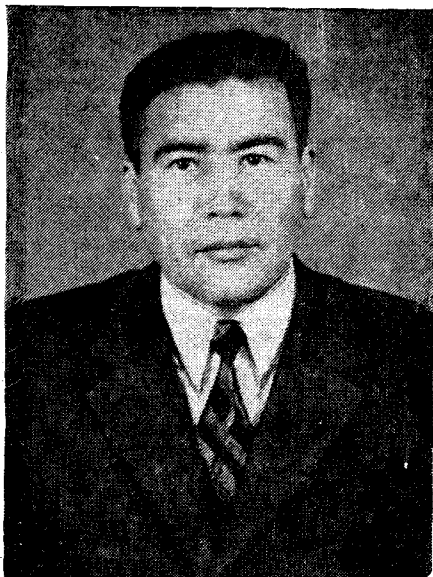
Неоценимую помощь от Г. Ф. Благовой получили многие молодые тюркологи: известна ее принципиальность в отзывах и рецензиях.

Г. Ф. Благова — человек большой культуры, интеллигентности, личного обаяния. Коллеги и друзья, сердечно поздравляя ее с юбилеем, желают ей дальнейшей столь же плодотворной деятельности на благо нашей науки.

*Э. А. Грунина, Л. С. Левитская,
Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев*

ХУДАЙБЕРДЫ ДАНИЯРОВИЧ ДАНИЯРОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет научно-педагогической деятельности видного узбекского языковеда, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой общего языкознания

Самаркандского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени Алишера Навои Худайберды Данияровича Даниярова.

Сын крестьянина, он после окончания сельской школы и педагогического училища работал в совхозе, учительствовал, а затем, в 1951 году, успешно окончил филологический факультет Узбекского государственного университета имени А. Навои (ныне СамГУ) и был направлен в аспирантуру МГУ имени М. В. Ломоносова. В 1955 году в Москве он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Бахмальский говор узбекского языка».

Х. Д. Данияров многие годы вел большую научно-педагогическую и общественную работу в СамГУ, впоследствии руководил Сырдарьинским государственным педагогическим институтом имени Г. Гуляма. В 1977 году Х. Д. Данияров успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Восточно-кыпчакские (джекающие) говоры и их участие в развитии узбекского литературного языка». С 1979 года он вновь работает в Самаркандском университете, вначале профессором кафедры узбекского языкознания, а с 1984 года — заведующим кафедрой общего языкознания.

Х. Д. Данияров — автор более ста пятидесяти научных работ, охватывающих различные проблемы диалектологии, фонетики,

лексикологии, стилистики, этимологии, этнографии, топонимии, истории языка и др. Особенно плодотворны разыскания Х. Д. Даниярова в области узбекской диалектологии и стилистики. Им был организован ряд диалектологических экспедиций по изучению узбекских говоров Самаркандской, Джизакской, Сырдарьинской, Ферганской областей, по материалам которых ученый написал книгу «Шеджере и говоры узбекского народа» (1968), «Староузбекский язык и кыпчакские диалекты» (1976), «Лексика кыпчакских диалектов» (1979), многочисленные научные статьи.

В монографии «Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком» (1975) Х. Д. Данияров рассмотрел ранее не изучавшийся обширный материал по кыпчакским диалектам, сформулировал некоторые теоретические положения диалектологии тюркских языков. Это исследование проливает свет не только на формирование узбекского языка и узбекского народа, но и позволяет глубже проследить историю становления и развития ряда тюркских языков за пределами Средней Азии.

Х. Д. Данияров известен и как этнограф, историк и литературовед. Его книга «Шеджере и говоры узбекского народа», где исследуются этнонимы и названия племен тюркоязычных народов, в свое время вызвала оживленную дискуссию, большой интерес среди научной общественности. Ученый является одним из авторов учебника для вузов «Узбекская советская литература», выдержавшего два издания (1969, 1978). Его книга «Искусство слова» (1962, в соавторстве с С. Мирзоевым)—плод мно-

голетних разысканий в области языка и стиля узбекской художественной литературы и фольклора. Х. Д. Данияров вносит заметный вклад в изучение языка произведений Алишера Навои, что нашло отражение в его работах «Алишер Навои и узбекский язык» (1972), «Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка» (1985).

Большое внимание уделяет Х. Д. Данияров методике преподавания узбекского языка. Он—один из соавторов учебника для вузов по курсу «Современный узбекский литературный язык» (1980), в котором им написаны разделы: «Введение», «Фонетика», «Орфография», «Орфоэпия», «Графика», «Лексикология». Так же в соавторстве им написано методическое пособие «Курсовые работы по узбекской диалектологии» (1985), составлена программа спецкурса «История лингвистических учений» (1984) и др.

Х. Д. Данияров много сил отдает подготовке научных кадров. Под его руководством защищены пять кандидатских и одна докторская диссертация.

За заслуги в научно-педагогической и общественной деятельности Х. Д. Данияров награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Коллеги, друзья и многочисленные ученики Худайберды Данияровича Даниярова сердечно поздравляют его с юбилеем, желают ему доброго здоровья и новых творческих свершений.

Н. А. Шаропов, Б. Юлдашев

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ДНИ ГАГАУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

Тридцатилетию гагаузской письменности, отмечаемому в 1987 году, были посвящены мероприятия, состоявшиеся в Ленинграде.

В лектории Музея этнографии народов СССР прошло расширенное заседание Ленинградского тюркологического семинара, в работе которого приняли участие ученые, деятели культуры из Молдавии. Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, доктор филологических наук Л. А. Покровская выступила с докладом «История создания гагаузской письменности». Гагаузы, численность которых в СССР в настоящее время составляет свыше 173 тысяч человек, в силу исторических обстоятельств обрели письменность только в 1957 г., значительно позже других, в прошлом бесписьменных, тюркоязычных народов Советского Союза. Докладчик рассказала об экспедиционных поездках в гагаузские села Молдавии в конце 40-х—начале 50-х гг. для сбора материала по языку, фольклору, о деятельности гагаузоведческой комиссии АН СССР, организованной в Москве в 1948 году. Ее руководитель — Н. К. Дмитриев в 1948 г. предложил разработанный им на основе кириллицы первый алфавит гагаузского языка, который в то время, однако, не получил признания. Проект ныне действующего алфавита гагаузского языка был создан Л. А. Покровской. Ею же, при участии Д. Н. Танасогло, были разработаны правила гагаузской орфографии, основы литературных норм языка, определена его диалектная база. Начальное обучение на родном языке было введено в гагаузских школах с 1 сентября 1958 г. Были составлены учебные пособия, начали издаваться литературные и фольклорные сборники на гагаузском языке. В 1963 г. появился первый сборник стихов гагаузского поэта Дмитрия Николаевича

Кара Чобана. Сейчас продолжается работа по совершенствованию литературных норм письменного языка, правил орфографии, терминологии, созданию новых школьных учебников, дальнейшему изучению грамматического строя, лексики гагаузского языка, расширяются исследования в области фольклора, этнографии и истории гагаузского населения Молдавии и Украины.

Старший научный сотрудник Отдела этнографии и искусствоведения АН Молдавской ССР (г. Кишинев), кандидат исторических наук М. В. Маруневич рассказала о деятельности созданной при Отделе группы гагаузоведения. В настоящее время ведутся исследования по этнографии гагаузов Молдавии, в села выезжают этнографические экспедиции. В гагаузском селе Бешалма Комратского района создан историко-этнографический музей, основателем которого является Дмитрий Кара Чобан.

Поэт, кандидат исторических наук С. С. Курогло сообщил о работе возглавляемой им гагаузской секции Союза писателей Молдавской ССР.

Кандидат филологических наук, доцент Бельского педагогического института Г. А. Гайдаржи посвятил свое выступление вопросу о возобновлении с осени 1986 г. изучения в гагаузских школах родного языка, остановился на проблемах составления новых школьных учебников, подготовки педагогических кадров.

В музее экспонировалась выставка новых поступлений по этнографии гагаузов.

Состоялась также встреча ленинградских тюркологов и посетителей музея с деятелями гагаузской культуры.

В. Г. Гусев.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Е. З. Кажибеков* (Алма-Ата). Проблемы реконструкции тюркского праязыка: предвечный ракурс 3
Эдвард Трыарский (Варшава, ПНР). О диалектной дифференциации армяно-кыпчакского языка 23
М. Б. Бергельсон, А. А. Кибрик (Москва). Система переключения референции в тувинском языке 30

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Ф. Г. Хисаметдинова, З. Я. Шарипова* (Уфа). Термины башкирской демонологии 46

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- К. М. Мусаев* (Москва). Алтайская гипотеза в свете контактов тюркских языков с языками мира 52

ОНОМАСТИКА

- Ш. Жапаров* (Фрунзе). Киргизские этноантропонимы *Кыргыз, Казак, Ногой, Ўзбек* и *Арап* 60
В. П. Яйленко (Москва). Этноним угров-савартов и оногуры 67

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Зейнеб Коркмаз* (Анкара, Турция). Тюрко-монгольские общности и значение монгольского в изучении тюркских языков 71
Ибрагим Мугъи, Мирсултан Османов (Урумчи, КНР). О родине, жизни и гробнице Махмуда Кашгарского 79
Б. И. Татаринцев (Кызыл). Этимология тюркского названия богатыря (*batur ~ bayatur...*) 90

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Иштван Вашари* (Будапешт, ВНР). Еще раз о термине *tartanaq* 97
Ю. В. Шека (Москва). Элементы интонологии турецкой разговорной речи 104
Н. К. Турниязов (Самарканд). К вопросу о синтаксической деривации гипотаксиса 111

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

- Б. А. Абилахасимов, М. Ф. Чернов* (Алма-Ата). Русско-казахский фразеологический словарь 116
Р. Дж. Магеррамова, С. А. Абдуллаева (Баку). Муса Исламов. Түрк дилләриндә эвэзликләр 119

АННОТАЦИИ

- Е. Жубанов, Т. Арынов* (Алма-Ата). *Йүгінеки Ахмед. Ақиқат сыйы* 121
А. Ишаев, Л. Данилова, Б. Умуркулов (Ташкент). *Рахимов С. Ўзбек тили Сурхондарё шевалари* 121
К. Сейделанов (Алма-Ата). *Огуз-наме. Мухаббат-наме* 122

PERSONALIA

- Э. А. Грунина, Л. С. Левитская, Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев* (Москва). Галина Федоровна Благова 123
Н. А. Шаропов, Б. Юлдашев (Самарканд). Худайберды Даниярович Данияров 124

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- В. Г. Гузев* (Ленинград). Дни гагаузской культуры в Ленинграде 126

C O N T E N T S

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- E. Z. Kazhibekov* (Alma-Ata). Reconstruction problems of Proto-Turkic 3
Edward Tryjarsky (Warsawa, Poland). On dialectal differentiation of the Armeno-Kipchak 23

- M. B. Bergelson, A. A. Kibrik* (Moscow). Switch-reference system in the Tuvinian language 30

FOLKLORISTICS

- F. G. Khisametdinova, E. Ya. Sharipova* (Ufa). The terms of Bashkir demonology 46

ETNOLINGUISTIC CONTACTS

- K. M. Musayev* (Moscow). Altaic hypothesis in the light of contacts between Turkic languages and languages of the world 52

ONOMASTICS

- Sh. Zhaparov* (Frunze). Kirghiz ethnoanthroponyms Kirghiz, Kazak, Nogoi, Uzbek, Arap 60
V. P. Yailenko (Moscow). The ethnonym Ugr-Savart and onogurs 67

DISCUSSIONS

- Zeynep Korkmaz* (Ankara). Turkic-Mongolian commons and importance of Mongolian in the study of Turkic languages 71
Ibraghim Mu'ti, Mirsultan Osmanov (Urumchi, China). On Mahmud Kashgari's native land, life and grave 79
B. I. Tatarintsev (Kyzyl). Etymology of the turkic name of hercules (*batur... bayatur...*) 90

MATERIALS AND NOTES

- Ishtvan Vashari* (Budapest, Hungary). Once more about the term *tartanaq* 97
Yu. V. Sheka (Moscow). Elements of intonation in spoken Turkish 104
N. K. Turniyazov (Samarkand). Towards the question of syntactic derivation 111

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

REVIEWS

- B. A. Abilkhasimov, M. F. Chernov* (Alma-Ata). Русско-казахский фразеологический словарь 116
R. J. Magerramova, S. A. Abdullayeva (Baku). Муса Исламов. Түрк дилләриндә әвэзликләр 119

ANNOTATION

- E. Jubanov, T. Arynov* (Alma-Ata). Иүгінеки Ахмед. Ақиқат сыйы 121
A. Ishayev, L. Danilova, B. Umurkulov (Tashkent). Рахимов С. Ўзбек тили Сурхондарё шевалари 121
K. Seidelanov (Alma-Ata). Оғуз-наме. Мухаббат-наме 122

PERSONALIA

- E. A. Grunina, L. S. Levitskaya, E. A. Potseluyevski, E. R. Tenishev* (Moscow). Galina Fedorovna Blagova 123
N. A. Sharopov, B. Yuldashev (Samarkand). Khudayberdy Daniyarovich Daniyarov 124

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

- V. G. Guzev* (Leningrad). The days of Gagauz culture in Leningrad 126

© «Советская тюркология», 1987.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
 Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 11.09.87 г. Подписано к печати 30.12.87 г. ФГ 30840 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
 Заказ 8893. Тираж 2510. Цена 1 руб. 10 коп.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
 Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.